РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

8.

Стр.

1. Бояринъ и воевода князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Его жизнь и дѣятельность въ связи съ событіями смутнаго времени. Статья **Г. А. Воробьева**..... 465
2. Два новонайденныя письма **князя Антіоха Кантемира** (Сообщены **С. А. Петровскимъ**)..... 517
3. Историческія гробницы. **Священника С. Богословскаго**..... 520
4. По поводу инструкціи графа Бенкендорфа чиновникамъ Третьяго Отдѣленія. Современное дѣло..... 522
5. Письма князя **А. Ѳ. Орлова** къ графу А. Х. Бенкендорфу. 1837..... 525
6. Къ исторіи покоренія Восточнаго Кавказа. **Барона А. П. Николаи.** 531
7. Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Конецъ 1826 года. (Елисаветпольское сраженіе. — Полковникъ Реутъ.—Паскевичъ.—Мнимая тревога.—Представленіе Паскевичу.—Таинственная пальба.—К. Х. Бенкендорфъ.—Князь Мадатовъ)..... 536
8. Пернатый батальонъ (при Аракчеевѣ)..... 562
9. Магистерскій диспутъ Грановскаго. Изъ воспоминаній **Ѳ. П. Еленева**... 564
10. Макарій Аѳонскій. **П. М.**..... 569
11. Письмо **Филарета** къ императору Александру Павловичу 1825. Съ приложеніями (Сообщено **К. П. Побѣдоносцевымъ**)..... 579
12. О сочиненіи Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина“. **И. В. Помяловскаго**..... 579
13. По поводу новаго труда Д. А. Ровинскаго..... 581
14. Изъ дневника и записной книжки **графа П. Х. Граббе.** 1856—1857.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи.
на Страстномъ бульварѣ.
1889.

Въ конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175)

ПРОДАЮТСЯ

Книги изданныя Русскимъ Архивомъ:

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

MEMOIRES DE LA COMTESSE EDLING

demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Elizabeth Alexéewna. Малая 8-ка, 284 стр., на веленевой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 франковъ съ пересылкою. Получать можно въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“ (Садовая, д. 175) и на Кузнецкомъ Мосту, въ книжномъ магазинѣ Готье. Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома. Цѣна каждому тому **3** р. съ перес. **3** р. **30** к.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова**. Съ портретомъ. Цѣна 30 к.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ четыре книжки получаютъ ихъ съ пересылкою за **1 руб. 20 коп.**

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его новонайденныхъ сочиненій, его бумаги, черновыя его письма и наброски, выдержки изъ его записокъ, переписка его и письма къ нему разныхъ лицъ, замѣтки на его сочиненія и статьи о немъ (князя П. П. Вяземскаго, по бумагамъ Остафьевскаго архива, П. И. Бартенева, Г. С. Чирикова, Зеленецкаго, М. Н. Лонгинова, князя П. А. Вяземскаго, И. С. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.) со снимкомъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ, за пересылку 10 к.

РИЖСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ ★ МОСКОВСКАЯ

БОЯРИНЪ И ВОЕВОДА КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

Его жизнь и дѣятельность въ связи съ событіями смутнаго времени.

ВВЕДЕНІЕ.

Послѣдніе годы царствованія Бориса Годунова.—Смутное время.—Лжедимитрій на престолѣ Московскомъ.

Рѣдко Россія бывала такъ сильна и счастлива, какъ въ первые годы царствованія Бориса Годунова. Онъ правилъ кормиломъ государства, устраняя отъ него бѣдствія, указывая народу новые источничи благоденствія, помышляя о наукахъ и смягченіи нравовъ. Народъ любилъ его, помня, что Борисъ выразилъ готовность пожертвовать для счастія подданныхъ послѣднею рубахою; тронъ его казался непоколебимымъ; съ почтеніемъ и страхомъ смотрѣли на него сосѣди [1]). Но какъ обыкновенно, послѣ затишья, наступаетъ буря, такъ, послѣ мирныхъ лѣтъ правленія Борисова, наступило въ Русской землѣ время неустройствъ чрезвычайныхъ. Безпрестанное нарушеніе присяги, низверженіе царей и святителей, цареубійство, измѣна—стали дѣломъ обыкновеннымъ. Подросли и стали дѣйствовать люди родившіеся и воспитавшіеся въ годы лютаго тиранства при Иванѣ Грозномъ. Въ государственной жизни ничто не проходитъ безслѣдно. Людямъ конца XVI и начала XVII вѣка пришлось пожинать посѣянное ихъ дѣтьми и отцами:

....Старыя гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,
Растлѣнье душъ и пустота,
Что́ гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ...

Порвались всѣ связи общественныя и даже семейныя; святость крестнаго цѣлованія, любовь къ отечеству, честь и совѣсть исчезли, какъ бы безслѣдно, съ лица земли Русской; престолъ царскій осиротѣлъ и предлагался измѣнниками иноземцамъ; вѣра православная поколе-

[1]) См. объ этомъ періодѣ у *Карамзина*, Ист. Рос. Рос., т. XI, гл. II.

балась. «И было тогда такое лютое время Божія гнѣва, что люди впредъ не чаяли себѣ спасенія; чуть не вся земля Русская опустѣла, и прозвали старики наши это лютое время *лихольтьемъ*», говоритъ одно современное сказаніе.

Случилось это такимъ образомъ.

Въ началѣ 1604 года, въ Москву пришло извѣстіе, что въ Сѣверской Украйнѣ явился человѣкъ, назвавшій себя сыномъ Грознаго, царевичемъ Димитріемъ, спасшимся въ Угличѣ отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ. Бродяга непомнящій родства [2]) собралъ вокругъ себя толпу единомышленниковъ, изъ которыхъ одни слѣпо вѣрили его разсказамъ, другихъ же увлекала жадность къ наживѣ и страсть къ разнаго рода похожденіямъ. Поддерживаемый Польскимъ правительствомъ, которое, разумѣется, нимало не вѣрило въ царственное происхожденіе бродяги, но которому хотѣлось посѣять смуту въ Московскомъ государствѣ, онъ двинулся къ Москвѣ, объявивъ Годунова похитителемъ престола. Сѣверскіе города одинъ за другимъ начали сдаваться Самозванцу, признавая его истиннымъ царевичемъ. Не сдался одинъ Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ засѣлъ храбрый воевода Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, любимецъ царя Бориса. При Добрыничахъ, встрѣтившись съ царскими войсками (21 Января 1605 г.), Лжедимитрій потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и хотѣлъ было бѣжать въ Польшу, какъ внезапная кончина Годунова (13 Апрѣля) дала совершенно другой оборотъ дѣлу. Хотя жители Москвы и присягнули сыну Бориса Ѳедору, но волненіе умовъ со дня на день усиливалось. Самую

---

[2]) Изслѣдованію личности перваго Самозванца, въ нашей исторической литературѣ, посвящено покойнымъ *Н. И. Костомаровымъ* спеціальное сочиненіе: „Кто былъ первый Лжедимитрій“, СПБ. 1864 г., въ которомъ авторъ однако не пришелъ ни къ какому положительному выводу, такъ что несомнѣнно лишь, что царствовавшій на престолѣ Московскомъ, подъ именемъ Димитрія, не былъ истиннымъ Димитріемъ, что онъ былъ выставленъ Польскою интригою, при содѣйствіи нѣкоторыхъ бояръ, недовольныхъ Годуновымъ. Укажемъ еще на прекрасную статью *Н. М. Павлова* (Н. Бициnъ): „Правда о Лжедимитріи“ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886 г., кн. VIII, въ которой авторъ, съ большимъ остроуміемъ и замѣчательною послѣдовательностію, развиваетъ взгляды Костомарова и митрополита *Платона* („Церк. Ист.“), соглашаясь съ первымъ, что Лжедимитрій былъ „дѣломъ бояръ“ и со вторымъ, что онъ былъ орудіемъ іезуитовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проводитъ любопытную параллель между личностію перваго Самозванца и личностію бѣглаго монаха Отрепьева, доказывая тѣмъ полнѣйшее ихъ несходство. Статья г. Павлова (первоначально появившаяся въ газетѣ „День“ 1864 года), вслѣдъ за своимъ появленіемъ, вызвала оживленную полемику. Противникомъ Павлова выступилъ Костомаровъ, къ тому времени отказавшійся отъ своего мнѣнія объ участіи бояръ въ подготовленіи Самозванца. Возраженія Н. И. г. Павлову были напечатаны въ свое время въ „Голосѣ“ 1865 г., №№ 30 и 56, а г. Павлова—Костомарову—въ „Днѣ“, за тотъ же годъ, №№ 6 и 15. Кромѣ того по поводу статьи „Правда о Лжедимитріи“ сдѣлали нѣсколько замѣчаній *Ю. Ѳ. Самаринъ* и *М. П. Погодинъ* (см. „Рус. Арх.“, 597—601).

кончину Бориса считали попущеніемъ Божіимъ и объясняли въ пользу Лжедимитрія. Наконецъ, Басмановъ, котораго Ѳедоръ назначилъ главнымъ начальникомъ войска, видя кругомъ себя колебаніе, передался на сторону Самозванца; примѣру вождя послѣдовало и войско. Участь Годуновыхъ была рѣшена. Нѣсколько измѣнниковъ возмутили жителей столицы и свели съ престола царя Ѳедора (1 Іюня). Нашлись злодѣи, которые потомъ звѣрски умертвили юнаго монарха, вмѣстѣ съ матерью его, царицею Маріею [3]).

Самозванецъ съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву (20 Іюня). Новый царь обнаружилъ на первыхъ порахъ необыкновенную дѣятельность. Онъ усердно принялся за государственныя дѣла, и не проходило дня, въ который бы царь не присутствовалъ въ думѣ, гдѣ удивлялъ бояръ большою смѣтливостію въ дѣлахъ и даромъ слова. Лжедимитрій составлялъ обширные планы, задумывалъ разныя преобразованія, мечталъ завести регулярное войско, учредить Сенатъ, заботился о сношеніяхъ съ Европейскими державами, объявлялъ, что хочетъ держать народъ въ повиновеніи не строгостію, но щедростію и милостію. Чтобы показать свою милость на дѣлѣ, самозванецъ возвратилъ изъ заточенія большую часть бояръ, сосланныхъ въ предшествовавшія царствованія. Между прочимъ онъ возвратилъ свободу, чины и имѣнія Нагимъ и Романовымъ. Михайла Нагой пожалованъ въ санъ великаго конюшаго, братъ его и три племянника — въ бояре; въ боярскій же санъ былъ возведенъ и Иванъ Никитичъ Романовъ; братъ его Филаретъ (въ мірѣ Ѳеодоръ) посвященъ въ санъ митрополита Ростовскаго, а супругѣ его, инокинѣ Марѳѣ (въ мірѣ Ксеніи Ивановнѣ, урожд. Шестовой), вмѣстѣ съ сыномъ, малолѣтнимъ Михаиломъ, разрѣшено поселиться въ епархіи Филаретовой, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, близъ Костромы. Свое сочувствіе къ семьямъ Нагихъ и Романовыхъ Самозванецъ простеръ и на ихъ умершихъ родственниковъ: тѣла Нагихъ и Романовыхъ, погибшихъ въ изгнаніи, вынули изъ могилъ пустынныхъ, перевезли въ Москву и схоронили съ честію, тамъ гдѣ лежали ихъ предки и ближніе. Таково было отношеніе Лжедимитрія къ мнимымъ своимъ родственникамъ. Далѣе слѣдовалъ цѣлый рядъ милостей царскихъ и ко всѣмъ вообще опальнымъ боярамъ Борисова времени, причемъ многіе изъ нихъ получили высшія придворныя должности [4]).

---

[3]) Сестра Ѳедора, царевна Ксенія сдѣлалась жертвою гнуснаго сладострастія Самозванца, потомъ пострижена съ именемъ Ольги и заточена въ отдаленной обители, гдѣ прожила довольно долго.

[4]) *Древ. Рос. Вивліоѳ.*, час. XX, изд. 2-е, М. 1791, 77; *Карамзинъ.* Ист. Гос. Рос., т. XI, IV, 124.

I.

Происхожденіе фамиліи Шуйскихъ-Скопиныхъ.—Милости и довѣріе Самозванца къ князю Михайлу Васильевичу Скопину-Шуйскому.

Въ числѣ лицъ, почтенныхъ особеннымъ вниманіемъ Самозванца, былъ молодой князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, послѣдній представитель этой семьи. Семья Скопиныхъ-Шуйскихъ существовала сравнительно недолго и была отраслью другой, болѣе извѣстной — князей Шуйскихъ, ведшихъ свой родъ отъ князей Суздальскихъ [5]). Въ старинныхъ родовыхъ обычаяхъ случалось не рѣдко, что кто-нибудь изъ членовъ получалъ прозвище, которое потомъ и оставалось за его прямыми потомками и, такимъ образомъ, получалось двойное имя. Такъ, одинъ изъ Шуйскихъ, Иванъ, былъ прозванъ *Скопа* [6]), и вотъ отъ Шуйскихъ возникла особая вѣтвь Скопиныхъ-Шуйскихъ. Сынъ Ивана Скопы, Ѳедоръ Ивановичъ, вмѣстѣ съ прочими Шуйскими, принималъ участіе въ правленіи, во время малолѣтства Грознаго, потерпѣлъ гоненіе, ссылку, вмѣстѣ съ своими родственниками, отъ Глинскихъ, и явился мстителемъ во время Московскихъ пожаровъ 1547 г. [7]). Передъ смертію онъ принялъ схиму съ именемъ Ѳеодосія; погребенъ въ родовой усыпальницѣ князей Скопиныхъ-Шуйскихъ, при соборной церкви Рождества Богородицы въ Суздалѣ; а жена его схоронена въ Суздальскомъ Покровскомъ женскомъ монастырѣ [8]). Черезъ двадцать лѣтъ, при дворѣ Грознаго, между боярами первой статьи, встрѣчается внукъ Скопы, сынъ Ѳедора, Василій [9]). Мы его видимъ дѣйствующимъ противъ Баторія [10]), намѣстникомъ Новгорода [11]). Позднѣе, въ концѣ царствованія Ѳедора Ивановича, во время гоненія на Шуйскихъ, Василій Ѳедоровичъ былъ лишенъ намѣстничества (которое было передано брату Годунова, Димитрію) и своего пожалованья Каргополя, съ приказаніемъ оставаться въ Москвѣ [12]).

---

[5]) *Шиловъ.* Родослов. табл. къ Исторіи Соловьева, М. 1864, таб. 6.

[6]) Скопà—хищная птица изъ породы орловъ (*Слов. Церк.-Слав. яз.*, изд. Академіей Наукъ; *Даля*—Толков. Слов.).

[7]) *Карамзинъ.* И. Г. Р., VIII, 47, 51, 61—64; *Соловьевъ.* Ист. Рос., VI, 1877, 42—57; *Царствен. кн.*, стр. 141—142; *Сказ. кн. Курбскаго*, изд. 2-е, 185, прим. 259; *Иконниковъ.* Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій—въ „Древ. и Нов. Рос." 1875 г., т. I, 20.

[8]) *Истор. собр. о гр. Суждалѣ* во „Времен. Моск. общ. ист.", кн. XXII, 154, 202, 182.

[9]) *Карамзинъ.* И. Г. Р., X, прим. 23; *Соловьевъ.* И. Р., VII, 1879, 11.

[10]) *Древ. рос. Вивл.*, XIV, 349; *Карамзинъ*, И. Г. Р., X, прим. 567.

[11]) *Карамзинъ*, И. Г. Р., X, 30.

[12]) *Карамзинъ.* И. Г. Р., X, прим. 418.

Во время этого погрома у князя Василія родился сынъ Михаилъ [13]). На восьмомъ году князь Михайло Васильевичъ лишился отца и остался на попеченіи матери, Елены Петровны, изъ рода Татевыхъ [14]). Мальчикъ подросталъ, и его начали учить. Сочинитель поэтическаго сказанія о рожденіи князя Михайла Васильевича хвалитъ «быстроту его разума», благодаря которой ученье давалось ему легко. Затѣмъ, Михайло Васильевичъ былъ зачисленъ въ *царскіе жильцы* [15]). Князь Михайло Васильевичъ, по словамъ его біографа, не смотря на свою юность, отличался при дворѣ «многолѣтнимъ разумомъ», не гордился передъ низшими, не хвастался своимъ происхожденіемъ, не клеветалъ на товарищей, но былъ тихъ и скроменъ и, вѣроятно, потому не только прожилъ въ тишинѣ, въ то время, какъ Годуновъ «выводилъ измѣну», но даже былъ взысканъ царскою милостью. Такъ, мы встрѣчаемъ его въ *стольникахъ*; а на пріемѣ Персидскаго посла, осенью 1604 г., онъ былъ назначенъ смотрѣть и сказывать въ большой столъ [16]).

Лжедимитрій пожаловалъ князя Михайла Васильевича званіемъ *великаго мечника*, т. е. хранителя царскаго меча. Достоинства великаго мечника въ древней Руси не существовало, Самозванецъ ввелъ его въ нашемъ отечествѣ, заимствовавъ изъ Польши, вмѣстѣ съ званіями: великаго дворецкаго, подскарбія, кравчаго, подчашника и печатника [17]). Въ проектѣ Русскаго сената, въ числѣ бояръ первой статьи, было отве-

---

[13]) Въ „Сказ. о рожденіи кн. Мих. Вас.“, помѣщенномъ въ хронографѣ, принадлежавшемъ древнехранилищу Погодина, сказано: „родился убо сей великій воинъ и воевода кн. М. В. Шуйской въ лѣто 7095 (1587), и наречено бысть имя его на память собора Св. Архангела Михаила мѣсяца Ноября въ 8-й день“. (Изборникъ *А. Попова*, М. 1869, стр. 379).

[14]) Сказ. о рожд. Скопина, 379; Послуж. списокъ чиновниковъ въ *Древ. Рос. Вивл.* XX, 65. Кн. Василій предъ смертію (1595 г.) также принялъ схиму съ именемъ Іоны. Его похоронили въ Суздалѣ, въ родовой усыпальницѣ. (*Истор. собр. о гр. Суждалѣ*, 202; *Сказ. о рожд. Скопина*, 379). Женатъ онъ былъ на дочери Петра Ив. Татева, въ монашествѣ Пимена (*Списокъ надгробій Троицкой Лавры* въ „Чт. Моск. Общ. Ист.“ 1846, II, 37; *Древ. Рос. Вивл.*, XX, 59). По кончинѣ князя Мих. Вас., Елена Петровна приняла монашество, при чемъ названа была Анисьей; она умерла 19 Іюля 1631 г. и погребена, вмѣстѣ съ родомъ Татевыхъ, въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ („Чт. Моск. Общ. Ист. 1846, II, 37).

[15]) Отборные боярскіе дѣти. Названіе это дано имъ потому, что дворяне обязаны были являться въ Москву на службу, *живали* въ Москвѣ и, по установленной очереди, являлись для охраны дворца, при чемъ имъ отводилось тамъ особое помѣщеніе, называвшееся *жилецкою подъ клѣтью*. Съ этого званія и начиналась собственно для дворянъ царская служба, причемъ жильцамъ поручались иногда и другія мелкія дѣла. Съ учрежденіемъ регулярной арміи прекращенъ былъ, въ 1701 г., наборъ жильцовъ; но жилецкое званіе удерживалось до 1711 г., когда оно было окончательно отмѣнено. (Истор. очеркъ гражд. чинопроизв. въ Россіи *В. Еврейнова* въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1887 г., кн. III, 210).

[16]) *Разрядн. кн.* въ „Симбирск. Сбор.“, 153.

[17]) *Собр. Гос. Гр. и Дог.*, II, 210; *Соловьевъ*. И. Р., VIII, 1873, 110.

дено мѣсто и великому мечнику князю Михайлу Скопину [18]) Тогда Михайлу Васильевичу было всего восемнадцать лѣтъ. Не смотря на его молодость, на него вскорѣ было возложено Лжедимитріемъ довольно важное порученіе.

Прошло около мѣсяца, какъ Самозванецъ властвовалъ въ Москвѣ. Поляки совѣтовали ему, для утвержденія власти, поспѣшить вѣнчаніемъ на царство, такъ какъ многіе думали, что и несчастный Ѳедоръ не такъ легко сдѣлался бы жертвою измѣны, еслибы успѣлъ освятить себя въ глазахъ народа саномъ помазанника Божія. Обрядъ этотъ надлежало совершить патріарху [19]), который уже разослалъ по всѣмъ областямъ грамоты съ извѣстіемъ о восшествіи Димитрія на престолъ, причемъ предписывалъ молиться за царя и за его мать. Но признаніе патріарха не могло окончательно утвердить новаго царя на престолѣ: это могло сдѣлать только признаніе матери, царицы Маѳы. Самозванецъ понималъ это и отлагалъ царское вѣнчаніе; кромѣ того ему были извѣстны народные обычаи: уваженіе къ родителямъ, особенно къ матери, Русскіе считали первою добродѣтелью. Онъ рѣшилъ напередъ увидѣться съ Маѳою. Но какъ это сдѣлать? Лжедимитрій не могъ быть увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію инокини и материнскому сердцу. Самозванецъ началъ дѣйствовать осторожно: онъ вошелъ, чрезъ довѣренныхъ лицъ, въ тайныя сношенія съ инокинею Маѳою [20]). Съ одной стороны ей представили жизнь царскую, а съ другой—лишенія и смерть. Вдовствующая супруга Іоаннова, еще не старая лѣтами, помнила, говоритъ исторіографъ, удовольствія свѣта, двора и пышности, тринадцать лѣтъ плакала въ уничиженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ, и не усумнилась въ выборѣ [21]).

Тогда Лжедимитрій уже гласно послалъ за нею въ Выксинскую пустыню [22]) богатое посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ великій мечникъ, князь Скопинъ-Шуйскій. Въ составъ посольства, кромѣ Михайла Васильевича, входили: бояре Мстиславскій, Воротынскій,

---

[18]) См. Роспись Московскимъ сенаторамъ, писанную рукою секретаря Самозванца (по-польски) Яна Бучинскаго, помѣщен. въ *Собр. Гос. Гр. и Дог.*, II, 207—210.

[19]) Патріархомъ, на мѣсто низложеннаго Іова, Лжедимитрій выбралъ своего сторонника, Грека Игнатія. Церковь не поставляетъ Игнатія въ числѣ десяти патріарховъ Русскихъ и именуетъ лжепатріархомъ.

[20]) *Собр. Гос. Гр. и Догов.*, II, 307.

[21]) *Карамзинъ.* И. Г. Р., XI, гл. IV, 127.

[22]) Бывшій Выксинскій монастырь, въ которомъ жила въ это время мать царевича Дмитрія, постриженная въ монашество, по волѣ Борисовой, находился въ 25 вер. отъ Череповца, отъ Москвы—на разстояніи 500 верстъ.

Масальскій, нѣкоторые другіе и нѣсколько тысячъ всадниковъ [23]). Молодой князь успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе. 18-го Іюля онъ уже съ царицею-инокинею приблизился къ Москвѣ. Царь выслалъ ей лошадей къ Троицѣ. Димитрій выѣхалъ встрѣтить ее въ селѣ Тайнинскомъ. Вся Москва повалила за царемъ: всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, какъ будетъ встрѣчать мать сына, котораго не видала съ младенчества и должна была столько времени притворно увѣрять всѣхъ, что его нѣтъ на свѣтѣ; какъ будетъ привѣтствовать сынъ свою мать, которую не видалъ съ дѣтства и не смѣлъ заочно назвать матерью. Царицу везли въ каретѣ. Димитрій подъѣхалъ къ ней верхомъ; карета остановилась. Царь быстро соскочилъ съ лошади, бросился къ каретѣ. Марѳа отогнула полу занавѣса, закрывавшаго бокъ кареты; сынъ бросился ей въ объятія; оба зарыдали и повисли другъ у друга на шеѣ. Такъ пробыли они четверть часа предъ множествомъ народа. Потомъ карета двинулась; царь шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты нѣсколько верстъ и потомъ, уже подъ самой Москвой, сѣлъ на коня и уѣхалъ впередъ, чтобы снова встрѣтить мать въ Кремлевскихъ воротахъ. Колокола звонили по всей Москвѣ, когда въѣзжала царица; ликовалъ народъ въ праздничныхъ нарядахъ, съ веселыми лицами; тысячи голосовъ поздравляли царицу съ возвратомъ изъ долгаго заточенія. Рѣдкій въ ту минуту не плакалъ отъ умиленія, и казалось никто въ народѣ не сомнѣвался, что на Московскомъ престолѣ настоящій сынъ Грознаго.

Между тѣмъ бояре распускали по городу слухи, что онъ *Самозванецъ*. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, уже на третій день послѣ въѣзда Лжедимитрія въ Москву, былъ уличенъ въ этомъ, судимъ соборомъ и приговоренъ къ смерти; но Самозванецъ помиловалъ его, по просьбѣ матери своей. Это великодушіе однако мало принесло ему пользы: по городу продолжали ходить толки объ его самозванствѣ [24]). Главною поддержкою для этихъ толковъ служило пренебреженіе царя къ стариннымъ обычаямъ и къ церковнымъ постановленіямъ. Такъ, замѣтили, что онъ не соблюдалъ Успенскаго поста, не молился передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, во время стола любилъ слушать музыку и пѣніе, не спалъ послѣ обѣда, и вообще держалъ себя не такъ, какъ прежніе цари. Затѣмъ, женитьба на католичкѣ - Полькѣ Маринѣ Мнишекъ

---

[23]) *Маржеретъ* (въ Сказ. Совр. о Д. Самозванцѣ, I, 1859), 298; Беръ (*Буссовъ*) (тамъ же), 48.

[24]) Дьякъ Тимоѳей Осиповъ, рѣшившись обличить Лжедимитрія, постился и причастился Св. Таинъ, пришелъ во дворецъ и передъ всѣми началъ говорить ем : „ты воӥстину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый, не царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ". Палицынъ передающій этотъ разсказъ, прибавляетъ, что Лжедимитрій тотчасъ велѣлъ Осипова казнить (*Сказ. объ осадѣ Троицкой лавры*, 28—29).

возбудила противъ него сильное негодованіе, которое перешло въ явный ропотъ, когда Поляки, прибывшіе въ свитѣ Марины, начали вести себя безчинно.

Ненавистью народа къ Полякамъ воспользовался тотъ же князь Василій Ивановичъ Шуйскій. 17-го Мая слѣдующаго 1606 г., рано утромъ, раздался набатъ, и толпа народа, съ крикомъ: «Поляки рѣжутъ царя!» устремилась въ Кремль. Во главѣ этой толпы ѣхалъ на конѣ князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ, крестъ, а въ другой мечъ. Лжедимитрій проснулся отъ набата и выслалъ Басманова справиться, въ чемъ дѣло. Басмановъ въ отчаяніи прибѣжалъ назадъ къ царю, крича, что вся Москва собралась на него. Когда уже бояре вошли во дворецъ, Басмановъ вышелъ къ нимъ и сталъ уговаривать ихъ не выдавать народу Лжедимитрія, но былъ убитъ. Лжедимитрій въ ужасѣ бѣгалъ по комнатамъ, кричалъ стражѣ, чтобы она никого не пускала, и когда половина ея побросала оружіе и разбѣжалась, онъ рѣшился одинъ защищаться. «Подайте мнѣ мой мечъ!» кричалъ онъ. Но князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій не явился на этотъ зовъ, да и меча не оказалось на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно хранился. Такимъ образомъ, не остается никакого сомнѣнія, что молодой князь сочувствовалъ заговору своего дяди и заблаговременно спряталъ царскій мечъ. Тогда Самозванецъ увидалъ, что сопротивленіе безполезно, выскочилъ изъ окна и разбился. Стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ, подняли его, привели въ чувство и приняли было его сторону, но заговорщики погрозили имъ напасть на стрѣлецкую слободу и истребить ихъ женъ и дѣтей. Стрѣльцы испугались и покинули Самозванца. Въ тоже время князь Иванъ Голицынъ принесъ извѣстіе, что инокиня Марѳа отрекается отъ Самозванца и сознается въ обманѣ. Тогда со всѣхъ сторонъ закричали: «бей его, руби!» Трупъ Лжедимитрія, почти цѣлый годъ царствовавшаго на Москвѣ, стащили на Красную площадь, вмѣстѣ съ трупомъ Басманова, гдѣ они и подверглись поруганію черни.

II.

Воцареніе князя Василія Ивановича Шуйскаго и появленіе втораго Самозванца.—Первая побѣда князи Михайла на берегахъ Пахры.—Пораженіе Болотникова.—Князь Скопинъ-Шуйскій—боярин.—Мужество его въ битвѣ на Пчельнѣ.—Осада Тулы.

Начали думать объ избраніи новаго царя. Изъ всѣхъ бояръ Московскихъ, по уму, силѣ воли и знатности рода, выдавались два князя Василій Ивановичъ Шуйскій и Василій Васильевичъ Голицынъ. Оба имѣли сильныя стороны, но князь Голицынъ не могъ съ успѣхомъ бороться противъ князя Шуйскаго. Шуйскій былъ первымъ обличителемъ Самозванца, главою заговора, вождемъ народа противъ «злаго еретика».

Для людей, совершившихъ послѣдній переворотъ, кто могъ быть лучшимъ царемъ, какъ не вождь ихъ въ этомъ дѣлѣ? Бояре хотѣли созвать выборныхъ изъ всѣхъ городовъ, чтобы, по совѣту всей земли, избранъ былъ государь такой, который былъ бы всѣмъ любъ. 19-го Мая, утромъ, на Красной площади толпился народъ точно также, какъ и 17-го Мая. Вышли бояре и духовенство и предложили избрать патріарха (Игнатій былъ свергнутъ одновременно съ паденіемъ Лжедимитрія) и разослать грамоты для созванія выборныхъ людей изъ городовъ на соборъ, который долженъ избрать государя. Но бывшіе въ народѣ сторонники князя Шуйскаго закричали, что царь нужнѣе патріарха и что царемъ долженъ быть князь Василій Ивановичъ Шуйскій [25]). Этому крику никто не сталъ противорѣчить, и князь Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ, а Казанскій митрополитъ Гермогенъ избранъ патріархомъ. Возведенный на престолъ кружкомъ своихъ приверженцевъ, а не великою земскою думою, князь Шуйскій принужденъ былъ сдѣлать многія уступки боярамъ и далъ клятву не предпринимать ничего важнаго безъ ихъ совѣта. Это обязательство ограничило его самодержавную власть и произвело въ народѣ неблагопріятное для царя впечатлѣніе [26]). Скоро Василій Ивановичъ заслужилъ общее нерасположеніе и въ средѣ бояръ: одни изъ нихъ были недовольны, потому что сами хотѣли быть на престолѣ; другіе не хотѣли видѣть царемъ Шуйскаго по прежнимъ отношеніямъ; его сторонники были недовольны, потому что Шуйскій по скупости не осыпалъ ихъ милостями. Уже въ слѣдующемъ 1607-мъ году сталъ ходить слухъ, будто бы Лжедимитрій спасся отъ смерти и опять нашелъ убѣжище въ Литвѣ. Василій велѣлъ, съ подобающими почестями, перенести изъ Углича въ Москву мощи убитаго царевича Димитрія; но эта мѣра не подѣйствовала. Народъ началъ волноваться и обнаружилъ сильное недовѣріе къ царю: въ Москвѣ помнили очень хорошо, какъ этотъ же самый Шуйскій объявилъ, что царевичъ умертвилъ самъ себя, въ припадкѣ падучей болѣзни...

Первое возстаніе въ пользу мнимо-спасеннаго царевича произошло опять въ Сѣверской Украйнѣ, которую, на этотъ разъ, возмутилъ Путивльскій воевода, князь Григорій Шаховской. Однимъ изъ начальниковъ возстанія явился Иванъ Болотниковъ, человѣкъ отважный и даровитый, бывшій нѣкогда холопомъ, а въ то время только-что возвратившійся изъ Татарскаго плѣна. Болотниковъ обратился къ подобнымъ себѣ, обѣщая волю, богатство и почести подъ знаменами Димитрія, и

---

[25]) *Хронограф. Кубасова.* Изборн. Попова, 294.
[26]) *Пол. собр. Рус. лът.*, IV, 321.

подъ эти знамена начали стекаться преступники, спасшіеся въ Украйну отъ наказанія, бѣглые холопы и крестьяне; къ нимъ приставали въ городахъ посадскіе люди и стрѣльцы. Они начали въ городахъ хватать воеводъ и сажать ихъ въ тюрьмы; крестьяне и холопы нападали на господъ своихъ, мужчинъ убивали, женъ и дочерей безчестили. Царскія войска, высланныя противъ Болотникова, подъ начальствомъ боярина князя Воротынскаго и князя Трубецкаго, были разбиты, близъ города Кромъ. Полчища Болотникова умножались: боярскій сынъ Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ и Каширу; воевода Григорій Сунбуловъ и дворянинъ Прокофій Ляпуновъ подняли княжество Рязанское. Болотниковъ, соединившись съ Пашковымъ и Рязанцами, переправился за Оку, взялъ и разграбилъ Коломну.

Противъ Болотникова выслано было новое войско. Передовымъ отрядомъ этого войска начальствовалъ князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Онъ разсѣялъ бунтовщиковъ въ сшибкѣ, на берегахъ рѣки Пахры. Это была первая побѣда князя Михайла, начало его боеваго поприща. Къ сожалѣнію, главные воеводы, князья Мстиславскій, Дмитрій Шуйскій (братъ царя), Воротынскій, Голицыны, Нагіе, не поддержали чести Русскаго оружія: встрѣтившись съ непріятелемъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ, они сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество знатныхъ плѣнниковъ.

Болотниковъ, гоня побѣжденныхъ, дошелъ до Москвы и 22 Октября сталъ въ селѣ Коломенскомъ (за семь верстъ отъ столицы), подметными письмами поднимая Московскую чернь противъ высшихъ сословій. Царствованію Шуйскаго, казалось, пришелъ конецъ; но дворяне, соединившіеся съ Болотниковымъ, Ляпуновъ и Сунбуловъ и ихъ товарищи увидали съ кѣмъ у нихъ общее дѣло, и поспѣшили отдѣлиться. Они предпочли снова служить Шуйскому и явились съ повинною въ Москву, гдѣ были приняты и награждены. Тверь, Смоленскъ, Ржевъ остались вѣрны царю Василію и прислали своихъ ратныхъ людей къ нему на помощь. Болотниковъ замѣтилъ, что въ Москву проходятъ безпрепятственно ратныя силы и рѣшилъ начать приступъ. 26-го Ноября онъ перешелъ черезъ Москву-рѣку и растянулъ свое ополченіе вокругъ столицы, чтобы не допускать въ нее прохода ратныхъ людей изъ другихъ городовъ, оставшихся вѣрными царю Василію.

Въ Москвѣ тоже собирались въ походъ на воровъ. Въ тотъ же день расположился станомъ у Серпуховскихъ воротъ князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій съ товарищами, князьями Андреемъ Голицынымъ и Татевымъ. Они ударили на мятежниковъ, отбили ихъ

и захватили не мало плѣнныхъ. Тогда же Истома Пашковъ, съ четырьмя стами стрѣльцовъ, перешелъ на сторону царскаго войска, такъ что Болотниковъ принужденъ былъ прекратить нападеніе и уйти въ свой станъ [27]). Царь послалъ къ Болотникову увѣщаніе сдаться, обѣщая ему помилованіе и важный чинъ; Болотниковъ отвѣчалъ отказомъ.

Послѣ этого отказа, князь Скопинъ-Шуйскій, собравши свои полки въ Даниловомъ монастырѣ, за Серпуховскими воротами, 2-го Декабря, пошелъ въ село Коломенское. Онъ зналъ, что силы Болотникова значительно уменьшились послѣ отпаденія отъ него дворянъ и дѣтей боярскихъ, и, что, кромѣ казаковъ, у него мало людей опытныхъ; да и тѣ вооружены чѣмъ ни попало. Болотниковъ вышелъ на встрѣчу князю Скопину, сразился съ нимъ при урочищѣ Котлахъ, не выдержалъ напора и воротился въ Коломенское, гдѣ и заперся въ острогѣ, надѣясь на твердость послѣдняго. Князь Скопинъ-Шуйскій осадилъ этотъ острогъ. Царскія войска стрѣляли изъ пушекъ три дня и все-таки не могли разметать острога. Мятежники прятались отъ ядеръ въ земляныя ямы, а ядра тушили сырыми воловьими шкурами. Когда узнали такую ихъ хитрость, сдѣлали огненныя ядра съ «нѣкоею мудростію», по выраженію лѣтописца, такъ что угасить ихъ было уже невозможно, и пожаръ распространился внутри укрѣпленія [28]). Тогда Болотниковъ, съ своими единомышленниками, выскочилъ изъ острога и бросился бѣжать по Серпуховской дорогѣ. Князь Михайло Васильевичъ погнался за нимъ и захватилъ много плѣнныхъ.

Часть сторонниковъ Болотникова отдѣлилась отъ него; это были казаки. Они заняли деревню Заборье и сдѣлали, по своему обычаю, укрѣпленіе изъ тройнаго ряда саней, тѣсно связанныхъ и облитыхъ водою. Князь Скопинъ-Шуйскій понялъ, что неудобно продолжать дальнѣйшее преслѣдованіе Болотникова, имѣя позади себя непріятеля, и потому рѣшился прежде выбить казаковъ изъ Заборья. Начальникъ Заборскаго табора, атаманъ Беззубцевъ предложилъ сдаться, если казаковъ не будутъ убивать и возьмутъ на службу. Князь далъ ему слово. Беззубцевъ вышелъ, положилъ оружіе, и Скопинъ привелъ его въ Москву съ казаками. Признано было такое множество плѣнныхъ, что въ Московскихъ тюрьмахъ не доставало для нихъ помѣщенія. Царь простилъ казаковъ сдавшихся въ Заборьѣ, и принялъ ихъ на службу, прочихъ же плѣнныхъ велѣлъ казнить. Князь Михайло Васильевичъ за пораженіе мятежниковъ возведенъ въ санъ *боярина*. Побѣда его была торжественно отпразднована въ Москвѣ и всѣхъ вѣрныхъ городахъ

---

[27]) *Никон. лѣт.*, 83; *Времен.*, XVI, 60.
[28]) *Тамъ же*, 61.

(куда посланы о томъ грамоты) благодарственными молебствіями и колокольнымъ звономъ. Между тѣмъ, Болотниковъ прибѣжалъ къ Серпухову, но жители не впустили его. Онъ засѣлъ въ Калугѣ, въ нѣсколько дней укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ, изготовился къ осадѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ провозглашеннаго Димитрія. Но такъ какъ тотъ не являлся, то князь Шаховской прислалъ къ нему казацкаго Самозванца Лжепетра [29]).

Узнавъ о соединеніи Болотникова съ Лжепетромъ, царь Василій Ивановичъ переговорилъ съ патріархомъ и придумалъ новый способъ успокоить умы: въ Москву былъ вызванъ изъ Старицы престарѣлый п. Іовъ, который торжественно, въ Успенскомъ соборѣ (20 Февраля 1607 г.) простилъ и разрѣшилъ народъ во всѣхъ его клятвопреступленіяхъ. А подъ Калугу рѣшено было послать воеводъ: князей Скопина-Шуйскаго, Ѳедора Мстиславскаго и Татева [30]). Бунтовщики тѣмъ временемъ, подобно царю, соображали свои наступательныя дѣйствія, стремясь съ разныхъ сторонъ къ одной цѣли—освободить Болотникова. Изъ Тулы шелъ на помощь къ Болотникову мятежникъ, князь Андрей Телятевскій. Его встрѣтило, при Пчельнѣ, царское войско, нарочно высланное изъ-подъ Калуги. Произошла жестокая битва, въ которой палъ князь Татевъ со многими изъ добрыхъ воиновъ; остальные обратились въ бѣгство. Пользуясь этимъ, Болотниковъ сдѣлалъ вылазку и содѣйствовалъ пораженію царскихъ воеводъ, изъ которыхъ князь Скопинъ и здѣсь показалъ себя, что не похожъ на другихъ. Онъ съ полкомъ своимъ не бѣжалъ, а мужественно, въ порядкѣ, отступилъ къ Боровску, отбиваясь отъ Болотникова. Въ рядахъ его войска былъ прежній сподвижникъ Болотникова, Истома Пашковъ; теперь онъ, дворянинъ, грудью стоялъ за дворянское и царское дѣло [31]).

Пораженіе царскаго войска на Пчельнѣ побудило царя Василья Ивановича принять мѣры рѣшительныя. Посовѣтовавшись съ боярами, онъ собралъ до ста тысячъ человѣкъ войска и, въ Маѣ мѣсяцѣ, самъ пошелъ противъ Болотникова, который къ этому времени уже перекочевалъ въ Тулу. Съ передовымъ отрядомъ шелъ князь Скопинъ-Шуйскій и раньше другихъ сталъ подходить къ Тулѣ. Болотниковъ

---

[29]) Еще при первомъ самозванцѣ Волжскіе и Терскіе козаки провозгласили одного изъ своихъ товарищей, молодаго козака Илейку, сыномъ царя Ѳедора Ивановича Петромъ, и выдумали сказку, будто царица Ирина, въ 1592 г., разрѣшилась отъ бремени именно этимъ царевичемъ, котораго Годуновъ умѣлъ скрыть и подмѣнить дѣвочкою (Ѳеодосіею). Этотъ Петръ теперь и появляется.

[30]) *Никон. Лѣт.*, 84.

[31]) „Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, да атаманъ козачей Истомка Пашковъ противъ тѣхъ воровъ мужественно сташа—говоритъ лѣтописецъ—и многихъ побиша, сами же отводомъ прочь отыдоша и едва отъ совершенныя погибели спасошася“ (*Лятух. Степ. кн.*).

выслалъ изъ города сильный отрядъ противъ него. За семь верстъ отъ города воры хотѣли не пропускать ратныхъ людей черезъ топкую и грязную рѣчку Воронью, стали на ея берегу, огородились засѣкою изъ срубленнаго лѣсу. Былъ упорный и долгій бой. Князь Скопинъ одолѣлъ. Раненые царскіе люди перешли рѣчку въ разныхъ мѣстахъ и погнали воровъ вплоть до Тулы. Много ихъ легло, много было схвачено. Это происходило въ десятую пятницу по Пасхѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, 30 Іюня, пришелъ самъ царь съ большими силами. Войско раздѣлили на три полка: большой, передовой и сторожевой; начальство надъ первымъ принялъ князь Михайло Васильевичъ. Полки окружили Тулу со всѣхъ сторонъ. Князь Скопинъ занялъ Кропивинскую дорогу. Началась осада медленная и кровопролитная.

Осажденные писали въ Польшу, къ друзьямъ Мнишка, чтобы тѣ выслали имъ непремѣнно какого-нибудь Лжедимитрія, и *второй* Лжедимитрій, наконецъ, явился. Какого онъ былъ происхожденія, трудно сказать; носились разные слухи [32]). Онъ открылся жителямъ Стародуба, тѣ провозгласили его тотчасъ же государемъ, и вся Сѣверская страна послѣдовала ихъ примѣру. Подъ знамена новаго Самозванца начали стекаться Поляки, казаки и всякіе бродяги; но съ этою малочисленною дружиною Самозванецъ не могъ идти на освобожденіе Тулы, и участь ея была рѣшена. По мысли одного Муромскаго боярскаго сына, нѣкоего Сумина Кравкова, искуснаго инженера [33]), возведена была плотина во всю ширину рѣки Упы, отчего вода выступила изъ береговъ, затопила окрестности Тулы и проникла въ самый городъ. Осажденные ѣздили изъ дому въ домъ на лодкахъ; только высокія мѣста остались сухи и казались грядами острововъ. Битвы, вылазки прекратились. Ужасъ потопа и голода смирилъ мятежниковъ. Они ежедневно толпами являлись въ станъ царскій съ повинною. Наконецъ, Шаховской и Болотниковъ предложили Василію Ивановичу сдать Тулу и выдать Лжепетра, если онъ пообѣщаетъ помиловать ихъ; въ противномъ случаѣ они рѣшались скорѣе съѣсть другъ друга отъ голода, чѣмъ сдаться. Шуйскій, уже зная, что новый Лжедимитрій недалеко, обѣщалъ милость. 10-го Октября Болотниковъ явился, вооруженный съ ногъ до головы,

---

[32]) Существуетъ, между прочимъ, мнѣніе, что второй Самозванецъ былъ, по происхожденію, Жидъ. Мнѣніе это основано на показаніи Польскаго писателя *Кобержицкаго* въ его Ист. Владислава (IV, 320), что, послѣ бѣгства Самозванца, въ его шатрѣ нашли Талмудъ. Указаніе на Еврейское происхожденіе втораго Лжедимитрія находимъ также въ письмѣ царя Михайла Ѳеодоровича къ Морицу, принцу Оранскому, помѣщенномъ въ книгѣ „Respublicae et urbes“, Lugd. Batav. 1630, pag 581. Полный сводъ мнѣній о происхожденіи втораго Лжедимитрія см. въ ст. К. Н. Бестужева-Рюмина: Обз. соб. отъ см. Іоанна IV до избранія Михаила Романова въ Жур. М. Н. П., 1887 г., Августъ, стр. 253.

[33]) Въ *Никон. Лѣт.* онъ названъ *Ѳомою, Суминымъ сыномъ*; въ *Рукоп. Филарета*: „хитродѣлателецъ воинъ града Мурома, зовомый *Мешокъ Кровковъ*“; у *Карамзина*: Муромецъ, сынъ боярскій, Сумнинъ Кровковъ (XII, 39).

въ царскій лагерь, положилъ саблю на шею и сказалъ, что царь, если хочетъ, пусть велитъ отсѣчь ему голову, но что, если онъ получитъ пощаду, то будетъ царю самымъ вѣрнымъ слугою. Царь обѣщалъ Болотникову прощеніе, но не сдержалъ своего слова: по прошествіи нѣкотораго времени, Болотникова, вмѣстѣ съ другими ворами, посадили въ Каргопольскую тюрьму, потомъ выкололи глаза и, наконецъ, утопили [34]). Лжепетра казнили, а главнаго зачинщика Сѣверскаго возстанія, князя Шаховскаго, какъ важнаго боярина, только сослали въ Каменный монастырь, на Кубенское озеро.

Довольный побѣдою, царь воротился въ Москву и 17-го Января 1608 г. отпраздновалъ свадьбу свою на княжнѣ Маріѣ Петровнѣ Буйносовой-Ростовской, съ которою былъ помолвленъ еще при Лжедимитріѣ I-мъ.

Торжество Шуйскаго было однакожъ непродолжительно. Самозванецъ усиливался: къ нему пришелъ изъ Литвы знаменитый Лисовскій, спасавшійся въ то время отъ смертной казни, которая грозила ему въ его отечествѣ; пришло нѣсколько знатныхъ пановъ, изъ которыхъ князь Романъ Рожинскій сдѣлался гетманомъ войскъ Самозванца и сталъ повелѣвать его именемъ; прибыли козаки Запорожскіе и Донскіе, послѣдніе подъ начальствомъ Заруцкаго. Но козакамъ было недостаточно одного самозванца: у нихъ явилось ихъ нѣсколько, подъ разными именами [35]), все сыновья и внуки Ивана Грознаго. Эти мелкіе самозванцы-царевичи исчезали, какъ привидѣнія, а главный началъ успѣшно свои дѣйствія.

Весною 1608 г. Самозванецъ, съ гетманомъ Рожинскимъ, двинулся къ городу Болхову и здѣсь, въ двухдневной битвѣ (10 и 11 Мая), поразилъ царское войско. Болховъ сдался. Желая воспользоваться побѣдою, Лжедимитрій спѣшилъ къ столицѣ, дѣлая по 50—60 верстъ въ день. На встрѣчу ему вышло царское войско, подъ начальствомъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго и стало на р. Незнани. Но Рожинскій съ воромъ постарались избѣгнуть этой встрѣчи и повели свои полчища черезъ Козельскъ и Калугу на Можайскъ. На этомъ пути они не встрѣтили себѣ помѣхи и 1 Іюня расположились въ пятнадцати верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ. Не успѣли Поляки остановиться на своемъ новомъ мѣстѣ, какъ пришло извѣстіе, что Московская сила ратная готовится напасть на нихъ. Рожинскій рѣшилъ предупредить нападеніе Московскихъ воеводъ и напасть самому на Московскій обозъ.

[34]) По поводу казни Болотникова Костомаровъ замѣчаетъ: „сдѣлано это было втайнѣ; народъ не долженъ былъ знать, что царь нарушилъ обѣщаніе помиловать этихъ воровъ; но, вѣроятно, ихъ погубили съ боярскаго вѣдома. Казалось, невозможно было царю, обязавшемуся править по боярскому совѣту, оставить жизнь тому, кто посягалъ на униженіе и бояръ, и всего сословія лучшихъ людей". (*Костомаровъ* Монографіи, т. V, 1868, 100).

[35]) См. у *Бутурлина* Исторія смутнаго времени, 1841, II, прилож. стр. 55—57.

Царское войско, въ числѣ семидесяти тысячъ, стояло на р. Ходынкѣ. Оно дѣлилось на три полка: большой, передовой и сторожевой; большимъ опять командовалъ М. В. Скопинъ. На Прѣснѣ стоялъ самъ царь, со всѣмъ разрядомъ [36]). Рожинскій напалъ ночью, въ расплохъ, на царское войско, захватилъ весь обозъ и гналъ бѣгущихъ до Прѣсни; но здѣсь, подкрѣпленные полками, высланными царемъ, бѣгущіе остановились и прогнали Поляковъ за р. Химку. Послѣдніе, опасаясь нападенія, окопали свой станъ, обставили частоколомъ, подѣлали башни и ворота.

Съ этого времени Тушино начинаетъ играть видную роль въ Русской исторіи. Въ Тушино цѣлыми толпами начали переходить изъ Москвы недовольные царемъ Василіемъ. Образовался особый классъ, такъ называемыхъ, *перелетовъ*, которые ради жалованья, или высшаго титула, переходили на службу въ Тушинскій лагерь, а потомъ возвращались къ царю Василію съ изъявленіемъ мнимаго раскаянія, и не стыдились по нѣскольку разъ повторять эту измѣну. Скоро Тушино превратилось въ цѣлый городъ: сюда пріѣхали Польскіе купцы и навезли товаровъ; изъ Русскихъ городовъ, признавшихъ Тушинскаго вора, также потянулись обозы, и Тушинцы во всемъ имѣли изобиліе. Ни одинъ Полякъ не оставлялъ Тушинскаго стана, напротивъ, приходили одинъ за другимъ новые отряды; такъ, пришелъ между прочими Янъ Сапѣга, староста Усвятскій, имя котораго, вмѣстѣ съ именемъ Лисовскаго, получило такую громкую извѣстность въ нашей исторіи. Но нужнѣе всѣхъ этихъ подкрѣпленій для Самозванца было присутствіе Марины въ его станѣ. Мечты вора исполнились. Еще съ весны въ Москвѣ шли переговоры о мирѣ; между боярами и Польскими послами заключено было трехлѣтнее перемиріе, съ тѣмъ условіемъ, что Шуйскій отпускаетъ въ Польшу Мнишка съ дочерью и всѣхъ задержанныхъ, послѣ убіенія перваго Лжедимитрія, Поляковъ, а король обязывается: отозвать всѣхъ Поляковъ, поддерживающихъ втораго Самозванца и впередъ никакимъ самозванцамъ не вѣрить и за нихъ не вступаться; Юрію Мнишку не признавать зятемъ втораго Самозванца; дочери своей за него не выдавать и Маринѣ не называться Московскою государынею. Узнавъ, что, въ исполненіе договора, Мнишекъ съ дочерью отпущены въ Польшу, Лжедимитрій велѣлъ перехватить ихъ на дорогѣ, что и было исполнено. Старый Мнишекъ рѣшился продать дочь Тушинскому вору за богатыя обѣщанія, и Марина волею-неволею стала играть роль царицы въ Тушинѣ. Послѣ того на имя Лжедимитрія II-го начали сдаваться одинъ за другимъ города. Число войскъ его

---

[36]) По нынѣшнему—съ главнымъ штабомъ.

все росло. Непріятельскіе отряды разсѣялись по окрестностямъ Москвы и начали все грабить и предавать огню. Тридцатитысячный Польскій отрядъ, подъ предводительствомъ Сапѣги и Лисовскаго, осадилъ Троицкую Лавру... Положеніе Шуйскаго въ Москвѣ становилось день ото дня хуже и хуже. Противъ него составлялись заговоры и происходили даже открытыя возстанія. Однажды толпа недовольныхъ Москвитянъ собралась въ Кремль и, выведши силою патріарха Гермогена изъ Успенскаго собора на лобное мѣсто, начала кричать, что Шуйскій избранъ незаконно, одною Москвою, безъ согласія другихъ городовъ, что за него не стоитъ проливать кровь. Гермогенъ, увѣщевая бунтовщиковъ, между прочимъ, сказалъ: «доселѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никакіе города Москвѣ не указывали, а указывала всѣмъ городамъ Москва». Послѣ этого мятежники, не находя ни въ комъ поддержки, ушли въ Тушино. Это однакожъ не успокоило волненія [37]).

III.

Посольство въ Швецію за помощью. — Волненія въ Новгородѣ и Псковѣ. — Дѣло Татищева.—Прибытіе наемнаго войска въ Россію, подъ начальствомъ Шведскаго генерала Якова Делагарди.—Возстановленіе царской власти на Сѣверѣ Россіи.—Разбитіе Сапѣги при Колязинѣ монастырѣ.

Въ такомъ безъисходномъ положеніи Шуйскій рѣшился прибѣгнуть къ иноземной помощи. Если Поляки нарушили обѣщаніе не поддерживать Тушинскаго вора, если воръ утвердился благодаря имъ въ Тушинѣ, то царю Василію естественно было обратиться съ просьбою о помощи къ врагу Сигизмунда III-го, королю Шведскому Карлу IX-му. Сей послѣдній еще ранѣе, неоднократно, предлагалъ Шуйскому свои услуги. Въ Февралѣ 1607 г., Выборгскій комендантъ писалъ къ Корельскому воеводѣ, князю Масальскому, что король его готовъ помогать царю, и послы Шведскіе давно уже стоятъ на рубежѣ, дожидаясьословъ Московскихъ для переговоровъ. По приказанію Шуйскаго, отвѣтъ былъ данъ не только отрицательный, но и высокомѣрный. «По Божіей милости, у насъ (говорилось, между прочимъ, въ томъ отвѣтѣ) всѣ служать великому государю, царю и великому князю Василію Ивановичу, и нѣтъ никакой розни между нами и впередъ не будетъ; а вы, невѣдомо какимъ воровскимъ обычаемъ, пишете такія непригожія и злодѣйственныя слова. А что пишете о помощи, и я даю вамъ знать, что великому государю нашему помощи никакой ни отъ кого ненадобно, противъ всѣхъ своихъ недруговъ стоять можетъ безъ васъ, и

---

37). *Соловьевъ*. И. Р., VIII, 1873, 238—240.

просить помощи ни у кого не станетъ, кромѣ Бога» [38]). Черезъ нѣсколько времени Карлъ, зная печальное положеніе Россіи, прислалъ гонца своего въ Москву, когда царь стоялъ подъ Тулою. Правительство Московское рѣшилось притворяться сильнымъ и хотѣло скрыть отъ гонца цѣль царскаго похода. Бояре говорили ему, что царь-де пошелъ на Украйну противъ Крымскаго хана. Они на этотъ разъ обошлись со Шведами повѣжливѣе: благодарили короля за предложеніе помогать, но увѣряли, что въ ихъ государствѣ нѣтъ смуты, что если и были воры и душегубцы, то ихъ уже побили. Въ заключеніе, все-таки указывалось, что на измѣнниковъ «у нашего царскаго величества многія несчетныя Русскія и Татарскія рати» [39]). Но когда Тушинскій воръ сталъ подъ Москвою, когда почти ежедневно прибывали къ нему Польскія дружины, а царскія рати были побиты, Югъ совершенно отпалъ отъ царя, а на Востокѣ города стали колебаться въ самой Москвѣ произошло волненіе умовъ, тогда Шуйскій вспомнилъ о Шведской помощи.

Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, не задолго предъ тѣмъ вступившій въ бракъ съ Александрою Васильевною Головиною [40]), долженъ былъ отправиться, по приказанію царя, въ Новгородъ, чтобы оттуда начать переговоры со Шведами.

Новгородцы издавна отличались привязанностію къ Шуйскимъ; во времена Грознаго они стояли за нихъ всѣмъ городомъ [41]). Можно было надѣяться на этотъ городъ и его землю, собрать тамъ ополченіе, а между тѣмъ Скопину пришлось послать посольство въ Стокгольмъ и уговориться на счетъ присылки Шведскаго войска. Въ Швецію онъ отправилъ стольника Семена Васильевича Головина, своего шурина и дьяка Сыдавнаго-Зиновьева, а самъ рѣшился остаться въ Новгородѣ. Онъ замѣтилъ, что и Новгородцы, прежде бывшіе вѣрными, начинали волноваться. Причиною этого были смуты въ сосѣднемъ Псковѣ.

Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, Василій Ивановичъ просилъ со Пскова девятьсотъ рублей. По всей справедливости, этотъ налогъ должны были нести «большіе» люди и богатые гости, «мужи,

---

[38]) *Дѣла Шведскія* Арх. М. И. Д; *Соловьевъ*. И. Р., VIII, 204—205.

[39]). *Тамъ же*, 205.

[40]) *Родос. кн.*, изд. редак. „Рус. Ст.“, 1873, 34. — Впослѣдствіи она приняла монашество, съ именемъ Анастасіи. Тесть кн. Мих. Вас. Василій Петровичъ Головинъ былъ казначеемъ при первомъ Самозванцѣ и Василіѣ Шуйскомъ, въ званіи окольничаго; въ 1609 г. пожалованъ саномъ боярина (*Послуж. сп.* въ *Древ. Рос. Вивл.*, XX, 76, 80, 83). Въ памятной запискѣ, веденной неизвѣстнымъ Поляномъ въ Москвѣ, онъ отмѣченъ въ числѣ „пріятелей“ Шуйскаго (Памят. XVII в., изд. *Мухановымъ*, 263—264). Умеръ 12 Янв. 1612 г., принявъ монашество (*Долгоруковъ*, Родосл. кн. I, 106).

[41]) *Соловьевъ*. И. Р., VI, 1877, 37.

по выраженію лѣтописи, славные, велики мнящіеся предъ Богомъ, богатствомъ кипящіе» [42]); но, при содѣйствіи воеводы, раскладка сдѣлана была такъ, что сборъ этотъ палъ на весь Псковъ, и въ томъ числѣ на бѣдныхъ людей и на вдовъ, а бѣдняковъ въ городѣ было, разумѣется, болѣе, чѣмъ богатыхъ. По поводу этого дѣла поднялся ропотъ во всенародномъ собраніи. Большіе люди и богатые гости отправили главныхъ крикуновъ съ деньгами въ Москву, какъ будто въ качествѣ выборныхъ, а тайно туда написали, что меньшіе люди во Псковѣ враждебны царю, посланные съ деньгами—главные измѣнники. Сихъ послѣднихъ посадили въ тюрьму, и только Псковскіе стрѣльцы, находившіеся въ Москвѣ, освободили ихъ отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Это обстоятельство сильно возмутило народъ во Псковѣ, откуда враждебное настроеніе распространилось и на пригороды. Къ тому же воевода Московскій во Псковѣ Петръ Шереметевъ и дьякъ его, знаменитый впослѣдствіи, Иванъ Грамотинъ присвоили себѣ дворцовыя помѣстья и притѣсняли жителей. А между тѣмъ изъ Новгорода пришло приглашеніе соединиться съ нимъ и *Нѣмцами* (Шведами), которые «будутъ изъза моря тотчасъ въ помощь Новгороду и Пскову» противъ Поляковъ и Самозванца. Вѣковая борьба Пскова съ Нѣмцами и старинное соперничество съ Новгородомъ высказались въ отказѣ помочь общему дѣлу. Сентября 2-го (1608 г.), Псковитяне отворили городскіе ворота Тушинскому воеводѣ Ѳедору Плещееву, выпустили заключенныхъ изъ тюрьмы и снарядили отрядъ подъ Москву. Враждебное движеніе распространилось и далѣе. Ивангородъ (т. е. Нарва) присягнулъ Тушинскому царику; въ Орѣшекъ (Шлюссельбургъ) Скопина не впустили, когда онъ хотѣлъ занять этотъ городъ [43]). Псковскіе большіе люди вступили въ сношенія съ Новгородомъ, и за то подвергались жестокимъ пыткамъ и казнямъ [44]). Движеніе изъ Пскова сообщилось Новгороду, гдѣ чернь уже готовила измѣну Скопину-Шуйскому. По совѣту Новгородскаго воеводы, Михаила Игнатьевича Татищева, Скопинъ вышелъ изъ Новгорода и, не будучи впущенъ въ Орѣшекъ, находился въ стѣсненномъ положеніи, такъ какъ, не смотря на завязавшіеся переговоры со Шведами, онъ еще не могъ разсчитывать пока на ихъ помощь [45]). Поэтому онъ тщательно старался скрыть отъ нихъ настоящее положеніе Россіи: указывалъ на частную смуту въ ней отъ воровъ и Поляковъ и, чтобы получить скорѣе помощь, старался выставить ко-

---

[42]) *Псков. лѣт.*, 322.
[43]) *Пол. собр. Р. лѣт.*, IV, *Псков. лѣт.*, 322—326; *Лѣт. о мятеж.*, 144.
[44]) *Псков. лѣт.*, 326.
[45]) *Лѣт. о мятеж.*, 144, 147.

ролю на видъ опасность, грозившую Швеціи со стороны Польши, въ случаѣ успѣховъ Самозванца [46]). Князь Михайло Васильевичъ рѣшился идти самъ въ Швецію. Онъ находился уже близъ устья Невы, какъ вдругъ явилось къ нему изъ Новгорода посольство. Митрополитъ Исидоръ своими увѣщаніями подѣйствовалъ на Новгородцевъ. Они послали за нимъ почетныхъ людей, которые просили вернуться и цѣловали крестъ за весь Новгородъ. Князь Михайло Васильевичъ возвратился и оттуда продолжалъ переговоры со Шведами о вспомогательномъ войскѣ. Прибывшій въ Новгородъ королевскій секретарь Монсъ Мартенсонъ («Монша Мартынычъ») договорился съ Скопинымъ, что Швеція выставитъ пятитысячный вспомогательный отрядъ за сто тысячъ ефимковъ въ мѣсяцъ или 140.000 рублей [47]). Заключеніе окончательнаго договора должно было состояться въ Выборгѣ [48]).

Въ Тушинѣ узнали, что Новгородъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, остался вѣренъ Шуйскому. Рѣшено было послать къ Новгороду отрядъ, чтобы придать отваги своимъ доброжелателямъ и устрашить противниковъ. Былъ отправленъ полковникъ Кернозицкій, съ Литовскими людьми. Узнавъ о приближеніи Кернозицкаго, Скопинъ-Шуйскій не хотѣлъ допустить его къ Новгороду и распорядился выслать противъ него отрядъ въ Бронницы. Начальствовать этимъ отрядомъ вызвался Мих. Игн. Татищевъ. Татищева не любили въ Новгородѣ [49]), и его недоброжелатели пришли къ Скопину и донесли ему, что Татищевъ сбирается измѣнить и нарочно выпросился идти въ Бронницы, чтобы помочь Кернозицкому овладѣть городомъ. Богъ вѣсть, сколько было правды въ этомъ доносѣ. «Трудно представить себѣ, говоритъ С. М. Соловьевъ, чтобы этотъ человѣкъ, такъ сильно стоявшій за старину, онъ крупно разговаривалъ со Львомъ Сапѣгою, разбранился съ Са-

---

[46]) *Videkindi* Hist. belli Svceo-moscovitici decennalis, MDCLXXII, 46—63.

[47]) Ефимками назывались у насъ рейхсталеры; слово „ефимокъ", по мнѣнію Олеарія, произошло отъ Jochimsthaler.

[48]) *Дѣла Шведскія* у Соловьева, II. Р., VIII, 210.

[49]) Мих. Игн. Татищевъ, имя котораго мы не разъ упоминали, впервыя выдвинулся при Годуновѣ, благодаря разнымъ дипломатическимъ порученіямъ, удачно выполненнымъ, дослужился до думнаго дворянина, въ каковомъ званіи оставался при Лжедимитріи, пріобрѣлъ любовь послѣдняго, которая, впрочемъ, не была продолжительна; онъ скоро примкнулъ къ партіи В. И. Шуйскаго и вмѣстѣ съ нимъ руководилъ возстаніемъ противъ Самозванца. По воцареніи Вас. Ив., Татищевъ, вмѣстѣ съ братомъ царскимъ Димитріемъ, участвовалъ въ перенесеніи мощей св. Димитрія царевича, и затѣмъ получилъ воеводство въ Новгородѣ. Татищевъ былъ человѣкъ книжный, большой ревнитель старины. Но эти качества не спасли его отъ насильственнаго способа дѣйствій, которымъ отличались тогдашніе правители областей. (См. *Врем. Моск. общ. ист.*, VIII, смѣсь, 1—40). Этимъ, вѣроятно, и объясняется нелюбовь къ нему Новгородцевъ, о которой говорятъ наши историки.

мозващемъ за телятину, убійца Басманова, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ заговорщиковъ противъ перваго Лжедимитрія, хотѣлъ передаться второму» [50]). Костомаровъ объясняетъ доносъ на Татищева подозрительностію того времени и нелюбовью къ немъ въ Новгородѣ, но не входитъ въ разсмотрѣніе причинъ [51]). Профессоръ В. С. Иконниковъ, разобравъ подробно дѣло Татищева, допускаетъ возможность намѣренія со стороны сего послѣдняго измѣнить царю Василію. Татищевъ, по его мнѣнію, видя переходъ Пскова, Ивангорода и Орѣшка на сторону Самозванца, успѣхъ Кернозицкаго на пути къ Новгороду (онъ занялъ Торжокъ и Тверь), занятіе его помѣстій Тушинцами, нерасположеніе къ себѣ въ Новгородѣ, рѣшился и самъ передаться на сторону Самозванца. Такъ поступали многіе тогда; такъ было и на глазахъ Татищева во Псковѣ и Орѣшкѣ. Далѣе В. С. Иконниковъ говоритъ: «Замѣчательно, что о существованіи замысла Татищева сообщили Скопину «многіе Новгородцы» (Нов. лѣт., 99) и они же являются на первомъ планѣ въ рѣшеніи участи виновнаго. Съ другой стороны, заслуживаетъ вниманія то, что князь Скопинъ, послѣ удовлетворенія гнѣва толпы, не послалъ уже отряда противъ Кернозицкаго, какъ видно, опасаясь измѣны; а когда Кернозицкій подошелъ къ Хутынскому монастырю и сталъ опустошать Новгородскій уѣздъ, то «многіе дворяне измѣнили и отъѣхали въ Литовскіе полки» (ib.), слѣдовательно, заговоръ дѣйствительно существовалъ». Въ томъ самомъ, что имущество Татищева продавалось съ торговъ, безъ указа изъ Москвы, В. С. Иконниковъ видитъ подтвержденіе измѣны, такъ какъ часть вырученныхъ отъ продажи денегъ пошла на удовлетвореніе общественныхъ потребностей [52]).

Князь Скопинъ выслушавъ обвиненіе, не отважился въ такое время самъ разсудить важное дѣло. Онъ собралъ всѣхъ ратныхъ людей, призвалъ Татищева и объявилъ о доносѣ на него. Толпы взволновались, безъ всякаго изслѣдованія бросились на Татищева и умертвили его [53]). Князю Михайлу Васильевичу оставалось оплакивать неосторожность, съ которою онъ подвергнулъ участь знатнаго боярина безсмысленному суду скопища, обуреваемаго страстями. По крайней мѣрѣ, онъ похоронилъ тѣло его въ Антоньевѣ монастырѣ [54]), а имущество велѣлъ продать съ торговъ, какъ поступали въ старину, въ Новгородѣ, послѣ

---

[50]) *Соловьевъ.* И. Р., VIII, 247.
[51]) *Костомаровъ.* Моногр. V, 172.
[52]) *Иконниковъ.* „Др. и пов. Россіи", 1875, II, 30—32.
[53]) *Новгор. Лѣт.*, 99; *Лѣт. о мятеж.*, 146.
[54]) *Тамъ же*—позднѣйшая вставка (*Иконниковъ*, 31, прим.); *Ник. Лѣт.* 189.

народнаго суда. Самъ князь Скопинъ взялъ себѣ нѣсколько вещей [55]). Какъ бы ни представлялось страннымъ это дѣло въ жизни князя Скопина-Шуйскаго; но оно, по самой неясности своей, едва ли можетъ набросить какую-либо тѣнь на личность молодаго полководца. Мы видѣли, что Скопинъ отдалъ послѣдній долгъ Татищеву, похоронивъ его съ честію. Карамзинъ, называя Татищева «лукавымъ царедворцемъ», объясняетъ исходъ дѣла неопытностію Скопина, не съумѣвшаго удержать страсти противъ человѣка едвали виновнаго [56]). Костомаровъ ставитъ въ упрекъ Скопину, почему онъ, вмѣсто того, чтобы защищать Татищева или разбирать справедливость доноса, выдалъ его головою народу. Негодованіе противъ Татищева было такъ сильно, что князь Михайло Васильевичъ не могъ даже изслѣдовать дѣла; да, впрочемъ, какъ мы видѣли, онъ и не имѣлъ этого въ виду: онъ только огласилъ его поступокъ.

Кернозицкій безпрепятственно приближался къ Новгороду, но отрядъ, собравшійся въ окрестностяхъ Новгорода и слухъ о сборѣ большаго войска подъ Грузинымъ заставили его поспѣшно удалиться отъ города. Это обрадовало Скопина и Новгородцевъ [57]).

Радость Скопина не имѣла границъ, когда онъ вскорѣ получилъ извѣстіе, что Русскимъ уполномоченнымъ, высланнымъ въ Выборгъ, удалось заключить, въ концѣ Февраля 1609 г., окончательный договоръ съ представителями Шведскаго правительства [58]). На основаніи этого договора, Шуйскій отказывался за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ правъ на Ливонію и уступалъ Корельскій уѣздъ Швеціи; обѣ стороны обязались не заключать отдѣльнаго мира и быть общими врагами противъ Польши. Шведы, воюя въ Россіи, должны были щадить Русскіе города и даже плѣнныхъ Русскаго происхожденія. Карлъ IX-й обязался выставить на помощь Шуйскому двѣ тысячи конницы, три тысячи пѣхоты и неопредѣленное число охотниковъ [59]). Еще до окончательнаго утвержденія договора, въ началѣ Января (1609 г.), Карлъ IX-й увѣдомлялъ Новгородцевъ, что онъ, по просьбѣ ихъ, послалъ имъ на помощь ратную силу «пособлять за старую Греческую вѣру; поэтому

---

[55]) Напр., нѣсколько штукъ холста и сукна на шатры, скатерти, 500 копенъ сѣна сверхъ того серебряные кубки, Персидскую саблю, цѣною въ 50 руб. и др. (*Иконни ковъ*, 32). См. Опись Татищевскаго имѣнія во Временникѣ Моск. Общ. Ист., 1850 г., т. V.

[56]) *Карамзинъ*. И. Г. Р., XII, 90.

[57]) *Лът. о мятеж.*, 147.

[58]) Провинціальнымъ судьею южной Финляндіи, Арвидомъ Антоніемъ Вильдманомъ де-Тьюстербн, провинціальнымъ судьею Карелін и Выборгскимъ кастелляномъ, Антоніемъ Георгомъ де-Хегегердъ, военнымъ совѣтникомъ, Абовскимъ губернаторомъ, Отто Мерперъ и королевскимъ совѣтникомъ Эрикомъ Элофсономъ (*Vidck.* 51).

[59]) *Ак. ист.*, II, №№ 158, 159, 160, 189, 196.

берегитесь, заключаетъ грамота, и примите думу, пока вамъ подмогу даютъ, или сами увидите: если Поляки и Литва надъ вами силу возьмутъ, то не пощадятъ ни патріарха, ни митрополитовъ, ни архіепископовъ, ни игуменовъ, ни воеводъ, ни дьяковъ, ни дворянъ, ни дѣтей боярскихъ, ни гостей, ни торговыхъ людей, ни дѣтенковъ въ пеленкахъ, не только что иныхъ, доколѣ не изведутъ славный Россійскій родъ». Сохранилась подобная грамота Каянбургскаго Шведскаго воеводы Исаака Бема къ игумену Соловецкаго монастыря, съ убѣжденіемъ не отступать отъ Шуйскаго [60]).

Шведы выполнили свои обязательства: кромѣ пяти тысячъ наемниковъ, они выставили еще около десяти тысячъ человѣкъ разноплеменнаго сброда, подъ начальствомъ Якова Делагарди [61]) и генераловъ: Еверта Горна, Христіерна Зоме («Крестенъ Шуръ»), Акселя Курка и Андрея Бойе. Это войско вступило въ Русскіе предѣлы 16 Марта; на границѣ его встрѣтилъ высланный впередъ Иванисъ Григорьевичъ Ододуровъ, съ тремя стами ратныхъ. 25-го Апрѣля прибыло вновь три тысячи шестьсотъ сорокъ три человѣка конницы; но князь Михайло Васильевичъ надѣялся еще на прибытіе двухъ тысячъ человѣкъ. Медленность въ движеніи вспомогательнаго войска объясняется, во первыхъ, трудностію пути: по причинѣ зимняго времени оно должно было обой-

---

[60]) *Соловьевъ*, И. Р., VIII, 246—247.

[61]) Яковъ Понтусъ Делагарди род. 20 Іюня 1583 г. (*Pierer's* Univers. Lex., VI, 926; Diction. génér. de bibliographie et d'histoire par *Dezobry et Bachelet*, II, p. 1518; *Brockhaus* Convers-Lex. 13 Aufl., VII, 538), слѣдовательно, въ данное время онъ имѣлъ всего 27 лѣтъ отъ роду, т.-е. былъ почти ровесникъ Скопину. Онъ былъ сынъ незаконной дочери короля Іоанна, племянницы Карла IX и Французскаго выходца, реформата, знатнаго происхожденія. Въ молодости началъ военное поприще противъ Поляковъ, былъ при осадѣ Вольмара взятъ въ плѣнъ и провелъ въ плѣну пять лѣтъ; по освобожденіи служилъ въ Голландіи, у принца Морица Нассаускаго и пріобрѣлъ тамъ славу знатока военнаго искусства. Отъ отца, въ свое время талантливаго полководца, Яковъ Делагарди наслѣдовалъ титулъ барона Колькскаго и Рунзскаго (*Долгоруковъ*. Родосл. кн. 90), а въ 1615 г. за свои подвиги, онъ былъ возведенъ кор. Густавомъ-Адольфомъ въ графское достоинство (замѣтимъ, что это было единственное пожалованіе за все царствованіе Густава-Адольфа). Делагарди послѣдовательно занималъ должности: рейхсрата, государственнаго маршала, президента военной коллегіи и генералъ-губернатора Лифляндіи и Эстляндіи; по смерти Густава-Адольфа, находился въ числѣ государственныхъ опекуновъ, во время малолѣтства королевы Христины. Онъ былъ женатъ на Евѣ Браге, дочери графа Магнуса Браге и имѣлъ отъ нея дѣтей, изъ нихъ—сынъ Магнусъ Гавріилъ Делагарди состоялъ государственнымъ канцлеромъ, членомъ правительствующаго совѣта въ малолѣтство Карла XII и генералъ-директоромъ юстиціи Шведскаго королевства. Яковъ Делагарди скон. 12 Августа 1652 г.—Изъ остальныхъ генераловъ, послѣ Делагарди, наибольшими способностями выдавался Евертъ Горнъ. Подъ руководствомъ Делагарди и Еверта Горна, этихъ, по выраженію Шлоссера, „двухъ лучшихъ полководцевъ Сѣвера“ образовался самъ Густавъ-Адольфъ (*Шлоссеръ*, Всемір. ист. XIV, 164, 173—174; ср. также *Wagner's* Gesch. d. Nord. IV, 918).

ти Ботническій заливъ, и во вторыхъ, разсчетами Шведовъ: имъ желательнѣе было соединиться съ Скопинымъ не ранѣе срока, назначеннаго для полученія отъ него подтвержденія договора объ уступкѣ Корелы.

Одно уже появленіе Шведовъ заставило сдаться Орѣшекъ царю Шуйскому; между тѣмъ какъ Московскіе воины, по замѣчанію Шведовъ, были такіе, что годились болѣе къ сохѣ, чѣмъ къ войнѣ.

Делагарди съ своимъ войскомъ приближался къ Новгороду. Отъ города верстъ за семьдесятъ прибылъ къ нему посланный князя Скопина-Шуйскаго и просилъ, чтобы онъ не велъ всего войска въ самый Новгородъ, ограничился бы 3.600 чел., а остальные отряды расположилъ въ Тёсовѣ. 14-го Апрѣля Делагарди имѣлъ торжественный въѣздъ въ Новгородъ [62]), при встрѣчѣ его палили изъ ружей и пушекъ. Скопинъ привѣтствовалъ его въ городѣ. Въ первомъ свиданіи двухъ вождей было много ободрительнаго для окружавшихъ. Оба были молоды и оба успѣли прославиться; отъ ихъ дружнаго усилія можно было ожидать великихъ дѣлъ. Скопинъ произвелъ на Шведовъ самое благопріятное впечатлѣніе. «Имѣя отъ роду всего 23 года», пишетъ Видекиндъ, «онъ отличался статнымъ видомъ, умомъ зрѣлымъ не по лѣтамъ, силою духа, привѣтливостію, воинскимъ искусствомъ и умѣньемъ обходиться съ иностранцами» [63]). «Его величество король Шведскій», началъ Делагарди [64]), «слышалъ о бѣдствіяхъ Московской земли, которую, по наученію Поляковъ, терзаютъ обманщики, называясь членами царственнаго дома, и губятъ землю и народъ. Чтобы не дать успѣвать злу далѣе, его величество король, по просьбѣ вашего государя, послалъ на помощь нѣсколько тысячъ ратныхъ людей, а когда нужно будетъ, пришлетъ еще и болѣе, для освобожденія Московскаго государства отъ страха ложныхъ царей. Король желаетъ, чтобы вашъ государь и все Московское государство процвѣтали вѣчно, а враги, взявшіе теперь такой верхъ, получили бы достойное наказаніе на страхъ другимъ». Скопинъ, по Русскому обычаю, поклонился до земли, прикоснувшись

---

[62]) Время прибытія къ Новгороду Шведскаго вспомогательнаго войска не всегда обозначается у нашихъ историковъ съ точностію. На основаніи офиціальнаго донесенія о вспомогательномъ войскѣ царю, сдѣланнаго Скопинымъ уже въ Маѣ 1609 г. (*Акт. экс* II, 226), мы считаемъ днемъ прибытія Делагарди въ Новгородъ 14 Апрѣля, съ чѣмъ согласны Бутурлинъ (Ист. смут. вр., II, 250—252) и Иконниковъ „Древ. и нов. Росс.“ 1876, II, 129).

[63]) *Videk.*, 62, ср. *Львов. лѣт.*, стр. 249, гдѣ сказано: „сильно разумѣлъ, какъ съ пограничными чужестранными людьми честное обхожденіе имѣть“.

[64]) Въ качествѣ переводчика при Делагарди состоялъ одинъ изъ тѣхъ Русскихъ, по имени Димитрій, которые были посланы при Годуновѣ учиться за границу (см. нашу ст. „Русскіе религіозные вольнодумцы XVII в.“ въ „Странникѣ“ 1887 г., кн. 7—8; ср. *Беръ* въ Сказ. совр. о Д. Самозванцѣ, I, 18).

къ нею рукою. Въ своей отвѣтной рѣчи онъ старался скрыть настоящее положеніе дѣлъ и представить ихъ въ лучшемъ видѣ, чтобы не дать союзникамъ права думать, что отъ нихъ однихъ зависитъ все спасеніе земли Русской. «Благодаримъ и вся земля Русская благодаритъ великаго короля Карла, сказалъ князь Михайло Васильевичъ, что онъ, по христіанскому милосердію, оказываетъ намъ помощь. Великій государь нашъ, слава Богу, находится въ благополучіи, и всѣ подданные Московскаго государства ему прямятъ; только какихъ-нибудь тысячъ восемь Русскихъ бездѣльниковъ, по незнанію, пристало къ четыремъ тысячамъ Поляковъ, да къ двумъ тысячамъ казаковъ, да къ разнымъ разбойникамъ, и они заложили дороги къ Москвѣ, Смоленску и Новгороду. Мы доселѣ противъ нихъ не ходили большою силою, ожидая вашего прихода, потому что они выбѣгаютъ, пустошатъ землю и тотчасъ же прячутся за валы, въ остроги; да и городскіе жители имъ не вѣрятъ. Мы же здѣсь уже тридцать семь недѣль стоимъ. Новгородскую землю опустошили тысячи двѣ Литовскихъ людей, да тысячи четыре Московской земли воровъ, и нашихъ городскихъ людей побито сотни четыре; но только услышали воры, что вы приходите, тотчасъ и убѣжали изъ Новгорода: одни въ воровской Тушинскій обозъ, а другіе въ Старую Русу». Въ заключеніе князь Скопинъ просилъ Делагарди, чтобы онъ своихъ людей прямо изъ Тёсова велъ на Старую Русу: «какъ только слухъ разойдется по Московской землѣ что вы пришли, такъ многіе, что̀ теперь отложились, принесутъ прежнюю покорность». Делагарди замѣтилъ ему, что прежде надобно утвердить договоръ, заключенный въ Выборгѣ, заплатить жалованье войску и дать ему отдыхъ послѣ долгаго пути [65]). Тогда Скопинъ подтвердилъ и 24-го Апрѣля скрѣпилъ своею подписью Выборгскій договоръ и далъ грамоту на отдачу Швеціи Корелы съ уѣздомъ, черезъ два мѣсяца послѣ вступленія Шведовъ во владѣнія Московскаго государства [66]). Отдача Корелы была важнымъ шагомъ въ дѣятельности Скопина: онъ бралъ на себя обязательство отдать въ чужія руки часть Русской земли, что̀, при тогдашней слабости царя, не могло бы, повидимому, совершиться иначе, какъ съ согласія земскаго собора; стѣсненныя обстоятельства не дозволяли медлить. Скопинъ выдалъ Делагарди остальныя двѣсти рублей, въ счетъ пяти тысячъ рублей деньгами, которыя слѣдовали не въ зачетъ, сверхъ того три тысячи уплатилъ соболыми мѣхами, за недостаткомъ звонкой монеты. Все это не составляло и пятой части мѣсячнаго жалованья: платить было нечѣмъ. Те-

---

[65]) *Vidék.*, 62—64.

[66]) *Акт. ист.*, II, 220.

перь пригодился и съѣстной запасъ покойнаго Татищева: всѣ пряныя зелья, моченые плоды, вино, пиво, мясной и рыбный запасъ, были отданы въ расходъ про Нѣмецкихъ людей. А Делагарди получилъ отъ Скопина въ подарокъ булатный хонжаръ Татищева, стоимостію въ 25 рублей, и серебряную вызолоченную узду, въ 4 рубля.

Получивъ деньги и грамоту, Делагарди уѣхалъ къ своему войску. Идти на Старую Русу, гдѣ стоялъ Кернозицкій, онъ пока не рѣшался, по причинѣ весенней распутицы. Удобнымъ и полезнымъ казалось Шведскимъ генераламъ, пока совсѣмъ установится путь, заняться покореніемъ отпавшихъ городовъ: Пскова, Яма, Копорья. Но Головинъ и Сыдавный, по наказу Скопина, торопили Делагарди идти скорѣе на главныя силы. Планъ Скопина состоялъ въ томъ, чтобы освободить Москву и уничтожить Тушинскаго вора. Скопинъ разсчитывалъ, что когда въ Москвѣ и подъ Москвой дѣла поправятся въ пользу Шуйскаго, то мятежные города покорятся сами собою въ доказательство онъ указывалъ Шведамъ на Ярославль, о которомъ тогда пришла утѣшительная вѣсть, что онъ отложился отъ вора, какъ только услышалъ о приходѣ Шведовъ. Скопинъ хорошо понималъ, что если заботиться о городахъ поодиночкѣ, то, можетъ быть, съ потерею крови и силы и удастся возвратить къ повиновенію одинъ - другой городъ, но тѣже самые города отпадутъ, какъ скоро отойдетъ отъ нихъ войско. Только къ Пскову Скопинъ согласился послать отрядъ, вмѣстѣ съ Шведскимъ, въ видѣ особенной важности этого города. По настояніямъ Скопина передовой отрядъ изъ Шведскихъ (Горнъ) и Русскихъ войскъ (Чулковъ и Головинъ), численностію до 4.000, вскорѣ выступилъ къ Старой Русѣ [67]). Скопинъ готовился идти за ними вслѣдъ съ Делагарди.

Кернозицкій выслалъ разъѣздъ изъ 300 человѣкъ провѣдать, что дѣлается. Этотъ разъѣздъ наткнулся на передовой отрядъ и былъ разбитъ, спаслись только шесть человѣкъ. Делагарди услышалъ объ этомъ и послалъ къ Горну подкрѣпленіе: по извѣстію Шведскаго историка, 470 конныхъ и 200 пѣшихъ [68]), а по Русскимъ извѣстіямъ у него было 1.800 человѣкъ [69]).

Кернозицкій, провѣдавъ, что на него идетъ значительная сила, сжегъ Старую Русу и поспѣшно удалился. Союзное войско нагнало Кернозицкаго, 5-го Мая, подъ селомъ Каменками и здѣсь нанесло ему жестокое пораженіе: шестьсотъ тѣлъ Литовскихъ и казацкихъ валялись по полю, кромѣ тѣхъ, которые погибли въ болотахъ, куда бѣжали.

---

[67]) *Акт. Экс.*, II, 219, 226.
[68]) *Vidck.*, 68.
[69]) *Акты Экс.*, II, 226.

побѣдители взяли пять мѣдныхъ и пять желѣзныхъ пушекъ, десять бочекъ пороху, лошадей и много плѣнныхъ [70]). Разбитый Кернозицкій убѣжалъ въ Тушино и принесъ грозную вѣсть о томъ, что съ Сѣвера идетъ сильное войско. Изъ Тушина отправили для защиты пути Зборовскаго, съ Литовскими людьми, казаками и Русскими измѣнниками. Между тѣмъ пораженіе пана Кернозицкаго значительно содѣйствовало подчиненію сѣверныхъ городовъ Москвѣ: Русскія силы постоянно увеличивались на пути, благодаря отпаденію городовъ отъ Тушинскаго царика. Такъ, сдались одинъ за другимъ: Торопецъ, Невель, Холмъ, Великія Луки, Ржевъ; только Псковъ по прежнему упорствовалъ. Скопинъ отправилъ и ко Пскову отрядъ, подъ начальствомъ Лазаря Осинина, да Тимоѳея Шарова, съ казаками. Осининъ и Шаровъ по дорогѣ освободили (8 Мая) Порховъ, гдѣ сидѣлъ въ осадѣ, стѣсненный воровскою шайкою, воевода, кн. Иванъ Мещерскій и, вмѣстѣ съ нимъ и съ сидѣвшими въ осадѣ ратными людьми, двинулись на Псковъ. Въ это время къ нимъ подоспѣлъ на помощь еще отрядъ, подъ начальствомъ Зоме [71]). 18-го Мая Русско-Шведское войско было въ виду города, взять который, повидимому, не представляло особенныхъ трудностей: 15-го Мая городъ выгорѣлъ почти весь; кромѣ того какой-то выходецъ, Псковскій посадскій человѣкъ, обнадежилъ Скопина, что Псковъ немедленно передастся [72]). На дѣлѣ вышло не такъ.

Псковскіе лучшіе люди и духовенство сносились съ войсками Шуйскаго, желая сдать городъ царю и тѣмъ усилить свою партію, низложить противниковъ. А мелкіе люди (стрѣльцы, казаки, поселяне) держали сторону царика, о милостяхъ котораго имъ столько натрубили... Провѣдавъ объ «измѣнѣ» лучшихъ людей, они отняли у сихъ послѣднихъ лошадей и отдали ихъ стрѣльцамъ для битвъ съ царскими войсками, заперли въ палаты женъ отъѣхавшихъ лучшихъ людей, переписали ихъ имѣнія. Казачій атаманъ Корсаковъ далъ знать въ Псковъ о приближеніи царскаго войска; но лучшіе люди утаили это извѣстіе и посадили въ тюрьму гонца. Меньшіе, ничего не зная, спокойно вышли всѣ за городъ, на встрѣчу иконѣ Богородицы, приносимой 28-го Мая изъ Печерскаго монастыря, какъ вдругъ пушечная пальба извѣстила ихъ, что непріятель у города. Выстрѣлы заставили народъ поспѣшно воротиться въ городъ; ворота заперли. Тогда мелкіе люди, разсвирѣпѣвъ, выбрали себѣ головой мужика, по имени Тимоѳея, а по прозвищу Кудекуша Трепецъ. Ему дали полную власть творить рас-

---

[70]) *Videk.*, 69; *Ник. лът.*, 118.
[71]) *Videk.*, 71.
[72]) *Акт. Экс.*, II, 227.

праву. Кудекуша возстановилъ Псковскую старину: вѣчевой колоколъ сзывалъ народъ на площадь; тамъ, по приказанію диктатора, меньшіе люди мучили, жгли, кости ломали боярамъ, священникамъ и всѣмъ лучшимъ людямъ, которыхъ подозрѣвали въ наклонности сдать Псковъ [73]). Царское войско стало на Любатовѣ и опустошало окрестныя поля. Но когда дошла вѣсть до Скопина-Шуйскаго, что Псковъ не сдается, то онъ разсудилъ, что не годится тратить времени и людей, и приказалъ военачальникамъ, осаждавшимъ городъ, отойти отъ него и соединиться съ главнымъ войскомъ. Самъ князь Скопинъ выступилъ изъ Новгорода, 10-го Мая, съ 2.000 человѣкъ, и шелъ медленно, поджидая соединенія разосланныхъ отрядовъ и генерала Делагарди. Сей послѣдній вышелъ, со всѣмъ своимъ войскомъ, изъ Тёсова въ тотъ же день, 10-го Мая. Въ Торжкѣ присталъ къ Скопину воевода князь Барятинскій, съ 3,000 дѣтей боярскихъ и землевладѣльцевъ Смоленскихъ, смиривъ на пути Дорогобужъ и Вязьму [74]). Вслѣдъ за Торжкомъ сдались и прислали повинныя: Ржева Володимирова, Старица и Осташковъ. 6-го Іюня соединился съ Скопинымъ Делагарди. Союзники спѣшили къ Твери. Во время стоянки на Крестецкомъ Ямѣ, князь Скопинъ получилъ изъ Торжка отъ своего воеводы Чоглокова донесеніе, что на Торжокъ наступаютъ Зборовскій и князь Григорій Шаховской, съ 3,000 измѣнниковъ и Ляховъ, и что на пути они снова взяли Старицу, гдѣ ратныхъ людей было мало, перебили защитниковъ и сожгли городъ. Тѣмъ временемъ князь Скопинъ отрядилъ къ Торжку Головина и Еверта Горна. Имѣя, по свидѣтельству Шведскаго историка, не болѣе 2,000 воиновъ [75]), они сразились съ непріятелемъ. Бой былъ кровопролитный, и съ обѣихъ сторонъ пало много людей [76]). Литва наступала на царскіе полки въ три роты: двѣ роты были разбиты, а третья прорвалась сквозь Шведскіе и Русскіе полки; однако изъ города сдѣлали вылазку и прогнали ее. Тогда Зборовскій ушелъ къ Твери, узнавъ, что къ Торжку идетъ самъ князь Скопинъ съ большимъ войскомъ. Дѣйствительно, Скопинъ и Делагарди спѣшили застать въ Торжкѣ Зборовскаго. Не заставши его, они выступили къ Твери. На дорогѣ явился посланецъ отъ Зборовскаго,—съ письмомъ отъ этого пана къ Делагарди. Онъ покушался отвлечь Шведскаго военачальника отъ союза съ Шуйскимъ, извѣщалъ, что Поляки защищаютъ дѣло правое, стоятъ за законнаго государя Московскаго Димитрія противъ похитителя, и убѣждалъ Делагарди

---

[73]) *Псков. лѣт.*, 326.

[74]) *Акт. ист.*, II, 274.

[75]) *Videk.*, 73.

[76]) *Marchockiego* Hist. wojny moskiewskiey, Pozn. 1841, 49; *Pauli Piasecii* episcopi Praemisliensis Chronica, 1645, 262; *Videk.*, 73.

со своими войсками перейти на сторону Димитрія, увѣряя, что Шведы обмануты людьми лживыми и злыми. Делагарди отправилъ къ нему такой отвѣтъ: «Я пришелъ сюда, въ Московское государство, рѣшить не словами, а оружіемъ вопросъ, кто справедливъ, Поляки или Москвитяне. Мое дѣло служить своему королю, строить воинскіе ряды, рубить мечемъ и стрѣлять изъ ружья». Онъ прибавилъ въ письмѣ своемъ нѣсколько язвительныхъ намековъ противъ Поляковъ и на счетъ Димитрія, и послалъ это письмо уже не съ тѣмъ, кто его принесъ: послѣдняго посадили на колъ за то, что онъ сталъ возмущать Шведскихъ солдатъ [77]). Зборовскій, получивъ неблагопріятный для себя отвѣтъ, не сталъ дожидаться враговъ и рѣшился выйти имъ на встрѣчу. Битва произошла во время сильной грозы, сопровождавшейся проливнымъ дождемъ, который препятствовалъ дѣйствію пальбы. Непріятель, ударивъ съ копьями на лѣвое крыло Русско-Шведскаго войска, обратилъ часть его въ бѣгство, и хотя правое крыло, гдѣ начальствовалъ Делагарди, оттѣснило непріятеля въ городъ (причемъ самъ Зборовскій былъ раненъ и едва спасся отъ плѣна), но союзники отступили. Сраженіе прекратилось. Дождь лилъ цѣлые сутки. Побѣдители вошли въ Тверь. На другой день была такая же дождливая погода. Ни тѣ, ни другіе не выходили начинать сраженіе. Здѣсь показалъ князь Скопинъ-Шуйскій свой истинный военный талантъ. Онъ разсчиталъ, что Поляки, послѣ перваго успѣха, станутъ самонадѣянны, и тутъ-то ихъ можно будетъ разбить. На третій день, 13-го Іюля, за часъ до разсвѣта, когда Ляхи безпечно спали въ острогѣ, князь Михайло тихо приблизился, напалъ и взялъ его безъ урона: восходящее солнце освѣтило царскія хоругви и кучи непріятельскихъ тѣлъ [78]). Скопинъ, обнявъ Делагарди, благодарилъ его за мужество Шведовъ [79]), которые хотѣли вломиться въ городъ, куда бѣжала часть разбитаго непріятеля; но Михайло Васильевичъ, жалѣя людей, велѣлъ прекратить безполезную сѣчу, такъ какъ предвидѣлъ, что обезсиленный непріятель или мирно сдастся на договоръ, или убѣжитъ. Черезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно Ляхи ушли изъ Твери, до половины сожженной и наполненной трупами [80]).

Князь Скопинъ двинулся впередъ; онъ уже былъ не далеко отъ Москвы, какъ вдругъ получилъ вѣсть, что, шедшіе за нимъ иноземцы отказываются служить, подъ предлогомъ, что имъ не выдано полнаго

---

[77]) *Videk.*, 75, 81.

[78]) *Ник. лът.*, 120; *Рукоп. Филар.*; *Videk.*, 75.

[79]) *Petrus Petreus* de Erlesunda Regni Muschowitici Geiographia, thet är: Eln wiss och egentelich Beskriffning om Rydzland, med thes mängà och stora Furstendömers etc. Tryckt i Stockholm, är 1615, Нѣмец. изд. 1620 г., 422.

[80]) *Рукоп. Филар.*; *Ник. лът.*; *Videk.*, 84, 88.

жалованья, что «вѣроломство Москвитянъ всѣмъ извѣстно», что идти въ глубь Московскаго государства, на вѣрную смерть, они не желаютъ, что жены и дѣти ихъ безъ защиты дома [80]). Пославъ уговорить Делагарди возвратиться, Скопинъ перешелъ Волгу подъ Городнею на соединеніе съ ополченіями, шедшими къ нему изъ сѣверныхъ городовъ, и, по лѣвому берегу, достигъ Колязина, гдѣ и остановился. Между тѣмъ Делагарди, послѣ чрезвычайныхъ усилій, удалось кое-какъ уговорить войско слѣдовать впередъ [81]). Одинъ изъ Шведскихъ военачальниковъ, Христіернъ Зоме, съ отрядомъ въ 250 чел. конницы и 720 пѣхоты, подошелъ къ Колязину и соединился съ Скопинымъ [82]).

Тѣмъ временемъ соединился и Зборовскій съ Сапѣгою; у нихъ было тысячъ двѣнадцать войска, да сверхъ того неопредѣленное количество казаковъ. Они отправились подъ Колязинъ, 14 Августа остановились при Рябой пустынѣ, верстахъ въ двадцати отъ Колязина. Но Скопинъ узналъ объ этомъ движеніи и отправилъ за Волгу отрядъ, подъ начальствомъ князя Якова Барятинскаго, Головина, Валуева и Жеребцова, а самъ располагалъ двинуться имъ на помощь, когда будетъ нужно.

Передовыя рати сошлись на топкихъ берегахъ Жабны и утромъ 18-го Августа, когда Тушинцы начали переходить рѣку, Московскіе воеводы ударили на нихъ и сбили въ сторону, въ болото. Этимъ движеніемъ они дали время князю Михайлу приготовиться, занять выгодныя мѣста, распорядить движенія. Князь Скопинъ и Зоме переправились черезъ Жабну и напали на Тушинцевъ сами. Должна была произойти рѣшительная битва. Тушинцы, наконецъ, столкнулись съ тѣмъ Скопинымъ, который такъ долго ихъ пугалъ; побѣда надъ нимъ должна была разсѣять обаяніе, окружавшее его личность. Съ другой стороны Скопинъ зналъ, что отъ побѣды въ этотъ разъ надъ соединенными силами важнѣйшихъ вождей смуты зависятъ на будущее время его сила и значеніе. Пальба и сѣча продолжались цѣлый день. Отъ густого дыма трудно было распознать, кто съ кѣмъ бьется. На закатѣ солнца Русскіе съ криками: «преподобный отче, Макаріе, моли Бога за насъ, помоги намъ!» двинулись впередъ такъ дружно и сильно, что Тушинцы подались, стали отступать и, наконецъ, побѣжали. Русскіе гнали ихъ до Рябой пустыни и все продолжали призывать на помощь преп. Макарія Колязинскаго. Немало значительныхъ лицъ изъ числа Ляховъ

---

[80]) *Videk.* 85.
[81]) *Тамъ же* 81—88.
[82]) *Тамъ же* 96.

попалось тогда въ плѣнъ, и воротился князь Михайло Васильевичъ въ Колязинъ съ побѣдою и одолѣніемъ [83]).

IV.

Александровская Слобода. — Льстивое предложеніе Прокопія Ляпунова. — Безкорыстіе князя Михайла.—Клеветы враговъ его.

Теперь главнымъ дѣломъ царя Василія и князя Скопина было достать какъ можно больше денегъ, для уплаты иностранному войску. Это тѣмъ было настоятельнѣе, что Делагарди, увлеченный новымъ бунтомъ войска, пошелъ назадъ, къ границѣ [84]). Василій Ивановичъ послалъ изъ Москвы Скопину 12.000 ефимковъ для удовлетворенія иноземцевъ жалованьемъ; больше не могъ онъ собрать. Остальное нужно было Скопину достать посредствомъ сбора съ городовъ. Помогъ въ этомъ случаѣ Новгородъ: тамъ собрали съ гостей и торговыхъ людей 3.000 рублей. Такимъ образомъ, Скопинъ, 27-го Августа, по договору съ секретаремъ Делагарди, далъ на жалованье Шведскому вспомогательному войску часть чистыми деньгами, а часть соболями; денегъ онъ послалъ 6.000 рублей, а соболей на 5.000 [85]). Тогда же Скопинъ обязался отъ имени царя сдать Корелу въ Шведское вѣдомство безъ мѣшканья и прекословія, по договору. Для этого Скопинъ послалъ въ Корелу Ѳедора Чулкова съ дьякомъ, а Делагарди командировалъ туда своего секретаря Олафсона.

Присланныя деньги и сдача Корелы успокоили Делагарди, и онъ согласился на требованіе Скопина идти подъ Колязинъ, а потомъ слѣдовать вмѣстѣ съ Русскими силами подъ Москву. Делагарди сдѣлалъ пересмотръ своему войску. Одни изъ его ратныхъ людей соглашались идти далѣе, другіе выходили въ отставку, кто по болѣзни и за ранами, кто просто по нежеланію и недовѣрію. Делагарди первымъ роздалъ жалованье, послѣднихъ отправилъ, подъ начальствомъ Андрея

---

[83]) Сказ. объ ос. Троицкой лав. *Авр. Палицына*, 170; *Videk.* 96.—Здѣсь будетъ умѣстно замѣтить, что отбитіе Сапѣги отъ Колязина совершилось по пророческому слову пр. старца Иринарха, знаменитаго затворника смутнаго времени, что весь побѣдоносный походъ Скопина къ Москвѣ и его быстрыя пораженія Польскихъ полковъ совершились все благословеніемъ и укрѣпленіемъ этого преподобнаго затворника, причемъ онъ всегда посылалъ князю благословенную просфору и святыя слова: „Дерзай, не бойся, Богъ тебѣ поможетъ!“ Но сильнѣйшая благодать, укрѣпившая воеводу, заключалась въ крестѣ затворника, который онъ послалъ князю въ Переяславль. Съ этимъ крестомъ Скопинъ побѣдоносно прошелъ до самой Москвы, совсѣмъ тогда погибавшей (см. Житіе пр. Иринарха затворника, изд. арх. *Амфилохіемъ*, М. 1863 и ст. *И. Е. Забѣлина* „Безвѣстный герой смутнаго времени“, „Др. и нов. Рос.“ 1875 г., I, 245—251).

[84]) *Videk.* 95.

[85]) *Акт. ист.*, II, 345.

Бойе и товарищей, на родину. Вмѣсто выбывшихъ изъ строя сдѣлано распоряженіе о наборѣ свѣжихъ войскъ, и для этого былъ отправленъ въ Нарву и Выборгъ Евертъ Горнъ. Такимъ образомъ устроивъ свои дѣла, Делагарди прибылъ въ Колязинъ 26-го Сентября. Скопинъ приготовилъ ему торжественную встрѣчу и чрезъ четыре дня роздалъ на 14.974 рубля мѣховъ иноземному войску [86]).

Между тѣмъ, Скопинъ слалъ грамоту за грамотою въ сѣверные города и монастыри, съ требованіемъ денегъ на жалованье Нѣмецкимъ людямъ. На этотъ призывъ прежде другихъ откликнулись монастыри. Соловецкіе монахи въ два раза переслали въ Москву болѣе 17.000 серебряныхъ рублей, да ложку серебряную. По другимъ монастырямъ происходили складчины, напримѣръ, въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ собрали съ братіи, кромѣ монастырскихъ денегъ, съ чернецовъ, съ кого рубль, съ кого полтину, а съ кого менѣе, и все это отправили Скопину [87]). Одни Пермичи, на просьбу Скопина дать денегъ и суконъ, камокъ и тафты, сколько кому можно, да кромѣ того собрать, для уплаты Нѣмецкимъ ратнымъ людямъ, по 50 рублей съ сохи, отвѣчали, что у нихъ такихъ товаровъ не сыскивается [88]). Впрочемъ, Пермичи и прежде были извѣстны нерадѣніемъ и холодностію къ общему дѣлу [89]). Зато въ это время особенно усердны были Вологжане и Сольвычегодцы. Въ землѣ сихъ послѣднихъ жили Строгановы; Петръ Семеновичъ съ братьями не разъ давалъ служилымъ людямъ на жалованье деньги, на свой счетъ снаряжалъ и отправлялъ ратныхъ людей; его увѣщаніямъ приписывалось удержаніе въ покорности городовъ Поморскихъ, Казанскихъ и Пермскихъ. За такія его службы и радѣнье царь его пожаловалъ: далъ Петру Семеновичу грамоту на безпошлинность торговли и на почетное преимущество писаться съ *вичемъ* [90]).

Когда дѣла шли такимъ образомъ на Сѣверо-востокѣ, князь Скопинъ, стоя въ Колязинѣ, занимался обученіемъ своихъ новобранцевъ, причемъ ревностно помогалъ ему Христіернъ Зоме. Между тѣмъ, одинъ отрядъ, высланный Скопинымъ, занялъ Переяславль Залѣсскій, куда вскорѣ (6 Октября) пришелъ Делагарди. Распорядившись насчетъ укрѣпленія Переяславля, союзники двинулись къ Александровской Слободѣ; впередъ были отправлены Христіернъ Зоме и Іоганъ Миръ, съ отрядомъ Шведовъ; при нихъ были и Московскіе люди. Этотъ отрядъ вступилъ въ бой и побѣдилъ: около ста человѣкъ враговъ потонуло

---

[86]) *Videk.*, 102.
[87]) *Акт. Экс.*, II, 273.
[88]) *Тамъ же*, 256.
[89]) *Акт. Ист.*, II, 166; Акт. Экс., II, 194, 214, 228, 264.
[90]) *Соб. гос. гр. и дог.*, II, 387.

въ водѣ, остальные бѣжали; Александровская Слобода была взята. Скопинъ и Делагарди вступили въ городъ со всѣмъ войскомъ. Занятіе Слободы было очень важно въ стратегическомъ отношеніи: она стояла на пути доставки провіанта войску Сапѣги. Къ сожалѣнію Скопина, Делагарди долженъ былъ здѣсь отпустить полезнаго для Русскихъ Зоме въ отечество: онъ получилъ рану подъ Слободою и нуждался въ отпускѣ для излѣченія. На его мѣсто прибыли изъ Швеціи новыя вспомогательныя силы. Теперь не только Сапѣга и Зборовскій, но и самъ Рожинскій двинулись (28 Октября) на Скопина, съ четырьмя тысячами человѣкъ. Бой былъ жестокій и продолжался цѣлый день; Поляки воротились назадъ съ большой потерей. Скопинъ составилъ планъ строить засѣки [91]) одну за другою и такимъ способомъ приближаться къ Москвѣ. Это средство было несносно для противниковъ, какъ они сами сознаются; нападать на Москвитянъ было трудно: только нападутъ на нихъ, — они укрѣпятся за свои засѣки, и приходилось добывать каждую приступомъ, а какъ только Тушинцы отойдутъ, Русскіе двигаются далѣе и строятъ новыя засѣки, а главное, такой способъ войны отнималъ у непріятеля подвозъ провіанта [92]).

Слобода Александровская въ это время, говоритъ исторіографъ, какъ бы представляла Россію и затмѣвала Москву своею важностію. Туда стремились взоры и сердца сыновъ отечества; туда шли воины толпами и порознь, конные и пѣшіе, немногіе въ доспѣхахъ, всѣ съ мечемъ или копьемъ и съ ревностію. Новыя дружины изъ Ярославля, боярина Шереметевъ изъ Владимира съ низовою ратью, князья Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками царскими, присоединились къ князю Михайлу. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ Карла Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи, а въ Россіи. Все благопріятствовало юному герою: довѣренность царя и союзниковъ, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей. Наконецъ, Россіяне видѣли, чего уже давно не видали: умъ, мужество, добродѣтель въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ, и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлетворяемою ихъ сердца, и нашла предметъ столь чистый. Но сія любовь, способствуя успѣху великаго дѣла, избавленію отечества, имѣла и несчастное слѣдствіе [93]).

---

[91]) Въ близъ лежащемъ лѣсу порублены были деревья и оставлены на мѣстѣ, они должны были затруднить ходъ непріятельской конницѣ и въ тоже время исполнять роль заваловъ для стрѣлковъ. Порубленный, но не вывезенный еще лѣсъ и до сихъ поръ называется „засѣкой“ и образуетъ „просѣку“ только тогда, когда его уже вывезутъ.

[92]) *March.* Hist. Wojny Mosk., 64.

[93]) *Карамзинъ* И. Г. Р., XII, 102.

Если самъ князь Михайло Васильевичъ и служилъ отечеству безкорыстно, не увлекаясь успѣхомъ своего дѣла, то нашлись люди, которые мыслили за него иначе. Свыкнувшись съ разнаго рода низверженіями, перемѣнами и видя славу Скопина, Русскіе стали поговаривать о низложеніи царя Василія и возведеніи на престолъ князя Михайла Васильевича. Извѣстный Прокопій Ляпуновъ прислалъ въ Слободу станицу (отрядъ) отъ всей Рязанской земли, съ грамотою, въ которой извѣщалъ, что вся Русская земля хочетъ Скопина избрать въ цари, признавая, что никто кромѣ его не достоинъ сидѣть на престолѣ. Эта присылка имѣла видъ политической демонстраціи: Ляпуновъ прислалъ цѣлую станицу, въ грамотѣ онъ называлъ Скопина не княземъ, но «царемъ» и, описывая въ дурныхъ чертахъ самого царя, хотѣлъ «возбудить въ его племянникѣ гордость противъ царя Василія» [94]). Скопинъ, прочитавъ грамоту, разорвалъ ее, приказалъ схватить пословъ-мятежниковъ и представить царю. Они упали на колѣна, обливались слезами, клялись въ вѣрности царю Василію и винили одного Ляпунова. Князь Михайло Васильевичъ простилъ ихъ и дозволилъ возвратиться на родину [95]); царя же не извѣстилъ объ этомъ. Василій узналъ обо всемъ и безъ него.

Избавивъ Ляпунова отъ непріятности, князь Скопинъ не спасъ себя отъ клеветы: завистники внушили царю, что его племянникъ съ удивительнымъ великодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые предлагаютъ ему измѣну и царство. Василій сталъ думать, что если князь Михайло Васильевичъ самъ и не подъискивается подъ нимъ, а все-таки не прочь принять тотъ вѣнецъ, который давно уже хотятъ отнять у него недруги. Съ этихъ поръ подозрѣніе запало въ душу Василья Ивановича, «но еще—замѣчаетъ исторіографъ—имѣли нужду въ героѣ, и злоба таилась» [96]).

V.

Освобожденіе Троицкой Лавры отъ непріятеля.—Распаденіе Тушинскаго табора.—Походъ къ Москвѣ.—Торжественная встрѣча князя-героя.—*Отецъ отечества.*—Желаніе побѣдителя докончить очищеніе государства отъ враговъ.

Уже шестнадцатый мѣсяцъ Сапѣга и Лисовскій осаждали безуспѣшно Троицкую Лавру. Въ распоряженіи Польскихъ военачальниковъ было до тридцати тысячъ войска, а въ стѣнахъ обители Сергіевской число защитниковъ, въ началѣ осады, простиралось до 2.500 чел., а къ концу ихъ было лишь 200 [96]). Стѣны монастырскія, по мѣстамъ,

[94]) *Нов. лѣт.*, 108.

[95]) *Ник. Лѣт.* 124.

[96]) Тамъ же; *Карамзинъ*, И. Г. Р., XII, 103.

[96]) Сказ. объ осадѣ Троицкой Лавры *Авр. Палицына*, 158: „Во обители Чюдотворца болѣ двою сотъ человѣкъ не бяше“.

были ветхи; но обитель была тверда вѣрою и защитою преп. Сергія. Отважны были приступы врага; изъ множества орудій бросали огонь и били стѣны, подъ башни ведены были подкопы; отъ недостатка пищи и свѣжей воды появилась въ монастырѣ цынга. И все вытерпѣли иноки преп. Сергія; они дѣлали вылазки противъ непріятеля и не разъ возвращались съ богатой добычей. Архимандритъ Іоасафъ вооружалъ и вооружался молитвой противъ Латинянъ-Ляховъ, а келарь Лавры, достопамятный въ лѣтописяхъ отечества, Авраамій Палицынъ, хотя, во время осады, не былъ въ обители, но дѣлалъ все, что̀ могъ, въ ея пользу въ Москвѣ. И Сапѣга, къ стыду своему, не выгналъ *сѣдатыхъ грачей* изъ ихъ гнѣзда [97]). Между тѣмъ, слухи о побѣдахъ князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго уже достигли Лавры; они удерживали защитниковъ ея отъ сдачи и внушали имъ бодрость. И, дѣйствительно, Скопинъ не заставилъ себя ждать долго; послѣ пораженія Сапѣги подъ Александровымъ, онъ послалъ, для охраненія монастыря, отрядъ въ 900 чел., подъ начальствомъ Жеребцова. Григорій Валуевъ, посланный съ 500 человѣкъ для обозрѣнія непріятеля, соединившись съ Жеребцовымъ и со всѣми сидѣльцами, ударилъ на Сапѣгу. Это былъ послѣдній бой подъ Троицею; много было пролито крови на Красной горѣ, на прудѣ Келарскомъ, на Волкушѣ и Клементьевскомъ полѣ; были стычки и на другихъ мѣстахъ. Послѣ этого боя, Сапѣга, 12-го Января 1610 года, снялъ таборъ и ушелъ изъ-подъ Троицы къ Дмитрову. Въ продолженіе недѣли иноки еще не рѣшались вѣрить, что враги оставили ихъ навсегда и только 20-го числа отправили старца Макарія въ Москву, къ царю, съ извѣщеніемъ о милости Божіей, и со святою водою, окропивъ ею наперед̀ъ стѣны монастыря. Чрезъ нѣкоторое время прибылъ въ монастырь князь Скопинъ. Иноки встрѣтили его и его войско съ честію, отдали все, что еще оставалось въ житницахъ, а Шведамъ нѣсколько тысячъ рублей изъ казны монастырской [98]).

Отъ Троицы князь Скопинъ двинулся къ Москвѣ. Узнавъ, что въ Дмитровѣ находится Сапѣга и съ нимъ Марина, онъ выслалъ туда, въ половинѣ Февраля 1610 года, отрядъ, подъ начальствомъ князя Ивана Куракина; съ нимъ были иноземцы, посланные отъ Делагарди. Было ихъ тысячъ до четырехъ. Сапѣга сначала далъ бой за городомъ. Оказалось, что онъ былъ не подъ стать такому непріятелю. Поляки, на коняхъ и въ тяжелыхъ вооруженіяхъ, не могли ловко поворачиваться, тогда какъ Русскіе и Шведы, уроженцы сѣверныхъ странъ,

---

[97]) *Истор. опис. Троицкой Лавры*, М. 1842, стр. 80—99.
[98]) *Авр. Палицынъ*, 180; *Ник. лѣт.*, 130; *Videk.*, 119.

быстро бѣгали по снѣгамъ и льду, на деревянныхъ лыжахъ, загнутыхъ внутрь, легкихъ, длиною въ пять, а шириною въ одинъ футъ. Сапѣга принужденъ былъ запереться въ городѣ. Войска съ нимъ было не болѣе полутора тысячъ человѣкъ; значительная часть его отряда разбрелась за Волгу. У него не доставало также съѣстныхъ и боевыхъ запасовъ. Рожинскій, у котораго онъ просилъ подмоги, оказывалъ ее несразу и въ незначительной степени, такъ какъ втайнѣ былъ недоброжелателемъ Сапѣги. Мархоцкій разсказываетъ, что насилу упросили его послать двое саней съ боевыми запасами. Вообще городъ Дмитровъ былъ бы взятъ, если бы не отстояли его Донскіе козаки, которые сидѣли въ особомъ укрѣпленіи подъ городомъ. Здѣсь также Марина показала большое присутствіе духа. Когда Московскіе люди начали сильный приступъ къ Дмитрову и осажденными овладѣвало отчаяніе, она взошла на стѣны въ виду непріятеля и кричала воинамъ: «Смотрите и стыдитесь? Я женщина, а не падаю духомъ!» Послѣ этого Марина не долго оставалась въ Дмитровѣ; видя, что дѣла Сапѣги идутъ дурно, она уѣхала, переодѣвшись въ мужское платье, въ Калугу. Не долго оставался здѣсь и Сапѣга; какъ только пришли къ нему отряды изъза Волги съ припасами, онъ двинулся къ Волоколамску, и Скопинъ могъ безпрепятственно вступить въ Москву.

Отступленіе Сапѣги побудило и гетмана Рожинскаго сдѣлать тоже. Въ Тушинѣ уже давно происходили волненія вслѣдствіе недостатка въ припасахъ; въ послѣднее время волненія дошли до крайности, и гетманъ разсудилъ, что при такой неурядицѣ, если нападетъ на таборъ князь Скопинъ-Шуйскій, да еще къ тому ударятъ изъ Москвы, то будетъ плохо. Онъ предложилъ идти кому куда угодно, и самъ зажегъ таборъ со всѣми въ немъ строеніями и ушелъ къ Волоколамску. Одни изъ бывшихъ съ нимъ козаковъ пошли къ королю, который въ это время вступилъ уже въ Русскіе предѣлы и стоялъ подъ Смоленскомъ, другіе соединились съ Самозванцемъ, въ Калугѣ, третьи (тысячъ около трехъ) послѣдовали за Рожинскимъ. Гетманъ сталъ подъ Іосифовскимъ монастыремъ. Отсюда выгналъ его Григорій Валуевъ, причемъ многихъ Литовскихъ людей побилъ, и Филарета Никитича отполонилъ [99]). Затѣмъ, въ войскѣ Рожинскаго началось волненіе, въ шумной сходкѣ на него даже подняли оружіе, и только его приверженцы успѣли его защитить. Въ этотъ день онъ нечаянно поскользнулся на лѣстницѣ, упалъ и расшибъ себѣ бокъ, въ которомъ уже была старая рана отъ пули. Этотъ ушибъ подѣйствовалъ зловредно при томъ раздраженіи, въ какомъ Рожинскій находился постоянно въ послѣднее время. Съ нимъ

[99]) *Ник. лът.*, 131; *Videk.*, 149.

сдѣлалась горячка и, проболѣвши недолго, онъ умеръ (4-го Апрѣля 1610 г.). Со смертію Рожинскаго приверженцы его разсѣялись. Такимъ образомъ Тушинскій таборъ, державшій столько времени въ страхѣ Москву и даже всю Россію, окончательно разошелся. Извѣстіе объ этомъ обрадовало въ Москвѣ многихъ. Хлѣбъ, продававшійся недавно еще по семи рублей за четверть, сразу упалъ въ цѣнѣ [100]). Отовсюду повезли припасы къ столицѣ. Наконецъ, пришли слухи, что и князь Михайло Васильевичъ близко.

Давно уже Москвитяне зорко слѣдили за дѣятельностію князя Скопина-Шуйскаго, да и какъ было не слѣдить! Въ одинъ годъ пріобрѣлъ онъ себѣ славу, которую другіе полководцы пріобрѣтали подвигами жизни многолѣтней и, что̀ еще важнѣе, снискалъ любовь всѣхъ добрыхъ гражданъ, всѣхъ земскихъ людей, желавшихъ успокоенія отъ смутъ, отъ буйства бездомовниковъ, казаковъ. Москва, въ осадѣ отъ вора, терпитъ голодъ, видитъ въ стѣнахъ своихъ небывалыя прежде смуты, кругомъ въ областяхъ свирѣпствуютъ Тушинцы; посреди этихъ бѣдъ произносится постоянно одно имя, которое оживляетъ всѣхъ надеждою: это имя—имя Скопина. Во дворцѣ Кремлевскомъ невзрачный старикъ, нелюбимый, недѣятельный уже потому, что нечего ему дѣлать въ осадѣ, и вся государственная дѣятельность перешла къ Скопину, который одинъ дѣйствуетъ, одинъ движется, отъ него одного зависитъ великое дѣло избавленія. Князь Михайло Васильевичъ въ Новгородѣ, онъ договорился съ Шведами, идетъ съ ними на избавленіе Москвы, идетъ медленно, но все идетъ, Тушинцы отступаютъ передъ нимъ; Скопинъ уже въ Торжкѣ; вотъ онъ въ Твери, вотъ онъ въ Александровской Слободѣ. Въ Москвѣ сильный голодъ, волненіе; но вдругъ все утихаетъ, звонятъ колокола, народъ спѣшитъ въ церкви, тамъ поютъ благодарственные молебны: пришла вѣсть, что даровитый юноша недалеко.

12-го Марта 1610 года князь имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ Делагарди. Царь велѣлъ знатнымъ вельможамъ встрѣтить князя Михайла у городскихъ воротъ, съ хлѣбомъ и солью; но народъ предупредилъ ихъ, вышелъ на встрѣчу ему за Деревянный городъ, стѣснилъ дорогу Троицкую, падалъ ницъ, поднесъ ему хлѣбъ-соль, со слезами билъ челомъ, что очистилъ Московское государство, давалъ имя *отца отечества*; благодарилъ и сподвижника его Делагарди. Современные писатели сравниваютъ пріемъ Скопина съ торжествомъ богоотца Давида, котораго Израильтяне чтили

---

[100]) *Ник. лѣт.*, 112; ср. *Зап. Жолкевскаго*, изд. I-е, 43: „бочка ржи, продававшаяся по 20 злотыхъ (15 рубл.), стоила теперь 3 злотыхъ (2 рубл. 25 коп.)“.

болѣе, чѣмъ Саула. Царь Василій со слезами благодарилъ, величалъ его, цѣловалъ его въ присутствіи бояръ. Послѣ такой тѣсноты и униженія, Москва, наконецъ, справляла давно невиданное празднество. Начались пиры. Царь угощалъ Шведовъ, дарилъ имъ лошадей, сосуды ожерелья. Москвичи наперерывъ приглашали ихъ къ себѣ въ дома и старались превзойти другъ друга въ признательности и расположеніи [101]). Пиры эти не отуманили головы князя Скопина. Онъ очень хорошо видѣлъ, что дѣла остается еще много впереди: Лжедимитрій продолжаетъ держаться въ Калугѣ, а Сигизмундъ стоитъ подъ Смоленскомъ. Разсѣять скопища перваго и выгнать изъ предѣловъ Россіи втораго— вотъ что было искреннимъ желаніемъ князя Михайла Васильевича. Онъ предполагалъ отдохнуть до просухи и потомъ, съ весною, двинуться противъ Сигизмунда. Въ успѣхѣ онъ не сомнѣвался, такъ какъ тогда уже многіе города, бывшіе въ рукахъ Поляковъ, стали сдаваться сами безъ боя. Можайскъ, напримѣръ, сдалъ царю тамошній воевода, поставленный Поляками, Мих. Вильчекъ, за что и получилъ отъ Василья Ивановича сто рублей ($333^1/_2$ нынѣшнихъ серебряныхъ).

VI.

Злоба и зависть враговъ. — Недовѣріе царя Василія. — Объясненіе князя Михаила съ царемъ.

Прошло около мѣсяца, и завистники Скопина не дремали. Они всячески старались увѣрить Василья Ивановича, что молодой князь опасенъ для него: народъ любитъ его больше царя и желаетъ видѣть на престолѣ, такъ какъ, по мнѣнію народа, спаситель Россіи долженъ и властвовать надъ нею. Василій Ивановичъ вспомнилъ, что Ляпуновъ посылалъ къ племяннику, въ Александровскую Слободу, искусительное посольство съ предложеніемъ престола. Торжественныя встрѣчи, безпрерывные знаки народнаго расположенія убѣждали Василія, что съ каждымъ днемъ народъ болѣе и болѣе хочетъ Михаила Васильевича выбрать царемъ.

Общее усердіе къ молодому полководцу питалось и суевѣріемъ: какіе-то прорицатели предсказывали, что на Русскомъ престолѣ воцарится царь, по имени *Михаилъ*, которому назначено судьбою умирить государство [102]). Русскіе относили это пророчество къ Скопину, къ особенной досадѣ его дяди, любимаго царскаго брата, Дмитрія Ивановича Шуйскаго. Сей послѣдній надѣялся быть преемникомъ Василія,

---

[101]) *Videk*, 133.

[102]) *Milton* A Brief History of Moscovia. London. 1682, 63.

такъ какъ шестидесятилѣтній царь отъ поздняго брака своего имѣлъ одну или двухъ дочерей, которыя умерли вскорѣ послѣ рожденія [103]). Князь Димитрій явился самымъ ревностнымъ навѣтникомъ на племянника передъ царемъ; не довольствуясь истиною, что народъ желаетъ царства Михаилу, онъ подалъ царю извѣтъ на Михайла Васильевича въ томъ, что князь Михайло, въ заговорѣ съ народомъ, хочетъ похитить верховную власть и дѣйствуетъ уже какъ царь, самовольно, отдавъ Корелу съ областію [104]). При всей своей мнительности Василій Ивановичъ понималъ всю лживость навѣтовъ, возводимыхъ на Скопина; однажды онъ даже замахнулся на брата палкою и прогналъ его отъ себя.

Узнавъ о взводимой на него клеветѣ, князь Михайло Васильевичъ поспѣшилъ объясниться съ царемъ, говорилъ спокойно о своей невинности, свидѣтельствуясь въ томъ чистою совѣстію, вѣрною службою; говорилъ свободно и смѣло о безуміи преждевременной зависти, когда всякая продолжительная остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе личныхъ страстей могутъ быть гибельны для государства. Василій, выслушавъ объясненія эти, отнесся къ Скопину съ уваженіемъ, старался его успокоить, хвалилъ и благодарилъ за всѣ его распоряженія; тогда же онъ велѣлъ князю Михайлу Васильевичу и думнымъ боярамъ условиться съ Делагарди относительно предстоящей кампаніи, утвердилъ Выборгскій и Колязинскій договоры и обѣщалъ немедленно уплатить Шведамъ весь долгъ. Такимъ образомъ, царь не показывалъ ни малѣйшей непріязни къ Скопину; но, не смотря на это, народъ, не любившій старшихъ Шуйскихъ, толковалъ о враждѣ дяди съ племянникомъ. Делагарди, слыша толки о зависти и ненависти, остерегалъ Михайла, совѣтовалъ ему поскорѣе выбраться изъ Москвы въ поле противъ Сигизмунда, и замѣчалъ, что ему грозитъ бѣда [105]). Опасенія эти сбылись.

---

[103]) Въ Зерцалѣ Россійскаго государства *Малыгина* сказано, что царь Василій Ивановичъ имѣлъ двухъ дочерей Анну и Марію, скончавшихся въ младенчествѣ; *Карамзинъ* же упоминаетъ лишь одну Анастасію (Ист. гос. Рос., т. XII, 125); *Соловьевъ* говоритъ о двухъ, не называя ихъ по имени (Ист. Рос., VIII, 284).

[104]) „Дядья жь князь Михайловы, князь Дмитрей Ивановичъ Шуйской со княгинею, великую держаху на князь Михайла рець (ссору); чаяху, что онъ подъискиваетъ подъ царемъ Василіемъ царства; а про то убо и всей землѣ вѣдомо всѣмъ людемъ, что онъ того и въ умѣ не было“ (*Ник. лът.*, 132; *Псков. лът.*, 38; *Videk.*, 136; *Палицынъ*, 203).

[105]) „Но приходѣ жь князя Михайла Васильевича начаша царежатися итти подъ Смоленскъ, и Яковъ ему Пуштусовъ говорилъ безпрестани, чтобъ онъ шелъ съ Москвы, види на него въ Москвѣ ненависть“ (*Ник. лът.*, 132). Послѣ катастрофы, мать Скопина укоряла сына: сколько разъ я тебѣ, чадо, еще въ *Александровской Слободѣ, приказывала не ѣздить въ Москву*, ибо въ Москвѣ звѣри лютые, пышущіе ядомъ змѣинымъ (*Сказ. о рожд. кн. М. В.*, 383).

VII.

Внезапная кончина князя Михайла.—Погребеніе его.—Скорбь народная.—Память о немъ.

9-го Апрѣля 1610 года былъ пиръ у царскаго свояка, князя Ивана Михайловича Воротынскаго, по случаю крещенія его сына Алексѣя [106]). Крестнымъ отцемъ былъ князь Михайло Васильевичъ, а жена Димитрія Шуйскаго, Екатерина (дочь извѣстнаго своими злодѣяніями въ царствованіе Грознаго Малюты Скуратова), крестною матерью. Во время пира молодому князю вдругъ сдѣлалось дурно. Случилось это съ нимъ, какъ замѣтили, послѣ того, какъ княгиня Екатерина поднесла ему, на перепиваньи, чашу вина... У него открылось кровотеченіе носомъ и ртомъ [107])... Въ такомъ видѣ его едва довели до ближайшаго монастыря. Перенесенный домой, онъ проболѣлъ около двухъ недѣль [108]), и, несмотря на помощь, оказанную ему докторами, присланными отъ Делагарди, скончался, въ ночь съ 23-го на 24-е Апрѣля, на рукахъ своей матери и жены [109]).

---

[106]) Ни въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, ни у нашихъ историковъ нѣтъ точнаго указанія дня пира у князя Воротынскаго, но, принимая во вниманіе показаніе панихидной записи Архангельскаго собора, что смерть Скопина послѣдовала 23-го Апрѣля и свидѣтельство современниковъ (см. ниже), что болѣзнь князя продолжалась болѣе недѣли, даже до двухъ недѣль, мы позволяемъ себѣ днемъ крестильнаго пира считать именно *9-е Апрѣля*. Мнѣніе наше раздѣляетъ и Б. С. Иконниковъ (218).

[107]) Разболѣся сей храбрый воевода кн. Михайло на крестильномъ пиру у кн. Ив. Мих. Воротынскаго... И тако, едва дойде до монастырню пазуху, потомъ пустися руда изъ носа и изо рта"... (*Рукоп. Филарета*, 25—26). „Инози же на Москвѣ говоряху то, что испортила его тетка его княгиня Катерина князь Дмитреева Шуйскаго"... (*Ник. лът.*, 132; ср. *Лът. о мятеж.*, 177—178); она „прiиде къ нему съ лестію, нося чашу меду со отравою; онъ же... вземь чашу испить ю. Въ томъ часѣ начатъ сердце его терзати; вземше его свои ему, принесоша и въ домъ"... (*Псков., лът.*, 39).

[108]) „Мало поболѣвъ, страшный юноша ко Господу отъиде"... (*Авраамій Палицынъ*, 203) Болѣзнь его такъ усилилась, что черезъ 8 или 9 дней онъ умеръ" (*Геркманъ*, изд. Археогр. комм., 315). „Сказывали, что онъ болѣлъ двѣ недѣли и не могъ оправиться" (*Днев. пох. Сигизмунда III*, 584). По свидѣтельству Жолкевскаго, болѣзнь Скопинъ сопровождалась лихорадкою, слѣдовательно, симптомами также продолжительными (*Зап. Жолкевскаго*, 2-е изд., 38).

[109]) О днѣ смерти его см. *Древ. Рос. Вивліов.*, ч. XI, изд. 2-е, стр. 232, въ которой помѣщена слѣдующая выписка изъ панихидной книжицы Архангельскаго собора: „Въ придѣлѣ Іоанна Предтечи опочиваетъ царя и великаго князя Василія Іоанновича всея Руссіи племянникъ князь Михайло Шуйскій-Скопинъ, по государеву указу, а по своему храброму разуму, Божіею помощію надъ враги Польскими и Литовскими людьми и Русскими измѣнники, которые хотѣли разорить государство Московское, и вѣру Христіанскую попрать, явно показавъ преславную побѣду, прiиде къ Москвѣ, Божіимъ судомъ преставися въ лѣто 7118 (1610) *Апрѣля въ двадцать третій день*, на память Великомученика Георгія, въ послѣдній часъ ночи". Ср. *Videk.*, 139. Въ Сказаніи о рожд. Скопина-(Избор. *Попова*, 384), послѣ изложенія событія у Воротынскаго, замѣчено: „И по исходѣ дневныхъ часовъ *мьсяца Апрѣля въ 23 день зайде* и сей воевода... *На утріе же сві-*

Прошелъ общій слухъ объ отравѣ. Народъ уже прежде зналъ про ненависть къ покойному дяди его, князя Димитрія и боялся, чтобы тайное недоброжелательство сего послѣдняго не сдѣлало чего-нибудь дурнаго его избавителю. Толпы народа двинулись къ дому царскаго брата, угрожая разорить его и убить Димитрія Шуйскаго съ женою. Едва царь охранилъ его военною силою отъ ярости народной [110]).

Слухъ объ отравѣ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію: современники Русскіе и иноземцы говорятъ въ одинъ голосъ, что Скопина-Шуйскаго отравили. Въ «Рукописи Филарета», писанной позднѣе съ оффиціальнымъ назначеніемъ—установить извѣстный взглядъ на событія недавно прошедшія, читаемъ: «Малу же времени минувшу, разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода, князь Михайло Васильевичъ Шуйскій, и умре,—глаголютъ убо нѣцые, яко отравленъ бысть, на крестинномъ пиру, у князя Ив. Мих. Воротынскаго, егда крести сына своего Олексѣя, отъ князя Дмитреевы жены, Ивановича Шуйскаго, отъ княгини Екатерины, въ винѣ, на перепиваны...» [111]). Въ Псковской лѣтописи объ отравленіи говорится положительно: «Не по мнозѣ же времени, сотвориша пиръ дядья его, не яко любве ради желаху его, но убійства, и призваша, и ядоша, и пиша [112]). Послѣди же пріиде къ нему злаго корене злая отрасль, якоже древняя змія льстивая, подойде княгиня Дмитреева Шуйскаго Христина [113]), Малютина дочь Скуратова, иже бысть наперсникъ и злый совѣтникъ и убійца при великомъ цари Иванѣ и гонитель роду христіанскому, той же и митрополита Филиппа задуши, ходатайствуя отъ царя не благословившаго Новградъ плѣнити... сестра Борисовы жены Годуновы, иже отравою окорми праведнаго царя Ѳеодора... Яко медъ на языцѣ попаше, а въ сердцы мечъ скова и пронзе праведнаго мужа, пріиде къ нему съ лестію, нося чашу меду со отравою; онъ же незлобивый, не чая въ ней злаго совѣта по сродству, вземъ чашу испитъ ю; въ томъ часѣ начатъ сердце его терзати... и призва отца своего духовнаго, и исповѣда ему вся согрѣшенія и причастися Божественныхъ Таинъ Христовыхъ, и предастъ духъ свой...» [114]). Такъ называемый Новый лѣтописецъ представляетъ собственное изложеніе разсматриваемаго событія. Намъ извѣстны ука-

---

тящуся вторнику и восходящу солнцу слышно бысть по всему граду: *отшедъ онъ его свѣта*".

[110]) *Vidck*, 139—140.

[111]) Рукоп. Филарета, 2-е изд. въ Сборникѣ *Муханова*, 1866, 25.

[112]) Извѣстная лѣтописцу ненависть къ Скопину родственниковъ его побудила его отнести и самый пиръ къ Шуйскимъ.

[113]) С. М. Соловьевъ полагаетъ, что *Христина* — есть искаженіе слова крестины, на которыхъ занемогъ Скопинъ (*Соловьевъ*, И. Р., VIII, 313).

занія его на вражду между Шуйскими и Скопинымъ, на подозрѣнія о стремленіяхъ Скопина къ престолу и на совѣтъ Делагарди князю Михайлу Васильевичу, чтобы онъ поспѣшилъ выйти изъ Москвы. «Въ малѣмъ же времени, говорится въ немъ, *впаде онъ въ недугъ тяжкій*, таже пойде кровь изъ носа, оттого и преставися. Мнози же глаголаху, что онъ *ядомъ напоенъ былъ* отъ тетки своей Екатерины князь Дмитріевой жены Ивановича Шуйскаго» [115]). Послѣ изложенія событія, авторъ разсказа прибавляетъ отъ себя слѣдующее разсужденіе: «А подлинно-ль, то *единому Богу свѣдомо*, мняху бо всѣ людіе по той ненависти, что грѣхъ ради нашихъ другъ друга ненавидяху и другъ друга завидоваху, видяще кому Богъ даетъ храбрость и разумъ, и тѣхъ не любяще, силою жъ у Бога никому не взять, всяко званіе отъ Бога честь воспріиметъ, и власть даетъ Богъ, кому хощетъ» [116]). Сначала, какъ будто, лѣтописецъ склоняется объяснить нареканіе на Шуйскихъ завистью къ нимъ; но предъидущія замѣчанія о происках противъ Скопина убѣждаютъ, что онъ здѣсь не щадитъ Шуйскихъ, а дальнѣйшее заключеніе совершенно убѣждаетъ въ его расположеніи къ Скопину: «Такожъ и сему храброму князю Михаилу Васильевичу дано (то) отъ Бога бысть, а не отъ человѣкъ». Отсюда ясно, что лѣтописецъ указываетъ здѣсь что одна вражда Димитрія Шуйскаго и Скопина служила для многихъ

---

[114]) *Псков. лѣт.*, 58—59. Достовѣрность сказанія Псковской лѣт. заподозриваетъся нѣкоторыми изъ нашихъ историковъ (*Соловьевымъ*, И. Р., VIII, 288, *Бутурлинымъ*, Ист. смут. вр., III. 133—135) на томъ основаніи, что, будто, лѣтопись эта проникнута ненавистью ко всѣмъ высшимъ сословіямъ Россіи, не исключая и самого царя. Такое мнѣніе г. Иконникову кажется нѣсколько преувеличеннымъ, безусловной вражды къ царю Василію въ Псковскомъ лѣтописцѣ не видно: такъ, онъ, при всемъ нерасположеніи къ Василію Ивановичу, снимаетъ съ него отвѣтственность въ смерти племянника, а по поводу дальнѣйшихъ событій даже прибавляетъ: „А иже дерзнуша кои возложити руцѣ на царя, и поругашася ему, и предаша въ поганыя руки, отъ своихъ людей побіени быша послѣди“ (61). Поэтому гораздо важнѣе вопросъ: откуда авторъ Псковской лѣтописи—будучи самъ не Москвичъ—могъ почерпнуть свѣдѣнія о Московскихъ событіяхъ и притомъ свѣдѣнія-которыя не встрѣчаются въ другихъ лѣтописяхъ? Но мы знаемъ, что въ то время существовали постоянныя сношенія между Москвою и Псковомъ; во Псковѣ интересовались Московскими дѣлами, а въ Москвѣ находились на службѣ Псковскіе стрѣльцы, которымъ удалось передъ тѣмъ освободить изъ заключенія своихъ же согражданъ. Изъ подобнаго источника, по справедливому мнѣнію В. С. Иконникова, идутъ свѣдѣнія Псковской лѣтописи о Московскихъ дѣлахъ, такъ какъ сообщить о нихъ съ очевидными чертами мѣстнаго разсказа могли только лица близко стоявшія къ событіямъ. Но имя жены Димитрія Шуйскаго напомнило лѣтописцу вліяніе ея отца при Иванѣ Грозномъ, наѣзды послѣдняго на Новгородъ и Псковъ, участь м. Филиппа, Бориса Годунова, женатаго на другой дочери Малюты,—и онъ приписалъ всѣ злодѣянія семьѣ опричника. Но это—естественное у современника—отступленіе нисколько не уменьшаетъ его свидѣтельства о Скопинѣ. Близкое же знакомство лѣтописца съ событіями въ Москвѣ и то, что онъ даетъ болѣе частныхъ подробностей о нѣкоторыхъ изъ нихъ, чѣмъ даже Палицынъ (жившій въ Москвѣ) заставляетъ насъ иначе смотрѣть и на источники автора лѣтописнаго извѣстія.

[115]) *Времен.* XVII, 114.

достаточнымъ основаніемъ къ обвиненію въ насильственномъ поступкѣ Шуйскихъ и, какъ бы въ правоученіе тѣмъ, которые завидуютъ тому, «кому Богъ дастъ храбрость и разумъ», лѣтописецъ прибавляетъ: «силою жъ у Бога никому не взять». Слава осталась, такимъ образомъ, за Скопинымъ, что̀ хотѣлъ и имѣлъ право сказать лѣтописецъ, когда уже смѣнился рядъ событій, въ которыхъ такъ неславно дѣйствовали Шуйскіе. Таково, по мнѣнію проф. Иконникова, это правоученіе [117]). Но, по своей набожности, лѣтописецъ, рискнувшій приподнять таинственную завѣсу, долженъ былъ все-таки оградить свое мнѣніе болѣе непогрѣшимымъ авторитетомъ: «а подлинно-ль, то единому Богу свѣдомо».

Къ такому же способу самоочищенія прибѣгаетъ и келарь Троицкой Лавры Авраамій Палицынъ. Онъ говоритъ: «Грѣхъ же ради нашихъ, по двою мѣсяцу пришествія его (Скопина) къ Москвѣ, мало поболѣвъ, страшный юноша ко Господу отыде; но не вѣмы убо, како рещи, Божій ли судъ насъ постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися. Единый Создавый насъ вѣсть» [118]). По поводу этихъ словъ П. А. Мухановъ, въ своемъ разборѣ показаній о смерти Скопина-Шуйскаго [119]), справедливо замѣчаетъ, что Палицынъ уклоняется отъ рѣшенія вопроса, какою смертію умеръ Скопинъ. Это и понятно. Палицынъ, пострадавшій при Ѳедорѣ Ивановичѣ вмѣстѣ съ противниками Годунова, Шуйскими, возвысился при сихъ послѣднихъ, а потому, конечно, и не могъ писать о нихъ рѣзко, даже и тогда, когда старшій Шуйскій уже не былъ царемъ. Тѣмъ не менѣе даже при такихъ отношеніяхъ и уклончивости, онъ не одобряетъ поступка царя Василія, когда сей послѣдній взялъ изъ Лавры деньги и множество сосудовъ для сплавки, не скрываетъ ненависти къ гордости Димитрія Шуйскаго, рѣзко выражается о его неудачѣ подъ Клушинымъ («...изыде со множествомъ воинъ, но со срамомъ возвратися»...) и откровенно разсказываетъ о сочувствіи къ Скопину и происках лицъ, близкихъ къ царю [120]). Поэтому нежеланіе Палицына сказать прямо, что Скопинъ умеръ естественною смертію и даже неупоминаніе того, что обвиненіе въ его смерти распространилось, благодаря народной молвѣ, какъ говорятъ другіе лѣтописцы, сильно подкупаетъ въ пользу мнѣнія, что самъ Па-

---

[116]) *Лът. о мятеж.*, 178.

[117]) *Иконниковъ*, 223.

[118]) *Авр. Палицынъ*, 203.

[119]) *Зап. Жолкевскаго*, изд. 1835 г., стр. 304—310.

[120]) „Неувяжаемый удъ въ человѣцѣхъ — бѣсящійся языкъ многихъ отъ сердецъ лукавыхъ подвижеся; съ клятвою подходятъ въ тайныхъ думѣхъ Самодержца, яко вся земля Россійская почитаетъ князя Михаила паче тебе, великій царю, еще же и скипетроносца хотятъ его видѣти“ (203).

лицынъ склонялся къ убѣжденію, что «злыхъ человѣкъ умышленіе совершися». Слѣдующее же витіеватое заключеніе еще болѣе убѣждаетъ въ томъ. «Достойны убо похвалы въ Еллинѣхъ Экторъ и Ахиллесъ; но не видѣша на себе попущаема стрѣлянія силы: древле убо смерть во бранѣхъ на мѣрилѣ совершашеся... нынѣ же и горы основанія и стѣны градовныя яко прахъ развѣваетъ; *тогда же убо сила соблюдаше и храбрость многихъ, нынѣ же и умъ тоя бѣды постигнути не можетъ, и съ таковыми убо смертьми боряйся мужъ зайде подъ землю*» [121]). Въ этихъ словахъ видно полное сочувствіе автора къ печальной участи Скопина; но въ нихъ нѣтъ и попытки оправдать его противниковъ, хотя бы отъ молвы. Не будемъ дѣлать выписокъ изъ другихъ лѣтописныхъ сказаній, тѣмъ болѣе, что изложеніе многихъ изъ нихъ мѣнялось неоднократно, сообразно съ обстоятельствами времени и измѣненіемъ положенія лицъ писавшихъ [122]).

Перейдемъ къ иностраннымъ свидѣтельствамъ. Авторъ Исторіи Шведско-Московской войны прямо заявляетъ: «Clam sublatus *veneno interiit*»... [123]). Жолкевскій, человѣкъ осторожный въ приговорахъ и мнѣніяхъ (что придаетъ такую цѣну его запискамъ о Россіи того времени) говоритъ: «Скопинъ въ то время, когда онъ наилучшимъ образомъ велъ дѣла, *умеръ отравленный по извѣтамъ Шуйскаго*, вслѣдствіе ревности, бывшей между ними; а, если начнешь распрашивать, то выходитъ, что онъ умеръ отъ лихорадки...» [124]). Недовѣріе Жолкевскаго къ слухамъ о естественной смерти Скопина слишкомъ очевидно. Въ

[121]) *Авраамій Палицынъ*, 231—232.

[122]) Возьмемъ для примѣра „Иное сказаніе о Самозванцахъ“, названное такъ потому, что въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII в. оно помѣщено вслѣдъ за Сказаніемъ Палицына. „Иное сказаніе написано современникомъ, и авторъ его сочувствуетъ Б. И. Шуйскому (называетъ его: „великимъ, страдальцемъ, святымъ“. См. *Времен. Моск. общ. ист.*, XVI, 30 и дал.). Касаясь, смерти Скопина, авторъ выражается довольно неопредѣленно, что „грѣховнаго ради тернія злобы нашея отнялъ отъ насъ Богъ такого звѣрогонителя добраго“. Но въ томъ же самомъ сказаніи, передѣланномъ впослѣдствіи какимъ-то противникомъ царя Шуйскаго, статьи о Скопинѣ замѣнена другою, именно извлеченіемъ изъ сказанія Палицына. (*Тамъ же*, 66 и 110). Извѣстно, что и Рукоп. Филарета, выдержки изъ которой мы приводили, писанная разными лицами, и съ разными взглядами на дѣятельность и отношенія лицъ смутной эпохи, съ теченіемъ времени, подверглась измѣненіямъ и поправкамъ, которыя приписываются и. Филарету.

[123]) *Videk.*, 139.

[124]) *Зап. Жолкевскаго*, изд. I-е, стр. 63 и изд. II-е, прил. 59—60.—„Wiec i to przypadlo, że Skopin, kiedy naylepiey mial rzeczy popierac, umarł struty, iako zrazu udawano, z porozumieniem Szuyskiego, zemulacyi która była miedzy nimi; pytaioc sie jednak o tém, tak sie naydnie, że febra umarł“. Съ записками Жолкевскаго произошла такая же трансформація, какъ съ нашимъ „Инымъ сказаніемъ...“ или Рукоп. Филарета. Поэтому, въ одной редакціи о смерти Скопина передастся такъ, въ другой нѣсколько иначе. Мы соединили вмѣстѣ выписки изъ двухъ редакцій.

Дневникѣ похода Сигизмунда III-го записано: «Жена Димитрія Шуйскаго отравила его на крестинахъ... онъ болѣлъ двѣ недѣли и не могъ оправиться...» [125]. Извѣстіе это современно событію. Свѣдѣнія были доставлены Московскими боярами, передавшимися Полякамъ въ Можайскѣ, и подтверждены Слизнемъ, посланнымъ въ Москву отъ короля и сенаторовъ, для переговоровъ съ царемъ и боярами [126].

Таковы историческія извѣстія. Если мы теперь обратимся къ разсмотрѣнію признаковъ загадочной болѣзни Скопина, то увидимъ, что и они не противорѣчатъ нѣкоторымъ видамъ отравленія. Болѣзнь Скопина знаменуется сильнымъ кровотеченіемъ изъ носа и рта; она была продолжительна (болѣе одной недѣли, даже до двухъ недѣль), сопровождались лихорадкою, «терзаніемъ сердца» и страшными желудочными болями [127]. Признаки отравленія мышьякомъ соотвѣтствуютъ приведеннымъ нами. Употребленіе мышьяка для злонамѣренныхъ отравленій, благодаря почти отсутствію вкуса и запаха и дѣйствію въ малыхъ пріемахъ, было хорошо извѣстно на Западѣ и на Востокѣ, еще въ средніе вѣка. Въ Италіи же, въ вѣкъ наибольшаго распространенія подобныхъ преступленій, ихъ обыкновенно совершали за столомъ, во время пира, чаще при посредствѣ вина и, въ случаѣ смерти, ей придавали какое-нибудь произвольное истолкованіе, въ родѣ, напримѣръ, того, что̀ сообщалось Жолкевскому въ Москвѣ на его разспросы о смерти Скопина [128].

Итакъ, мы пришли къ заключенію, что смерть князя Михайла Васильевича Скопина была насильственная. Кто же, спрашивается, былъ непосредственнымъ ея виновникомъ?

Въ Хроникѣ Буссова говорится: «Храбрый Скопинъ, спасшій Россію, при помощи Нѣмцевъ, *получилъ отъ Василія Шуйскаго въ награду ядъ. Царь приказалъ отравить его*, досадуя, что Москвитяне уважали Скопина за умъ и мужество болѣе, чѣмъ его самого» [129]. Показаніе это опровергается Соловьевымъ и Мухановымъ. Первый объясняетъ его нерасположеніемъ Буссова къ царю Василію, а второй—нерасположеніемъ Буссова къ Русскимъ вообще, пріязнію къ Скопину и отсутствіемъ автора изъ Москвы. Дѣйствительно, подозрѣ-

---

[125]) *Днев. пох. Сигизмунда* III, 584.

[126]) *Тамъ же*, 586—585, 578.

[127]) Послѣднюю подробность мы находимъ въ Сказаніи о Скопинѣ: послѣ питья „очи (Скопина) ярко возмутилися, а лицо его страшно кровью знаменуется, и начатъ *утроба его лютъ терзатися*;... онъ же на ложѣ своемъ *въ тоскахъ* мечущись и бьющеся и стонущу крича зѣло лютѣ, аки звѣрь подъ землею“. (Изборн. *Попова*, 383).

[128]) *Шлоссеръ*, Всем. ист., XI, 1864, 169.

[129]) *Сказ. соврем. о Димитріи Самозванцѣ*, I, 1859, 114.

ніе на царя Василія существовало; для многихъ оно было логически вѣрно: всѣ знали мнительность Василія Ивановича, предложеніе Ляпунова, навѣты недоброжелателей и т. п. Конечно, царь Василій могъ завидовать успѣхамъ племянника и могъ опасаться его вліянія на народъ; но прямаго разсчета на совершеніе преступленія у него не могло быть. Чтобы посадить на престолъ Скопина, необходимо было низвести царя Василія, а на это едва ли рѣшился бы самъ Скопинъ, хотя бы даже для блага общаго. Соглашеніе въ этомъ случаѣ могло быть только обоюдное и добровольное [130]). Царю Василію, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Иконниковъ, былъ прямой разсчетъ держаться Скопина [131]). Дальновидный и умный Василій, какъ видно, хорошо понималъ это: не смотря на свою подозрительность, онъ всячески старался скрыть зависть и открыто чествлъ побѣдителя. Мы уже знаемъ, что онъ прогналъ отъ себя своего брата Димитрія, когда тотъ продолжалъ надоѣдать ему доносами на племянника. Прп томъ у царя Шуйскаго не было и родоваго разсчета, такъ какъ онъ не имѣлъ въ живыхъ дѣтей. Писатели, говорящіе о желаніи царя извести племянника, судятъ по тѣмъ проявленіямъ его неудовольствія, о которыхъ тогда ходили слухи, или по общему нерасположенію къ царю Василію: его, какъ прежде Годунова, почему-то стали считать виновникомъ всѣхъ бѣдъ....

Иными, разумѣется, побужденіями долженъ былъ руководствоваться князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій. Онъ, какъ мы знаемъ, лелѣялъ мысль, по смерти царя, заступить его мѣсто. Это льстило его честолюбію, которое, въ порочныхъ натурахъ, влечетъ къ крайнимъ средствамъ для достиженія цѣли. Гордость же князя Димитрія не знала предѣловъ. Подчиненные ненавидѣли его за недоступность и презрительное отношеніе къ нимъ; самъ онъ заботился лишь объ удовлетвореніи своей страсти къ роскоши, тогда какъ общее положеніе дѣлъ требовало постоянныхъ жертвъ. Такъ говорятъ о немъ писатели, лично

---

[130]) Въ 1875 г., на стр. „Древ. и Нов. Рос.“, т. II, г. *Евгеній Бѣловъ*, дѣлая нѣкоторыя замѣчанія на статьи проф. Иконникова о Скопинѣ, между прочимъ, спрашивалъ: „Почему же этого соглашенія не послѣдовало? Что мѣшало В. П. Шуйскому немедленно по вступленіи побѣдоноснаго племянника въ Москву, назначить его своимъ наслѣдникомъ?“ Причина, по нашему мнѣнію, ясна. Василію Ивановичу хотѣлось удержать престолъ, если не въ своихъ рукахъ и не въ рукахъ сына, возможность рожденія котораго у царя допускаетъ г. Бѣловъ, то, по крайней мѣрѣ, въ своемъ родѣ, старшимъ представителемъ котораго, послѣ царя, являлся любимый братъ послѣдняго—Димитрій. Михайло же Васильевичъ приходился царю только племянникомъ, да притомъ, какъ это извѣстно и г. Бѣлову, не роднымъ. Тѣмъ же, разумѣется, соображеніемъ—упрочить престолъ за родомъ Шуйскихъ—руководился Вас. Пв. и назначая Димитрія, по смерти Михайла Васильевича, вождемъ Русскаго ополченія, и надежды царя, по всему вѣроятію, оправдались бы, если бы Димитрій Ивановичъ побѣдилъ подъ Клушинымъ.

[131]) *Иконниковъ*, 229.

расположенные къ царю Василію—Палицынъ и авторъ «Иного сказанія» [132]). Голландецъ Геркманъ, бывшій въ Россіи при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и собиравшій свѣдѣнія отъ современниковъ-очевидцевъ, ведетъ вражду Димитрія Шуйскаго къ Скопину со времени порученія сему послѣднему главнаго начальства надъ войскомъ. Успѣхъ князя Михайла Васильевича окончательно вооружилъ противъ него дядю: При торжественномъ вступленіи Скопина въ Москву, князь Димитрій, стоя на городскомъ валу и издали завидѣвъ племянника, воскликнулъ: «вотъ идетъ мой соперникъ!» такъ что всѣ близъ стоявшіе обратили на это вниманіе [133]). Выше мы видѣли, что еще со времени предложенія Ляпунова при дворѣ стали «держать мнѣніе» противъ Скопина. По прибытіи его въ Москву, уже ясно обнаруживается давленіе на царя его братьевъ, и имя князя Димитрія Шуйскаго съ женою постоянно упоминается при описаніи ихъ вражды. Они обвиняютъ его въ самовольной сдачѣ Корелы; они возбуждаютъ царя, указывая, что Скопинъ ищетъ царства; наконецъ, они же являются дѣйствующими лицами на послѣднемъ пиру. Узнавъ о постигшемъ его несчастіи, народъ бросается къ дому именно Димитрія Шуйскаго, чтобы покончить съ нимъ. Разсмотрѣнныя нами показанія писателей, и лично расположенныхъ и враждебныхъ царю Шуйскому, окончательно убѣждаютъ, что погибель Скопина была дѣломъ именно Димитрія Шуйскаго и его жены [134]).

---

[132]) „Вои ненавидиху его гордости, сего ради нелюбезенъ бяше во очію ихъ“ (*Палицынъ*, 232); „Воевода сердца не храбраго, но женственными обложенный вещми, красоту и пищу любящій, а не луки натязати и копія управляти хотящій“ (*Иное сказ. о Самозв.* во „Врем. Моск. общ. ист.“, XVI, 66; ср. *Зап. Жолкевскаго*, 102—103 и *Днев. пох. Сигиз. III*, II, 603).

[133]) *Elias Herckmans*, Een Historischen Verhael van de vornaemste herverten des keyserrycks van Russia onts taen door den Demetrium Ivanowits die den valschen Demetrius t'onrecht genaempt wert, Рус. пер., изд. Археогр. комм., 313—315.

[134]) Третій изъ братьевъ Шуйскихъ, князь Иванъ Ивановичъ, хотя вмѣстѣ съ ними и участвовалъ въ прежнихъ происках противъ Скопина (за что вмѣстѣ съ ними и раздѣлялъ нелюбовь народа), но въ отравленіи его едва ли принималъ участіе; по крайней мѣрѣ, утверждать это мы не имѣемъ данныхъ. Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ главными дѣятелями кровавой драмы выставляются кн. Димитрій съ супругою. Выраженіе: *непортила* его *тетка его, княгиня Катерина князь Дмитреева Шуйскаго* почти буквально повторяется во всѣхъ сказаніяхъ о смерти Скопина. Катерина Григорьевна, какъ видно, была женщина властолюбивая и имѣла вліяніе на мужа, подражая своей сестрѣ, женѣ Бориса Годунова. Властолюбіе послѣдней доходило до того, что Борису самому приходилось сдерживать въ ней властолюбивыя замашки (*Isaaci Massae Chronicon*, Рус. пер., изд. Археогр. комм., 36, 134). Благодаря ея примѣру, женщины при Годуновѣ стали пользоваться большею свободою. Царица любила выѣзжать, окруженная боярынями, слѣдовавшими за ея каретой верхами (*Маржеретъ* въ Сказ. совр. о Д. Самоз., 268). Дворъ Марины Мнишекъ сталъ еще свободнѣе. Боярыни гуляли по Москвѣ подъ руку съ мужьями (*Légende de la vie et de la mort de Demetrius l'imposteur. Moscou* 1839). Жена Димитрія Шуйскаго вращалась въ этой средѣ (*Иконниковъ*, 230).

Погребеніе Скопина совершено было съ большою торжественностію, «послѣ велика дни вскорѣ» [135]). Когда тѣло лежало, приготовленное къ погребенію, пріѣхалъ Делагарди проститься. Москвичи не хотѣли было дозволить ему, какъ неправославному, приложиться къ усопшему; но Шведскій военачальникъ заявилъ, что онъ имѣетъ на это право, какъ его другъ и товарищъ. Его пустили. Взглянувъ на усопшаго, Делагарди прослезился и сказалъ: «Москвитяне! Не только на Руси, но и въ земляхъ моего государя не видать мнѣ такого человѣка» [136])! Великія толпы народа провожали его останки. Гробъ его [137]) несли его сослуживцы и пѣли надгробныя пѣсни; ихъ окружали женщины: тутъ были вдовы, сестры и дочери убитыхъ въ бою, служилыхъ людей; онѣ поддерживали мать и вдову покойника. Былъ тутъ и самъ царь Василій, онъ разплвался въ слезахъ и страшно вопилъ [138]).

Тѣло Скопина предполагалось отвезти въ родную усыпальницу, въ Суздаль, но вслѣдствіе опасности отъ Поляковъ и воровъ рѣшено было поставить его до времени въ Чудовомъ монастырѣ. Это вызвало неудовольствіе въ народѣ. Царь, узнавъ о томъ, приказалъ похоронить прахъ его въ Архангельскомъ соборѣ, въ новомъ придѣлѣ Св. Іоанна Предтечи, гдѣ онъ остается и до сихъ поръ [139]). Въ этомъ придѣлѣ только и есть одна гробница Скопина-Шуйскаго, сложенная, какъ и царскія, изъ кирпича. Надписи на ней нѣтъ. На стѣнѣ же помѣщенъ портретъ ($9^1/_2$ верш. выш. и 8 шир.), писанный, на липовой доскѣ, старинным письмомъ, въ верхней части изображеніе Нерукотвореннаго образа и надпись имени князя Скопина [140]).

Повсюду разнеслась вѣсть, что не стало лучшаго воеводы, спасителя Русской земли... Кончина Скопина была самымъ тяжелымъ, рѣшительнымъ ударомъ для народа, ударомъ послѣдовавшимъ въ то время, когда возродилась было надежда на лучшее будущее, на умилостивленіе небесное. Кончина эта, столь неожиданная, казалась явнымъ дѣйствіемъ гнѣва небеснаго: думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣр-

---

[135]) *Столяровскій хронографъ*, принадл. Карамзину, въ И. Г. Р., XII, прим. 527.— Въ 1610 г. первый день Пасхи *(великъ день)* приходился 8-го Апрѣля. Очевидно, что выраженіе лѣтописца „велика дни“ относится здѣсь ко всей свѣтлой недѣлѣ; при такомъ условіи и другое опредѣленіе „вскорѣ“ получаетъ точный смыслъ.

[136]) Избор. *Попова*, 384.

[137]) Скопинъ былъ такого громаднаго роста, что въ Москвѣ не могли найти подходящаго для него гроба (?) и должны были придѣлывать съ обѣихъ сторонъ. (*Тамъ же*).

[138]) *Сказ. о Скопинѣ*, 387.—А „возвратясь отъ погребенія въ свою палату, упалъ ницъ на столъ и горько плакалъ по умершемъ“. (*Тамъ же*).

[139]) *Ник. лът.*, 132, такъ и въ *рукоп. Филарета*.

[140]) Снимки съ этого портрета воспроизводились неоднократно: лучшій изъ нихъ, по нашему мнѣнію, тотъ, что исполненъ проф. Ѳ. Г. Солнцевымъ и приложенъ къ Памят. Моск. древ. *Снегирева*, М. 1842—1845.

ную гибель, лишивъ ее защитника, который *одинъ* вселялъ надежду и бодрость въ души, *одинъ* могъ спасти государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей, безъ кормчаго. Подобные удары обыкновенно отнимаютъ послѣдній духъ, послѣднія силы.

Не находя словъ для изображенія общей скорби, лѣтописцы говорятъ, что современники оплакивали Скопина столь же неутѣшно, какъ царя Ѳедора Ивановича [141]). Сознаніе важности общей потери отразилось и въ отзывахъ о личности покойнаго. Въ нихъ онъ именуется Гекторомъ и Ахиллесомъ Россійскимъ, прославляется за безпримѣрную милость, привѣтливость, кротость, причемъ выставляется на видъ, что огорчать или презирать людей было мукою для его добраго сердца [142]).

Только такими свѣтлыми чертами въ характерѣ Михайла Васильевича и можно объяснить любовь народную къ нему, и ту добрую память, которая перешла о немъ въ потомство, сохранившись въ народной поэзіи. Геркманъ сообщаетъ, что уже во время пребыванія его въ Москвѣ, были распространены въ народѣ пѣсни объ участи Скопина. Одна изъ нихъ дошла до насъ въ собраніи пѣсенъ, записанныхъ Оксфордскимъ баккалавромъ Ричардомъ Джемсомъ, который, въ качествѣ священника при посольствѣ, находился въ Россіи въ 1619—1620 гг. Въ этой пѣснѣ народному сѣтованію о кончинѣ знаменитаго воеводы противополагается злорадство бояръ: плачутъ Москвичи, у которыхъ не стало защитника, плачутъ и «Свѣйскіе Нѣмцы», его соратники, а князья Мстиславскій и Воротынскій усмѣхаются, приговаривая:

---

[141]) „О таковомъ знаменитомъ человѣцѣ проплака вся земля неутѣшно, и горькаго того рыданія не мощно изглаголати днесь“ (*Авр. Палицынъ*, 203); „На Москвѣ же плачь бысть и стенаніе веліе, яко уподобися тому плачу, како блаженныя памяти по царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ плакаху“ (*Ник. лѣт.*, 132).

[142]) „Достойны убо похвалы въ Еллинѣхъ Экторъ и Ахиллесъ; но не видѣша на себе попущаема стрѣлянія силы: древле убо смерть во бранѣхъ на мѣрилѣ совершашеся... нынѣ же и горы основанія и стѣны градовныя, яко прахъ развѣваетъ; тогда же убо сила соблюдаше и храбрость многихъ, нынѣ же и умъ тоя бѣды постигнути не можетъ, и съ таковыми убо смертьми боряйся мужъ зайде подъ землю“ (*Авр. Палицынъ*, 203). „Мнози же народи, вѣрніи и невѣрніи, плакахуся его смиренія и любве и милости къ малымъ и великимъ“ (*Псков. Лѣт.*, 40). „Бысть воевода храбръ и мужественъ и добрымъ благопріятствомъ ко всему народу Русскому себѣ показа, скоро аки, молнія, супостатные полки обтече и вся овцохищные волки люто устраши: пастырь бо звѣрогонитель бысть... во бранѣхъ лютъ, на враги стремленіемъ зѣло искусенъ и ратнымъ непобѣдимъ“ (*Хрон. Ключар.* у *Карамзина*, И. Г. Р., XII, прим. 528). „Сей же непобѣдимый воевода бяше красенъ лицомъ, милостивъ и увѣтливъ, тихъ же и смиренъ, нищелюбивъ и добродѣтелепъ, никогоже оскорби и никого презрѣ, всѣхъ утѣшая и всѣмъ полезная подавая“ (*Рукоп. Филарета*). И сами Поляки, побѣжденные имъ, не могли не признать его рѣдкихъ достоинствъ и желали, чтобы у нихъ явился королемъ такой же человѣкъ, какъ Скопинъ („Временникъ“ дьяка *Ив. Тимоѳеева* въ Ркп. Флорищевой пуст. № $^{108}/_{682}$, объ немъ у *С. Ѳ. Платонова* Древнерус. сказ. и пов. о смут. вр., Спб. 1888, стр. 128—168).

Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.

Другая пѣсня передаетъ его подвиги и обстоятельства внезапной смерти. У князя Воротынскаго крестили сына; кумомъ былъ Скопинъ, «правитель царства Московскаго, оберегатель міра крещенаго и всей земли Свято-русской», кумою—жена Дим. Шуйскаго. За обѣдомъ, хмѣльные бояре расхвастались, кто силою, а кто богатствомъ. Скопинъ не съ большаго хмѣлю похвастался, что онъ очистилъ отъ враговъ все великое государство Московское. Это обидѣло бояръ: они подсыпали зелья въ стаканъ сладкаго меду, который и поднесла Скопину княгиня Шуйская, знавшая о томъ.

Изъ словъ послѣдней пѣсни, вложенныхъ въ уста князя Скопина и составляющихъ, по мнѣнію г. Галахова, позднѣйшую вставку [143]):

Еще мнѣ ли славу поютъ до вѣку
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго до вѣку моего,

видно, что пѣсни о немъ ходили въ народѣ. А изъ заключительныхъ словъ узнаёмъ, что похвалы князю Скопину и его подвиги воспѣвались на пирахъ пѣвцами, которые

Сидючи во бесѣдѣ смиренныя
Испиваючи медъ, зелено вино,

воздавали честь боярину великому и хозяину ласковому [144]).

Заключеніе.

Чѣмъ руководился молодой воевода, какія побужденія управляли его дѣйствіями? Вопросъ этотъ былъ поставленъ еще—Соловьевымъ и Костомаровымъ. Соловьевъ, указывая на то, что жизнь князя Скопина-Шуйскаго вообще не богата біографическимъ матеріаломъ(отъ него самого, точно также, какъ и отъ лицъ, близкихъ къ нему, не дошло до насъ ни писемъ, ни записокъ), замѣчаетъ: «Живыхъ людей, съ рѣзко опредѣленнымъ образомъ, мы не найдемъ ни въ Скопинѣ, ни въ Ляпуновѣ, ни въ Пожарскомъ, ни въ Мининѣ, какъ они представляются въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ. Разсказываются ихъ внѣшніе подвиги, произносятся похвальные отзывы въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ, идущихъ ко всякому другому хорошему человѣку». Вслѣдствіе этого и

[143]) *Галаховъ*, Ист. Рус. слов. др. и нов., I, 1863, 268.

[144]) *Изв. Акад. Наукъ* по 2 отд., 1852, I; Собр. пѣсенъ *Кирѣй Данилова*; ср. *Буслаева* Очерки литературы, I, 519—525; *Галаховъ*, Ист. Рус. слов. др. и нов., I, 268.

фигура Скопина представляется Соловьеву «покрытою съ ногъ до головы пеленою; можно догадываться, что это что-нибудь величественное, но что именно – не знаемъ» [145]). Статья Н. И. Костомарова «Личности смутнаго времени» (Истор. моногр., т. XIII, 1881) представляетъ собственно подробное развитіе той же мысли. О Скопинѣ онъ говоритъ: «По первому впечатлѣнію, эта личность представляется въ высшей степени поэтическою и привлекательною; но какъ только мы приблизимся къ ней съ холоднымъ анализомъ, мимо всякаго поэтическаго увлеченія, предвзятыхъ понятій и заранѣе составленнаго образа, то встрѣтимъ лицо очень тусклое. Прежде всего является вопросъ, что̀ это была за натура? Пылкій ли юноша, увлекаемый жаждою подвиговъ и дѣятельности, или это холодный, разсудительный умъ, чуждый увлеченія, взвѣшивающій обстоятельства, осмотрительный, проницательный, всегда разсчетливый». Авторъ этихъ строкъ болѣе склоняется видѣть въ Скопинѣ характеръ послѣдняго рода, такъ какъ, вопервыхъ, онъ не замѣчаетъ нигдѣ такихъ чертъ, которыя бы указывали на господство сердечныхъ побужденій; во вторыхъ, онъ усматриваетъ въ нѣкоторыхъ его дѣйствіяхъ хитрость и, въ заключеніе, предъявляетъ новый вопросъ, «на который мы отвѣчать никакъ не въ состояніи: на сколько этотъ человѣкъ дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ, или уразумѣнію, и насколько исполнялъ волю и совѣты другихъ? Въ повѣствованіяхъ о его дѣяніяхъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы онъ явился съ свойственнымъ ему одному, отличнымъ отъ другихъ, образомъ взглядовъ, чувствъ и пріемовъ; нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы высказалась его индивидуальность. Мы также находимся въ невѣдѣніи относительно его нравственныхъ побужденій: руководствовался ли онъ безкорыстною любовью и преданностію дѣлу родины, или же онъ не былъ чуждъ корыстолюбивыхъ видовъ» [146]).

Конечно, благодаря недостаточности біографическихъ свѣдѣній о Скопинѣ-Шуйскомъ, личность его остается для насъ нѣсколько тусклою; но все-таки мы имѣемъ данныя, которыя помогаютъ до нѣкоторой степени уяснить нравственный его образъ. Вѣдь, въ противномъ случаѣ, и Н. И. Костомаровъ не могъ бы сдѣлать своихъ немногихъ (въ скобкахъ замѣтимъ, тенденціозныхъ) замѣчаній о личности Скопина. Впрочемъ, такихъ данныхъ довольно мало; онѣ скрыты, и ихъ приходится извлекать по мелочамъ изъ общаго разсказа о дѣяніяхъ князя Михайла Васильевича. Такъ, сопоставляя разныя мѣста нашего обзора жизни и подвиговъ Скопина-Шуйскаго, нельзя не видѣть, что мы имѣемъ дѣло именно съ пылкимъ юношей, увлекаемымъ жаждою подвиговъ.

---

[145]) *Соловьевъ* И. Р., IX, 1875, 426.

[146]) Стр. 355—357.

Рано началъ Скопинъ свое служебное поприще: семнадцати лѣтъ онъ уже играетъ видную роль при дворѣ, въ восемнадцать—на него возлагаютъ отвѣтственныя порученія и обязанности, девятнадцати—ему даже вручается начальствованіе отдѣльнымъ отрядомъ войска, отправляемымъ для усмиренія дерзкихъ мятежниковъ, потрясавшихъ основы государства. Чѣмъ, спрашивается, могъ заслужить къ себѣ подобное довѣріе этотъ юноша, какъ, прежде всего, не своею точностію въ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій? Довѣрчивый молодой умъ, жаждущій дѣятельности, брался за исполненіе разныхъ порученій, не разсуждая ни о томъ, кому онъ служитъ, законному ли царю или самозванному похитителю престола, ни о томъ, какія будутъ послѣдствія его стараній. Съ одинаковымъ усердіемъ онъ служитъ Годунову, Самозванцу, царю Шуйскому; сегодня онъ ѣдетъ въ Выксинскій монастырь за царицею Маѳою для Лжедимитрія, завтра выступаетъ противъ Болотникова, въ интересахъ Василія Ивановича. Именно только замѣчательнымъ усердіемъ, стараніемъ отъ всего сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ пылкостію, не допускающею разбора, критики, и можно объяснить подобныя дѣйствія князя Михайла Васильевича. Пылкостію и молодостію нашего героя объясняется и то обстоятельство, что онъ нигдѣ не является съ отличнымъ отъ другихъ образомъ мыслей, а всегда идетъ за другими. Впрочемъ, причиною этого можетъ быть и особенность смутной эпохи: повсемѣстная неустойчивость, шатаніе, когда люди и болѣе опытные и почтенные по лѣтамъ (Басмановъ, Татищевъ, Василій Шуйскій) не задумывались мѣнять свои убѣжденія. Князь Михайло Васильевичъ, въ данномъ случаѣ, примкнулъ къ сильной партіи своихъ старшихъ сородичей Шуйскихъ. Пока глава этой партіи князь Василій прямилъ Годунову, и Скопинъ служилъ ему же; перешелъ Василій Ивановичъ на сторону Самозванца, и племянникъ его послѣдовалъ за нимъ; составилъ Шуйскій заговоръ противъ самозваннаго царя, и Скопинъ сочувственно отнесся къ нему, спряталъ мечъ Лжедимитрія. Но убіеніи послѣдняго, онъ перешелъ на сторону дяди, и до конца жизни оставался вѣренъ ему. Разумѣется, къ тому времени и характеръ князя Михайла сталъ устойчивѣе. Вспомнимъ, сколько смѣтки и осмотрительности проявилъ онъ въ переговорахъ со Шведами. Не хитрость въ его дѣйствіяхъ должны мы видѣть, какъ то думаетъ Костомаровъ, когда онъ передъ Делагарди скрывалъ важность бѣдствій, постигшихъ Россію, или когда въ грамотахъ, разсылаемыхъ по Россіи, говорилъ преувеличенно о своихъ успѣхахъ, а замѣчательную осторожность и предусмотрительность, достойную зрѣлаго мужа. Въ первомъ случаѣ онъ не хотѣлъ, чтобы Шведы считали исключительно себя спасителями Россіи, или—что еще хуже—обратили на насъ же свое ору-

жіе (по той же причинѣ онъ запретилъ Шведскому войску всему идти въ Новгородъ, и ввелъ только часть его, оставивъ остальную въ Тёсовѣ). Во второмъ—онъ желалъ поддержать бодрость въ согражданахъ, надежду, что еще не все потеряно. Въ нравственномъ отношеніи личность Скопина стоитъ внѣ какихъ-либо упрековъ. То обстоятельство, что онъ на первыхъ порахъ служилъ Лжедимитрію не можетъ быть поставлено ему въ вину. Отношеніе его къ посольству Ляпунова извѣстно. Если онъ не преслѣдовалъ Ляпунова и его пословъ, это не значитъ, что онъ потакалъ имъ. Причину этого надо искать въ характерѣ Скопина. Прощеніе посланцевъ Ляпунова лѣтописецъ объясняетъ такъ: «онъ же, *милостивый бояринъ, не хотя ихъ крови*, повелѣ отпустити ихъ опять на Рязань» [147]). И дѣйствительно, щадить жизнь людей было въ характерѣ Скопина: при заключеніи со Шведами договора, внесена статья щадить Русскихъ плѣнныхъ противнаго лагеря; при осадѣ Твери, въ тѣхъ же видахъ, онъ отговорилъ Делагарди отъ намѣренія подвергнуть городъ взятію «на копье». Къ тому же послы Рязанскіе, по свидѣтельству лѣтописи, разсказали Скопину «Прокофьево житіе и къ себѣ насиліе его» [148]). Слѣдовательно, они были люди подневольные, наказывать которыхъ едва ли было справедливо. Предполагать же, что Скопинъ оставлялъ Ляпунова въ покоѣ, съ намѣреніемъ, до тѣхъ поръ, когда, при содѣйствіи послѣдняго, предложеніе царства послѣдуетъ отъ болѣе широкаго круга, отъ всей земли, мы не имѣемъ основаній, какъ объ этомъ говорили выше. Да, и могъ ли—спрашивается—Скопинъ, въ такое смутное время, когда всякую минуту измѣнялись обстоятельства, взгляды и мысли, ждать общаго предложенія? Вѣрнѣе, что Скопинъ, отвергнувъ предложеніе Ляпунова, не доложилъ о томъ царю, изъ нежеланія подвергать опасности человѣка безспорно даровитаго, который могъ быть полезенъ для отечества въ то время. О событіи съ Татищевымъ, которое, по мнѣнію Костомарова, набрасываетъ какъ бы тѣнь на безупречность поступковъ Скопина, нами было говорено въ своемъ мѣстѣ, и прибавлять что-либо къ сказанному не находимъ нужнымъ, тѣмъ болѣе, что и самъ историкъ спѣшитъ оговориться, что событіе это «по неясности своей и неполнотѣ сообщаемыхъ извѣстій не можетъ повести къ заключеніямъ о личности замѣчательнаго человѣка» [149]).

1888 г. С.-Петербургъ.

Г. Воробьевъ.

---

[147]) *Лът. о мятеж.*, 166; *Ник. лът.*, 123—124.

[148]) *Тамъ же.*

[149]) *Костомаровъ*, Истор. монографіи, XIII, 359. Полное опроверженіе вышеприведенныхъ взглядовъ Костомарова на личность и дѣятельность Скопина читатели найдутъ въ соч. *М. П. Погодина*: „Борьба не на животъ, а на смерть съ историческими ересями". М. 1874, стр. 1—27.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ПѢСНЯ О КНЯЗѢ СКОПИНѢ-ШУЙСКОМЪ *).

Ино что̀ у насъ въ Москвѣ учинилося?
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А расплачутся гости Москвичи:
А тепере наши головы загибли,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.

А съѣзжалися князи, бояре супротиво къ нимъ,
Мьстисловской князь, Воротынской,
И между собою онѣ слово говорили;
А говорили слово, усмѣхнулися:
Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.

А расплачутся Свейскіе Нѣмцы,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.

Побѣжали Нѣмцы въ Новъ городъ,
И въ Новѣ городѣ заперлися,
И многой миръ-народъ погубили,
И въ Латынскую землю превратили.

---

*) Настоящая пѣсня, записанная Оксфордскимъ баккалавромъ Ричардомъ Джемсомъ въ 1619—1620 годахъ, когда онъ жилъ въ Москвѣ, найдена академикомъ *І. Х. Гамелемъ* въ Англіи и напечатана въ „Извѣстіяхъ И. А. Н.“ по отдѣленію Рус. яз. и словес. 1852 г., т. I, тетрадь 1-я, 7—8. Другая пѣсня о Скопинѣ—въ извѣстномъ сборникѣ Кирши Данилова.

ДВА НОВОНАЙДЕННЫЯ ПИСЬМА КНЯЗЯ АНТІОХА КАНТЕМИРА.

Въ Англійскомъ журналѣ «Academy» (13-го Іюля 1889 г.) напечатаны два письма князя Антіоха Кантемира, Русскаго посланника въ Лондонѣ (1732—1738), къ герцогу Ньюкастлю и письмо герцога къ лорду Рпнноулю, Англійскому посланнику въ Константинополѣ. Документы эти извлечены изъ рукописей Публичнаго Архива и Британскаго Музея профессоромъ Александренко.

Князю Кантемпру поручено было пригласить нѣсколько искусныхъ Англійскихъ офицеровъ для Русскаго флота, который, по смерти Петра Великаго, пришелъ въ упадокъ. Войдя въ соглашеніе по этому вопроку съ извѣстнымъ капитапомъ Матьюсомъ, онъ просилъ герцога Ньюкастля ходатайствовать о разрѣшеніи Матьюсу вступить на Русскую службу.

Приводимъ переводы этихъ писемъ съ Французскихъ подлинниковъ.

«Милордъ герцогъ. Ваша свѣтлость, безъ сомнѣнія, будете увѣдомлены, что я получилъ милостивое разрѣшеніе короля пригласить двухъ флотскихъ офицеровъ на службу моей Государыни Императрицы. Вслѣдствіе этого я заручился согласіемъ капитана Матьюса отправиться въ Истербургъ, чтобы тамъ лично опредѣлить свои условія. Но такъ какъ ему сказали, что онъ не можетъ вступить въ иностранную службу безъ письменнаго позволенія короля, то онъ просилъ объ этомъ милорда Гаррингтона, который уѣхалъ *), не добывъ разрѣшенія. Поэтому я прошу вашу свѣтлость попросить отъ меня объ этомъ королеву, и я не сомнѣваюсь, что ея величество не затруднится дать ему позволеніе. Мой посланный будетъ ожидать приказаній вашей свѣтлости. Я со всѣмъ возможнымъ уваженіемъ остаюсь, милордъ герцогъ, вашъ нижайшій и покорнѣйшій слуга, А. князь Кантемиръ».

---

*) Гаррингтонъ вмѣстѣ съ королемъ (Георгомъ II-мъ) тогда уѣхалъ въ Ганноверъ.

Въ тоже время Англійскій посланникъ въ Константинополѣ, лордъ Рипноуль, интриговавшій противъ Русскаго и Голландскаго дворовъ и находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Французскимъ посломъ, получилъ слѣдующее письмо отъ герцога Ньюкастля:

«Къ крайнему моему сожалѣнію, я долженъ сообщить вамъ, что его величество весьма недавно получилъ новыя жалобы отъ Императорскаго, Русскаго и Голландскаго посланниковъ, которые согласно утверждаютъ, что всѣ ваши дѣйствія обнаруживаютъ явное пристрастіе къ Франціи и что послѣдствія этого въ концѣ должны быть весьма вредны для интересовъ Императорскаго и Русскаго дворовъ».

Распоряженія герцога вызвали слѣдующее выраженіе благодарности отъ князя Кантемира.

«Милордъ герцогъ, я не исполнилъ бы своей обязанности, еслибы не поблагодарилъ покорно вашей свѣтлости за честь, которую вы оказали мнѣ своимъ письмомъ и сообщеніемъ королевскаго приказа, посланнаго милорду Рипноулю. Я послалъ его къ своему двору. Послѣдній безъ сомнѣнія увидитъ въ немъ новое доказательство искренней дружбы короля къ Государынѣ моей Императрицѣ. Я даже осмѣливаюсь увѣрить вашу свѣтлость заранѣе, что Ея Императорское Величество *) . . . королю свою признательность и будетъ всегда готова оказать подобныя услуги его величеству Британскому. Остаюсь со всѣмъ возможнымъ уваженіемъ и почтеніемъ, милордъ герцогъ, вашей свѣтлости нижайшій и покорнѣйшій слуга А. князь Кантемиръ».

(Сообщено С. А. Петровскимъ).

*) Въ подлинникѣ оторвано.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ГРОБНИЦЫ.

На самой границѣ Московской губерніи съ Калужскою, въ бывшемъ имѣніи графовъ Шуваловыхъ, близъ рѣки Исьмы, находится село Косицы съ каменною пятиглавою церковію во имя Преображенія Господня. Въ вѣдомости о церкви значится, что построена она въ 1761 г. тщаніемъ графа Александра Ивановича Шувалова. При церкви трехъярусная колокольня, воздвигнутая въ одно время съ церковью. Внѣшнія стѣны того и другаго зданія украшены полуколоннами съ капителями и карнизами, а вокругъ средняго яруса колокольни на пьедесталахъ разставлены восемь колоннъ, поддерживающихъ ярусъ, назначенный для башенныхъ часовъ. По преданію церковь построена вмѣсто деревянной, которая находилась саженяхъ въ 70 ближе къ рѣкѣ Исьмѣ, на мѣстѣ теперешняго кладбища.

Въ церкви покоится прахъ храмоздателя съ слѣдующею надъ гробницею надписью: »1771 года Октября 13 дня преставися рабъ Божій генералъ-фельтмаршалъ, обоихъ Россійскихъ орденовъ, Бѣлаго Орла и Святыя Анны, кавалеръ, графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, родился въ 1711 году Февраля 8 дня, въ службѣ былъ 40 лѣтъ; всего жилъ 60 лѣтъ, 8 мѣс. и пять дней». Рядомъ съ нимъ гробница съ такою надписью: «Графиня Катерина Ивановна Шувалова, урожденная Кастюрина, родилась Октября 18 дня 1718 года, скончалась Августа 11 числа 1790 года».

Въ лѣвомъ придѣлѣ во имя св. великом. Екатерины покоится прахъ шурина храмоздателя съ надписью: «Здѣсь погребено тѣло генералъ-аншефа, Св. Александра Невскаго и Св. Анны кавалера Ивана Ивановича Кастюрина, бывшаго во многихъ и именитыхъ отечеству служеніяхъ, яко то сенаторомъ и въ другихъ званіяхъ, преставившагося въ полночи со 12 на 13 число Сентября 1790 года въ Москвѣ, на 72 году безбрачнаго житія своего, ко многому опечаленію кровныхъ и друзей его, а паче словами и дѣлами отъ него благодѣтельствованныхъ. Рожденіе его было 27, а день ангела 30 Марта. Боже, упокой со святыми душу его, вѣчныя памяти достойнаго».

Есть въ этой церкви въ особомъ вызолоченномъ иконостасѣ небольшая икона, знаменательная своею извѣстностію, какъ явленная. Она изображаетъ Жень Мироносицъ, при гробѣ Господнемъ, но именуется почему-то въ народѣ иконою Божіей Матери. Икона сія вокругъ осыпана алмазами.

Есть еще икона, замѣчательная древностію, надписями и богатствомъ. Это икона Нерукотвореннаго Спаса, въ ризѣ червоннаго золота, съ слѣдующею надписью: «Сей святый образъ Іисуса Сына Божія присланъ къ Москвѣ изъ Рима Царскому Величеству, украшенъ серебромъ съ каменіемъ по Греческому обыкновенію, списанъ съ сущаго образа, который отъ самаго Творца всѣхъ Господа Іисуса Христа въ даръ ко Авгарю посланъ, иже нынѣ въ Римѣ, и былъ нѣсколько лѣтъ въ хоромѣхъ Его Царскаго Величества и въ 7137 году отданъ въ иконохранительницу, идѣже хранятся святыя иконы, которыя изъ хоромъ Царскаго Величества. И въ 7187 году великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, Повелитель Всероссійскій, изволи быти въ этой палатѣ, гдѣ святыя хранимы иконы, которыя отдаются изъ хоромъ Ихъ Царскихъ Величествъ. Сею святою иконою за многую милость пожалова аптекарскія палаты дьяка Андрея Андреевича сына Виніюса 1710 года. Думной дьякъ Андрей Андреевъ сынъ Виніюсъ за премного далъ сію святую икону Іисуса всѣхъ Бога, прислалъ князь Матвѣю Петровичу Гагарину» [1]).

Есть частицы св. мощей, хранящіяся въ крестахъ и иконахъ, числомъ до 112.

Есть драгоцѣнные камни: бриліанты, алмазы, яхонты, рубины и другіе, украшающіе сребропозлащенныя ризы на иконахъ, поступившихъ въ церковь изъ родства храмоздателя, отъ Екатерины Александровны графини Головкиной [2]).

Священникъ Преображенской, села Косицы, церкви Сергій Богословскій.

1889 года, Марта 8 дня.

Означенія годовъ рожденія и кончины тѣже, что въ Россійской Родословной книгѣ князя П. Долгорукаго.—Графъ Шуваловъ, его супруга, братъ ея Кастюринъ принадлежали къ первенствующимъ лицамъ Елисаветина двора. Графъ Шуваловъ занималъ туже должность, въ которой прославился въ наши дни правнукъ роднаго его брата, графъ Петръ Андреевичъ, а Кастюринъ завѣдывалъ снабженіемъ войскъ нашихъ въ Семилѣтнюю войну. Графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ былъ начальникомъ страшной тайной канцеляріи, и его имени трепетали въ Россіи. Екатерина очень неблагосклонно отзывается о немъ въ Запискахъ своихъ и называетъ *моргуномъ* (cignotant). Сыновей онъ не имѣлъ, и отъ его дочери потомства не осталось. Нынѣшніе графы Шуваловы, происходящіе отъ брата его графа Петра Ивановича, не дадутъ обветшать достопамятному храму и оберегутъ родныя гробницы. П. Б.

[1]) Очевидно, что надпись позднѣйшаго времени, и хронологія въ ней спутана. П. Б.

[2]) Единственной дочери графа А. П. Шувалова. П. Б.

ПО ПОВОДУ ИНСТРУКЦІИ ГРАФА БЕНКЕНДОРФА.

Въ 7-й кн. Русскаго Архива настоящаго года помѣщена «Инструкція графа Бенкендорфа чиновнику Третьяго Отдѣленія». Можетъ быть, читателямъ будетъ любопытно познакомиться съ первыми впечатлѣніями тогдашняго служилаго люда при извѣстіи о существованіи этой инструкціи. Свѣдѣнія эти заимствованы изъ архива Пензенскаго Губернскаго Правленія, изъ одного дѣла 1827 года.

Наровчатскій земскій исправникъ Мачинскій, 6 Февраля 1827 года, сдѣлалъ слѣдующее донесеніе Наровчатскому городничему:

«Наровчатскій уѣздный землемѣръ Пекарскій въ городѣ разглашаетъ, что будто жандармскаго полка полковнику Бибикову отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа дана инструкція, якобы о наблюденіи за злоупотребленіями и безпорядками, за спокойствіемъ гражданъ и вообще за всѣми мѣстами и лицами. Разглашеніе сіе подтверждается и копіей съ упомянутой инструкціи, ко мнѣ дошедшей, писанной рукою самаго г. Пекарскаго. Какъ о томъ, чтобы инструкція, о которой г. Пекарскій разглашаетъ, издана была отъ правительства присутственнымъ мѣстамъ знать не дано и, на основаніи 4 параграфа Устава Благочинія, статей 51—53-й, вашимъ высокоблагородіемъ не публиковано, и какъ за силою указа 1773 Октября 19 и 1783 Мая 3 и Устава Благочинія статей 56 и 233 всякое подобное г. Пекарскому разглашеніе допущено быть не можетъ, а на основаніи высочайшаго манифеста 1826 г. Мая 12 дня пункта 5-го съ разглашателями ложныхъ толковъ велѣно поступать по строгости законовъ: и по всему оному я обязанностью поставляю довесть сіе до свѣдѣнія вашего высокоблагородія къ поступленію въ семъ случаѣ по законамъ». При этомъ приложена и копія самой инструкціи.

По сличеніи ея съ напечатанною въ Р. Архивѣ она оказывается, за исключеніемъ нѣкоторыхъ описокъ, во всемъ съ нею тождественною. Прибавленія лишь слѣдующія: въ началѣ значится—«инструкція жандармскаго полка полковнику Бибикову» и въ концѣ—«на подлинной подписано: генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ».

Но еще раньше этого донесенія поступило къ тому же городничему заявленіе землемѣра Пекарскаго, который объявлялъ: «Будучи

на сихъ дняхъ по знакомству у живущаго въ здѣшнемъ городѣ губ. секретаря Михаила Абрамова сына Соколова и въ разговорахъ съ нимъ объ обстоятельствахъ по газетамъ случайно прочиталъ я у него и получилъ копію съ списка, содержащаго въ себѣ инструкцію, данную отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа жандармскаго полка полковнику Бибикову на счетъ преслѣдованія имъ и открытія законопреступныхъ дѣйствій по части гражданскаго правосудія и о прочемъ; который списокъ, какъ я замѣтить могъ, былъ не обнаруженъ законнымъ порядкомъ къ извѣстію. А потому выпросилъ я у него г. Соколова тотъ списокъ съ намѣреніемъ, чтобы справиться удостовѣрительно по присутственнымъ мѣстамъ о подлинности таковой инструкціи. А между тѣмъ, списавъ съ оной копію, желалъ представить оную къ Наровчатскому г. городничему въ томъ уваженіи, что списокъ тотъ заключалъ въ себѣ новизну, хотя и непротивную законамъ, но необходимую мѣстнымъ начальствамъ, для поступленія въ такомъ случаѣ по законамъ. Которую списанную собственной моей рукой копію сего 4-го на пути, идучи отъ дому моего къ квартирѣ г. городничаго для представленія той копіи вмѣстѣ съ спискомъ, полученнымъ мною отъ г. Соколова, нечаяннымъ образомъ обронилъ я противъ дома Наровчатскаго земскаго исправника Мачинскаго; но, не доходя до квартиры г. городничаго, ощутивъ оброненіе мною тѣхъ бумагъ и возвратясь назадъ по той же улицѣ мимо дома земскаго исправника, спрашивалъ стоящихъ во многомъ количествѣ людей около калитки дома исправника, не поднялъ ли кто изъ нихъ тѣхъ оброненныхъ мною бумагъ, но они отозвались незнаніемъ».

Получивъ эти бумаги, городничій счелъ необходимымъ произвести слѣдствіе, а земскій исправникъ о возникшихъ обстоятельствахъ сообщилъ Пензенскому вице-губернатору, исправлявшему въ то время должность губернатора. Вице-губернаторъ съ своей стороны далъ предложеніе городничему о томъ же произвести слѣдствіе «точнѣйшимъ образомъ, безъ всякой однако огласки», и вмѣстѣ сообщилъ объ этомъ распоряженіи Бенкендорфу.

Къ слѣдствію, кромѣ Пекарскаго и Соколова, привлечено было еще нѣсколько лицъ, на которыхъ ссылался земскій исправникъ. Слѣдствіе было направлено къ разрѣшенію двухъ вопросовъ: выдавалъ ли Пекарскій инструкцію за дѣйствительно-правительственный документъ и какія употреблялъ онъ средства къ разглашенію правительственнаго документа, въ установленномъ порядкѣ не обнародованнаго?

Свидѣтели, изъ опасенія быть привлеченными къ отвѣтственности за участіе въ разглашеніи (потому, что въ свое время не донесли начальству) показали, что они, если что и слышали о какой-то инструк-

ціи, то не придавали этому слуху никакого значенія и больше показывали, что ничего не слышали. Главные же виновники Пекарскій и Соколовъ объясняли: первый: «списанная мною со списка, губернскимъ секретаремъ Михаиломъ Соколовымъ даннаго, инструкція не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго не только закону благочинія и нравственности, но и не относится къ нарушенію чьего-либо спокойствія, только обуздываетъ по злоупотребленію власти неблагомыслящихъ людей, и посему нарочито ходилъ я въ Наровчатскій уѣздный судъ для удостовѣрительной выправки, нѣтъ ли таковой инструкціи въ полученіи въ томъ судѣ, для чего и спрашивалъ объ оной уѣзднаго суда секретаря г. Никифорова, который отозвался, что сей инструкціи въ полученіи отъ вышняго начальства не имѣется. Почему и располагался я представить оную къ г. городничему, но... потерялъ дорогою». Соколовъ же показалъ, что инструкцію онъ получилъ отъ отставнаго поручика Ахлебинина чрезъ посланнаго дворовaго его человѣка, имени котораго не знаетъ; а давалъ ее Пекарскому для прочтенія съ цѣлію, чтобы онъ справился въ присутственныхъ мѣстахъ относительно ея подлинности.

Допросы и опросы продолжались слишкомъ полтора мѣсяца и продолжались бы конечно еще долгое время, потому что къ слѣдствію были привлечены лица, находившіяся и въ отдаленныхъ отъ Наровчата мѣстахъ; но отъ губернатора Лубяновскаго получено было въ концѣ Марта предложеніе о представленіи всего дѣла къ нему въ подлинникѣ; а вскорѣ послѣдовало отъ него городничему слѣдующее заключеніе: «Какъ все сіе слѣдствіе по донесенію исправника Мачинскаго ничего не заключаетъ въ себѣ и ничего не доказываетъ, кромѣ личнаго между нимъ и Пекарскимъ неудовольствія, и какъ таковыхъ слѣдствій разборъ можетъ только затруднять присутственныя мѣста, то и оставляется оно потому безъ дальнѣйшаго производства. Если бы между сими двумя чиновниками не было личностей и были бъ они даже въ поведеніи другъ противъ друга болѣе осмотрительны, сверхъ того каждый изъ нихъ занимался бы своимъ дѣломъ съ надлежащею ревностью, то г. Пекарскому не достало бы времени переходить изъ мѣста въ мѣсто и разносить новости,—ремесло для самаго такого разнощика и даже для тѣхъ, кому вѣсти разносятся, часто непріятное; а г. Мачинскій также не имѣлъ бы времени смотрѣть за дѣйствіями другихъ, за кѣмъ наблюдать онъ не имѣетъ обязанности, а не только еще затруднять тѣмъ начальство».

По всей вѣроятности Лубяновскій къ этому времени получилъ уже сообщеніе объ устройствѣ тайнаго надзора за дѣйствіями служащихъ, и потому начатое слѣдствіе замаскировалъ враждою двухъ чиновниковъ.

Н. В.

ДВА ПИСЬМА КНЯЗЯ А. Θ. ОРЛОВА КЪ ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ *)

1.

Strelna, ce 22 juin 1837.

Si je ne vous ai pas répondu tout de suite, cher ami, à votre bonne et aimable lettre, c'est que je voulais être moi-même porteur de la réponse. J'avais déjà obtenu la permission de l'Empereur et même un bâteau à vapeur pour aller à Fall. Kisseleff et moi, nous devions partir Samedi, le 26; mais l'homme propose, et Dieu díspose. Ne voilà-t-il pas que le roi d'Angleterre s'est laissé mourír, et l'Empereur a voulu que ce soit moi qui dois féliciter la nouvelle Reine. Je pars ce même 26 pour Londres. Je ne m'y attendais pas du tout, et cela me dérange assez, d'autant plus que ma femme sera ici pour le 15 juillet. Je dois absolument revenir pour le 1-er août pour notre voyage, et je n'ai pas un instant à perdre, tout au plus si ce sera à temps pour dire bonjour et adieu aux miens. Enfin, c'est une véritable bagarre, dont avec ma paresse je ne sais comment je me tirerai. Je ne suis poussé que par l'attachement que je porte à notre admirable Souverain; car plus on le connaît, plus on l' aime.

Nous avons eu courriers et manoeuvrs à satiété. Notre pauvre garde à cheval a décidement mal exercé, et l'Empereur en a été avec raison très mécontent. De mon côté je ne peux pas vous cacher que j'en suis encore rès affecté. C'est un malheur passager qui se réparera facilement, car le régiment est superbe; mais en attendant c'est très désagréable.

On me dit à ma grande satisfaction que vous avez beaucoup repris; mais avez-vous assez de force d'entreprendre le long voyage? Que votre zêle et votre attachement pour l'Empereur ne vous donnent pas des illusi-

---

*) Съ подлинниковъ, хранящихся въ замкѣ Фаллѣ, близъ Ревеля. За сообщеніе ихъ въ „Русскій Архивъ“ приносимъ благодарность владѣльцу Фалля, свѣтлѣйшему князю П. Г. Волконскому. П. Б.

ons! Certainement vous devez être juge vous-même de vos forces plus que tous les autres; mais, cher ami, au nom de Dieu, n'entreprenez pas la chose légèrement. La question est trop sérieuse pour votre conservation. Je vous le jure la main sur le coeur et comme un véritable ami, que personne au monde, excepté l'Empereur, ne désire plus que vous l'accompagniez; mais si je voyais que vos forces ne le permettent pas, sans aucune considération j'aurais abordé hautement la question contre vous. Malheureusement vous avez pris et vous prendrez votre décision sans moi. Que Dieu donne qu'elle soit d'accord avec votre coeur et surtout avec votre santé! C'est le voeu le plus cher de celui qui se dit pour la vie votre ami c. A. Orloff.

Si quelqu'un, sans connaître la valeur de notre amitié et ne nous jugeant que sur notre situation de cour, lisait cette lettre, il ouvrirait des grands yeux; car, pour écrire comme je le fais, il faut être bien sûr d'avoir mérite l'estime et la confiance de l'ami auquel je m'adresse.

Переводъ. Стрѣльна, 22 Іюня 1837. Я не отвѣчалъ тотчасъ же на ваше доброе и любезное письмо, дорогой другъ, потому что самъ хотѣлъ явиться съ отвѣтомъ. Я уже получилъ отъ Государя дозволеніе и даже пароходъ, чтобы ѣхать въ Фалль, и мы съ Киселевымъ должны были отправиться въ Субботу, 26-го. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Король Англійскій изволилъ умереть, и Государю было угодно, чтобы я поздравилъ новую королеву. Того же 26-го числа я ѣду въ Лондонъ. Для меня это совсѣмъ неожиданно и тѣмъ болѣе не кстати, что жена моя будетъ сюда 15 Іюля. Я долженъ непремѣнно возвратиться къ 1-му Августа для нашего путешествія, слѣд. мнѣ дорога каждая минута, и останется только время поздороваться и попрощаться со своими. Словомъ, сущая суматоха, съ которою, при моей лѣности, не знаю, какъ мнѣ управиться. Побуждаюсь исключительно приверженностью моею къ нашему обожаемому Государю, котораго чѣмъ больше знаешь, тѣмъ больше любишь.—У насъ было вдоволь курьеровъ и маневровъ [1]). Наша бѣдная конная гвардія положительно оплошала, а Государь по справедливости былъ ею очень недоволенъ. Что до меня, не скрою отъ васъ, что я очень этимъ огорченъ. Бѣда преходящая и легко поправимая, потому что полкъ великолѣпный; тѣмъ не менѣе очень непріятно.—Къ большому удовольствію моему мнѣ говорятъ, что вы очень поправляетесь; но достаточно ли у васъ силъ для долгаго путешествія? Не увлекайтесь вашимъ усердіемъ и приверженностью къ Государю. Конечно вамъ самому легче, нежели другимъ, судить о своихъ силахъ: но, дорогой другъ, ради Бога, не относитесь къ этому легко.

[1]) Самъ Государь объ этомъ писалъ въ Фалль (см. его письма къ графу Бенкендорфу въ Р. Архивѣ 1884, I, 181). П. Б.

Дѣло слишкомъ важно для вашего сбереженія. Клянусь вамъ и говорю какъ истинный другъ, что послѣ Государя никто на свѣтѣ такъ не желаетъ, чтобы вы ему сопутствовали, какъ я; но коль скоро вы еще слабы, я открыто сталъ бы противорѣчить. По несчастію вы поступили и поступите не посовѣтовавшись со мною. Дай Богъ, чтобы рѣшеніе ваше было вамъ по душѣ и прежде всего соотвѣтствовало состоянію вашего здоровья. Это самое сильное желаніе вашего на всю жизнь друга графа А. Орлова.— Еслибы кто нибудь, не зная, какъ сильна наша дружба и суди о насъ лишь по придворному нашему положенію, прочелъ это письмо, онъ очень бы удивился: ибо, для того, чтобы писать какъ я, надо имѣть полную увѣренность, что заслужилъ почтеніе и довѣренность друга, къ которому я обращаюсь.

2.

Voznésensk, ce 18 août 1837.

Je vous remercie, cher ami, pour votre bonne et excellente lettre. L'Empereur l'a lu avec tous les sentiments d'un sincère ami. Il regrette tous les jours votre séparation momentanée; mais du moins il se console en pensant qu'il vous retrouvera à Moscou fort et bienportant. Pour moi, je ne me ménage pas. Je cherche à vous remplacer autant que je le peux. L'indulgence de l'Empereur est grande. C'est un compagnon de voyage bien peu exigeant, mais malheureusement je n'ai pas encore l'habitude pour bien des choses, et si ce n'était pas votre bon et excellent Lvoff, j'aurais été souvent en défaut et obligé de recourir à l'indulgence de Sa Majesté.

Je partage entièrement votre opinion sur le pays intéressant que nous allons parcourir. Je vous remercie mille fois de tout ce que vous avez fait pour moi en fesant rejaillir la confiance que vous avez si bien méritée sur ma personne; mais malheureusement je crains qu'en disant toute la vérité à l'Empereur le bien à faire serait au moins difficile, si ce n'est impossible, à cause du peu de temps que nous y resterons. Selon moi, l'Empereur doit baser ses idées et agir ensuite avec précaution pour la stabilité et le bonheur d'un pays si intéressant et depuis si longtems dans une souffrance perpetuelle.

Jusqu' à présent tout ce que l'Empereur a vu l'a comblé de joie. Le premier corps est superbe, à Kieff celui de Ridiger aussi, ainsi qu'une division du second corps. Offenberg s'est véritablement distingué, et l'Empereur en a été éminement content.

Dolgorouky nous a fait à Vilna une réception magnifique, et la conduite noble et généreuse de l'Empereur a fait un grand effet pour notre

gros ami, et c'est toujours dans les mêmes intentions de mariage, et Sa Majesté en lui rendant justice, ne cède pas à sa première résolution.

Gourieff a failli. Il n'a pas été au couvent au moment de notre arrivée. Il a failli par exactitude. Il prétend avoir eu un ordre de vous sur cela l'année passée. L'Empereur lui a fait une très légère observation, qu' à mon avis il a pris trop chaudement. Je crois qu'il veut quitter, et malgré tout ce que je lui ai dit, je n'ai pas pu le vaincre. Il a de bonnes qualités, beaucoup d'ordre, les affaires marchent, l'Empereur l'a remercia, l'a parfaitement traité; mais il est obstiné comme le diable.

Doctoroff de la gendarmerie est un brave homme. L'Empereur m'a ordonné de vous l'envoyer pour que verbalement il vous explique beaucoup de choses qui regardent complêtement votre ministère.

En général je ne peux assez me louer de l'exactitude, de la sagesse et du comme-il-faut de tous vos généraux et officiers. Il est impossible de se mieux conduire, et j'en ai parlé à l'Empereur, qui en est extrêmement content. Pour moi, j'ai fait ce que j'ai pu pour leur prouver ma reconnaissance, en leur rendant des petits services du moment. J'aurais pu peut-être faire plus, mais j'ai remis cela à notre entrevue pour que vous me dirigiez là-dessus.

Adieu, cher ami. Que Dieu vous conserve! Mille choses à la comtesse et à vos charmantes demoiselles.

Votre ami fidèle c. A. Orloff.

Переводъ. Вознесенскъ, 18 Августа 1837. Благодарю васъ, дорогой другъ, за ваше доброе и превосходное письмо. Государь прочиталъ его съ ощущеніями истиннаго друга. Онъ ежедневно сожалѣетъ о временной разлукѣ съ вами, но утѣшенъ по крайней мѣрѣ мыслію о томъ, что встрѣтитъ васъ въ Москвѣ окрѣпшаго и здороваго. Что до меня, то я себя не щажу. Стараюсь замѣнить васъ, сколько могу. Снисходительность Государя велика. Это спутникъ весьма мало требовательный [2]); но по несчастію, я во многихъ случаяхъ неопытенъ и, не будь вашего добраго и превосходнаго Львова [3]), я часто бы дѣйствовалъ невпопадъ и долженъ бы былъ прибѣгать

[2]) Позднѣе неутомимость Государя Николая Павловича, и въ особенности его нетребовательность относительно пищи и удобствъ, тяготила князя Орлова, которому иной разъ некогда бывало поѣсть. Обыкновенно, пока перепрягали лошедей и сопровождавшіе закусывали, Государь пѣшкомъ шелъ далѣе и по нѣскольку верстъ уходилъ впередъ. П. Б.

[3]) Алексѣя Ѳедоровича, который завѣдывалъ царскимъ конвоемъ. (См. его Записки въ Р. Архивѣ 1884.) П. Б.

къ снисходительности Его Величества. Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе о любопытномъ краѣ, куда мы ѣдемъ [4]). Тысячу разъ благодаренъ вамъ за все, что́ вами сдѣлано для перенесенія на меня того довѣрія, которое вами такъ отлично заслужено; но къ несчастію, по кратковременности нашего пребыванія въ краѣ, я боюсь, что, говоря Государю всю правду, сдѣлать добро будетъ трудно, или даже невозможно. По моему мнѣнію Государю слѣдуетъ утвердиться въ мысляхъ и сообразно тому дѣйствовать съ осторожностью, для порядка и счастія страны столь любопытной и такъ долго подвергавшейся постоянному бѣдствію.—До сихъ поръ все что́ Государь видитъ радуетъ его чрезвычайно. Первый корпусъ превосходенъ; корпусъ Ридигера въ Кіевѣ также, равно какъ и дивизія втораго корпуса. Оффенбергъ по истинѣ отличился, и Государь былъ имъ отмѣнно доволенъ. Долгоруковъ въ Вильнѣ сдѣлалъ намъ великолѣпный пріемъ; благородный и великодушный образъ дѣйствій Государя произвелъ сильное впечатлѣніе на толстаго нашего друга. Онъ все помышляетъ о женитьбѣ, и Его Величество, отдавая ему справедливость, остается при первомъ своемъ рѣшеніи [5]).—Гурьеву [6]) не повезло. Его не оказалось въ Лаврѣ, когда мы туда прибыли. Причиною неудачи была его точность. Онъ увѣряетъ, что въ этомъ случаѣ поступилъ согласно приказанію, полученному отъ васъ въ прошломъ году. Государь сдѣлалъ ему весьма легкое замѣчаніе, которое, по моему мнѣнію, принято имъ слишкомъ горячо. Я думаю, что онъ хочетъ въ отставку, и мнѣ не удалось переубѣдить его, какъ я ни старался. У него хорошія качества, много порядку, дѣла въ ходу. Государь благодарилъ его, отлично съ нимъ обращался; но онъ упрямъ, какъ чортъ.—Жандармскій Дохтуровъ славный человѣкъ. Государь приказалъ мнѣ отправить его къ вамъ для словеснаго разъясненія многихъ предметовъ, вполнѣ относящихся къ вашему министерству. Вообще не могу довольно похвалиться точностью, благоразуміемъ и приличіемъ всѣхъ вашихъ генераловъ и офицеровъ. Нельзя лучше держать себя, и я говорилъ о томъ Государю, который ими отмѣнно доволенъ. Я же дѣлалъ, что́ могъ, чтобы выразить имъ мою признательность, оказывая имъ случайныя небольшія услуги. Пожалуй, я могъ бы сдѣлать болѣе, но отложилъ до нашего свиданія, чтобы въ этомъ случаѣ вы меня руководили.—Прощайте, дорогой другъ. Да сохранитъ васъ Господь! Кланяйтесь графинѣ и вашимъ прелестнымъ дѣвицамъ. Вашъ вѣрный другъ графъ А. Орловъ.

*

Для человѣка знакомаго сколько нибудь съ царствованіемъ Николая Павловича вышенапечатанныя письма представляютъ высокую историче-

---

[4]) Т. е. на Кавказъ, гдѣ графъ Бенкендорфъ былъ въ началѣ столѣтія со Спренгпортеномъ (см. Архивъ Князя Воронцова, кн. XXXV). П. Б.

[5]) Князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ. Онъ все таки женился вторымъ бракомъ на вдовѣ Забѣлло, нынѣ здравствующей. П. Б.

[6]) Графъ Александръ Дмитріевичъ Гурьевъ, тогдашній Кіевскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

скую занимательность. И получавшій ихъ, и писавшій оба послѣдовательно-главные дѣятели этого царствованія, и смѣна ихъ (въ 1844 году) одного другимъ была настоящимъ событіемъ во внутреннемъ управленіи Россіею, такъ какъ злосчастной памяти Третье Отдѣленіе, которое они вѣдали, служило настоящимъ правительственнымъ средоточіемъ по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ. Въ послѣсловіи къ „Инструкціи графа Бенкендорфа“ (см. выше, стр. 398) очерчена судьба этого учрежденія и указано, какъ исказились благія начала, положенныя въ его основаніе и какъ вмѣсто того, чтобы слѣдить и карать злоупотребленія чиновничьей власти, оно только распложало смуту въ умахъ, и потому было упразднено. Тѣмъ не менѣе нельзя позабыть, что начальникъ Третьяго Отдѣленія былъ своего рода первымъ министромъ и олицетворялъ собою то единство управленія, о которомъ такъ вздыхали потомъ.

Читатели наши уже довольно знакомы съ графомъ Бенкендорфомъ. Въ особенности обращаемъ ихъ вниманіе на вышедшую недавно XXXV-ю книгу „Архива Князя Воронцова“, гдѣ графъ Бенкендорфъ, послѣдовательнымъ рядомъ дружескихъ повѣреній своихъ фельдмаршалу князю Воронцову, изложилъ, такъ сказать, свою автобіографію. Въ 1837 году, къ которому относятся оба письма князя Орлова, здѣсь теперь напечатанныя, именно вслѣдъ за гибелью Пушкина, графъ Бенкендорфъ тяжко заболѣлъ, такъ что отчаивались въ его жизни. Тогда-то Николай Павловичъ, навѣстивъ его, сказалъ: „Вотъ человѣкъ, помирившій меня со многими и ни съ кѣмъ не поссорившій“. Выздоровленіе его шло очень медленно, и онъ долженъ былъ отправиться на приморскую дачу свою подъ Ревелемъ, въ тотъ Фалль, куда ѣздили на поклонъ не только искатели благъ земныхъ, но и главнѣйшія должностныя лица. Л. В. Дубельтъ подъ однимъ изъ писемъ своихъ туда подписался однажды: *вашъ крѣпостной рабъ*. Между тѣмъ Государь Николай Павловичъ долженъ былъ отправиться въ большое путешествіе свое на Югъ Россіи, на маневры въ Вознесенскъ, на Кавказъ и въ Крымъ. Вопросъ о томъ, кто будетъ провожать Государя и займетъ должность больнаго графа Бенкендорфа, сдѣлался важнѣйшимъ вопросомъ минуты. Путешествіе всегда болѣе или менѣе сближаетъ людей. Князю Орлову пришлось изучить всѣ „свычаи и обычаи“ Государя, ѣдучи съ нимъ въ колискѣ по необозримымъ пространствамъ Россіи. Это была первая ихъ совмѣстная поѣздка, многократно потомъ повторявшаяся, и преемникъ графу Бенкендорфу приготовился въ мысляхъ Государя. П. Б.

КЪ ИСТОРІИ ПОКОРЕНІЯ ВОСТОЧНАГО КАВКАЗА.

Съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ прочитывалъ я въ «Русскомъ Архивѣ» статьи, посвященныя біографіи покойнаго фельдмаршала князя Барятинскаго, составленной г. Зиссерманомъ. Отличаясь, вообще, фактическою вѣрностью, жизнеописаніе это воскресило въ памяти моей событія, которымъ былъ я свидѣтелемъ и отчасти участникомъ, и дѣянія лицъ, съ которымъ, въ продолженіе болѣе нежели двадцати лѣтъ, меня связывали узы дружбы и уваженія. Имѣлъ я честь, съ 1856 по 1860 годъ, служить подъ начальствомъ бывшаго намѣстника Кавказскаго; но служебная эта подчиненность ни въ чемъ не нарушила тѣхъ частныхъ дружественныхъ отношеній, которыя установились съ первой нашей встрѣчи въ 1845 году, во время Даргинской экспедиціи. Упоминаю объ этихъ личныхъ отношеніяхъ лишь для того, чтобы показать, что къ дѣятельности и къ подвигамъ князя Барятинскаго я могу относиться съ сочувственнымъ безпристрастіемъ и что меня нельзя поэтому заподозрить въ какомъ-либо желаніи умалить тѣ безспорныя заслуги, которыя оказаны имъ, какъ военачальникомъ. Слава блестящаго *окончанія* войны на Восточномъ Кавказѣ принадлежитъ князю Барятинскому; военныя дѣйствія, происходившія подъ его главнымъ руководствомъ, въ званіи главнокомандующаго Кавказскою арміею, съ 1856 по 1859 г., навсегда заняли почетное мѣсто въ богатой безсмертными подвигами лѣтописи Русской арміи; они доказали, что покойный фельдмаршалъ былъ одаренъ замѣчательными боевыми способностями, хотя многіе упорно ему въ томъ отказывали, не смотря на то, что уже прежняя его служба, въ званіи начальника Лѣваго фланга Кавказской линіи, на нихъ указывала.

Но дань справедливости къ безспорнымъ заслугамъ и способностямъ не требуетъ умаленія заслугъ предшественниковъ и нарушенія исторической правды для возвеличенія памяти своего героя. Такой однако упрекъ позволяю я себѣ сдѣлать автору біографіи князя Барятинскаго.

Описавъ окончаніе войны на Восточномъ Кавказѣ и плѣненіе Шамиля, г. Зиссерманъ начинаетъ главу VIII-ю своего труда (Русскій Архивъ, Май 1889 г.) словами: «Итакъ въ теченіе трехъ лѣтъ съ Восточнымъ Кавказомъ было покончено. Князь Барятинскій, безъ сомнѣнія, главный виновникъ этого изумительнаго успѣха». Далѣе говорится: «По военному плану, принятому въ 1856 году, походы въ горы предпринимались не иначе, какъ для выполненія точно-опредѣленной матеріальной цѣли, съ обширностью которой заранѣе были соображаемы средства экспедиціи».

Не оспариваю я правильности этихъ выраженій, насколько они касаются періода 1856 — 1859 годовъ; но изъ точнаго смысла ихъ должно вывести заключеніе, что до 1856 года такого плана военнаго не существовало, и походы предпринимались безъ опредѣленной матеріальной цѣли. Мысль эта дѣйствительно проведена черезъ все описаніе военныхъ дѣйствій, завершившихъ покореніе Восточнаго Кавказа, установляя у читателя, незнакомаго съ предшествующею исторіею Кавказской войны, ложное понятіе, будто систематическій планъ военныхъ дѣйствій возникъ только въ 1856 году. Трудно, конечно, съ такимъ взглядомъ согласовать описанную съ такою подробностью и съ такою похвалою дѣятельность кн. Барятинскаго въ званіи начальника Лѣваго фланга Кавказской линіи; ибо она была ничто иное какъ выполненіе части того общаго плана, который завершился и сдѣлалъ возможными успѣхи 1856 — 1859 годовъ. Увѣренъ я, что никогда покойный фельдмаршалъ не судилъ иначе о подвигахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ войны на Восточномъ Кавказѣ. Относился онъ всегда съ глубокимъ уваженіемъ къ памяти бывшаго своего начальника и руководителя, князя Михаила Семеновича Воронцова, и лучше всякаго другаго долженъ былъ знать, что систематическое покореніе Восточнаго Кавказа было начато не въ 1856-мъ, а въ 1846 году, и временно замедленное Крымскою войной (когда большая часть войска Кавказскаго корпуса отвлекалась военными дѣйствіями на Турецкой границѣ) было, съ усиленною энергіей и при значительномъ увеличеніи численности войскъ, возобновлено и довершено съ 1856 по 1859 годъ. Правильно понявъ, что къ вопросу объ окончаніи Кавказской войны безусловно примѣнялась поговорка «time is money» *), что для Россіи важно было, хотя бы и при усиленныхъ временно матеріальныхъ пожертвованіяхъ, ускорить покореніе Кавказа, князь Барятинскій настойчиво исходатайствовалъ оставленіе въ его распоряженіи двухъ дивизій, пришедшихъ

*) Время—деньги.

изъ внутреннихъ губерній для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ, и за симъ, начертавъ со знаніемъ дѣла, пріобрѣтеннымъ прежнею службою, и выполнивъ съ твердою послѣдовательностью планъ окончательнаго покоренія Дагестанской твердыни, онъ успѣлъ въ короткій трехъ-лѣтній срокъ совершить то, на что менѣе способный, менѣе предпріимчивый и менѣе знакомый съ мѣстностью военачальникъ употребилъ бы вдвое или втрое болѣе времени. Въ этомъ заключается его заслуга; она достаточна для того, чтобы оправдать пріобрѣтенную имъ славу и щедрые знаки Монаршей признательности, которыхъ онъ удостоился.

Въ подтвержденіе такого взгляда обращаюсь къ свидѣтельству исторіи. Даргинскій походъ 1845 г. былъ послѣдній изъ ряда экспедицій, предпринимавшихся въ надеждѣ однимъ ударомъ потрясти власть и значеніе Шамиля; онъ окончательно убѣдилъ и высшія правительственныя сферы въ невозможности такимъ путемъ достигнуть цѣли: было признано, что Дагестанъ нельзя завоевать, какъ Суворовъ бралъ Измаилъ, но что его нужно осаждать, какъ позднѣе осаждался Севастополь; что необходимо было сперва очистить къ нему доступъ покореніемъ Чечни, которая служила ему какъ бы передовымъ укрѣпленіемъ и снабжала Имама лучшими военными силами. На этомъ основаніи въ концѣ 1845 года начинается періодъ выполненія систематическаго плана, который вѣнчался на Гунибѣ 25 Августа 1859 года. Всякому бывшему свидѣтелемъ и очевидцемъ совершившихся, въ означенный періодъ, событій эта неразрывная ихъ связь ясна; достаточно для этого было бы сравнить положеніе самаго театра войны, какимъ онъ представлялся въ началѣ 1846 и въ Августѣ 1856 года.

Когда князь Воронцовъ выступалъ изъ Владикавказа въ Даргинскій походъ, крѣпость эта, а также Грозная, были, можно сказать, нашими пограничными укрѣпленными пунктами; существовавшія на пути между ними отдѣльныя укрѣпленія, Карату, Закатъ-Юртъ и др. не измѣняли этого характера, ибо обезпечивали отъ непріятельскихъ нападеній только непосредственное свое сосѣдство; по пустынному лѣвому берегу Сунжи отрядъ двигался въ боевомъ порядкѣ, какъ въ землѣ враждебной; вплоть до праваго берега доходили лѣса, въ которыхъ непріятель могъ незамѣченно собираться для набѣговъ и скрываться отъ всякаго преслѣдованія. Перерѣзались эти лѣса притоками Сунжи: рѣчками Лесою, Валерикомъ, Фортангою, памятными Кавказскимъ войскамъ кровавыми на берегахъ ихъ стычками; вся Малая Чечня издали представлялась почти сплошнымъ лѣсомъ. Единственный передовой нашъ пунктъ за Сунжею была крѣ-

пость Воздвиженская, заложенная въ 1844 г. Еще менѣе доступна и даже извѣстна была въ то время Большая Чечня; до самыхъ воротъ крѣпости Грозной непріятельскія шайки смѣло выходили на скотокрадство или на хищническія нападенія.

Какую же картину представляла та самая Чечня въ 1856 году? По Сунжѣ были поселены два Сунженскіе казачьи полка; они составили какъ бы первую паралель въ систематическихъ осадныхъ работахъ; второю можно было признать линію укрѣпленныхъ постовъ перерѣзывавшихъ Малую Чечню: Ассинскую станицу, форты Ачкаевскій, Урусъ-Мартанскій; по разнымъ направленіямъ, вдоль и поперекъ, широкія просѣки открывали свободный проходъ даже незначительнымъ колоннамъ; ущелья Черныхъ горъ уже видѣли наши отряды, и бывшіе въ нихъ непріятельскіе аулы неоднократно раззорялись, чѣмъ самымъ населеніе ихъ вынуждалось къ выселенію. Большая Чечня въ той же систематической послѣдовательности была также по разнымъ направленіямъ прорѣзана просѣками, открывая въ нее доступъ какъ отъ Аргуна и Сунжи, такъ и отъ Мичика. Самъ князь Барятинскій, начальствуя на Лѣвомъ флангѣ, энергически и успѣшно выполнялъ эту задачу; недосягаемые до того и защищаемые какою-то легендарною недоступностью, Шалинская поляна, аулы Шали, Маюртупъ, Гельдигенъ были занимаемы нашими отрядами; и еще въ 1852 году тотъ же князь Барятинскій, во главѣ Чеченскаго отряда, съ сравнительно-незначительною потерею, прошелъ всю Большую Чечню, которая считалась главнымъ оплотомъ власти Имама. Жители Чечни вынуждались оставлять свои жилища и поля, открытыя доступу нашихъ войскъ, и либо покориться, либо бѣжать въ горы. Можно безошибочно сказать, что въ 1856 году Большая и Малая Чечня были покорены, и нашъ операціонный базисъ отъ Терека и Сунжи перенесенъ къ подошвѣ Черныхъ горъ и ко входу въ Аргунское ущелье. Власть и значеніе Шамиля были сильно потрясены; лучшимъ тому доказательствомъ служитъ его сравнительная бездѣятельность во все время Крымской войны, когда мы, по необходимости, были присуждены къ однимъ почти оборонительнымъ дѣйствіямъ.

Такіе существенные результаты были достигнуты благодаря тому строго-обдуманному, систематическому плану, выполненію котораго подчинялись всѣ военныя дѣйствія. Они подготовляли окончательное покореніе Восточнаго Кавказа; уподобляются они осаднымъ работамъ, часто кропотливымъ и мало громкимъ, но безъ которыхъ окончательный успѣхъ невозможенъ. Исполнителями этого плана были такіе генералы какъ Фрейтагъ, князь Барятинскій, бароны Вревскій и Вран-

гель; руководителемъ былъ князь Воронцовъ. Спрашиваю каждаго знакомаго съ Кавказскою войною: могъ ли бы главнокомандующій князь Барятинскій въ три года покорить Восточный Кавказъ, еслибы все здѣсь указанное не было предварительно выполнено, и еслибы, какъ неоднократно намекается въ его біографіи, до его назначенія война велась безъ опредѣленнаго плана, и походы предпринимались безъ точно-опредѣленной матеріальной цѣли?

Напрасно также, смѣю думать, г. Зиссерманъ приписываетъ взятіе Гергебиля и Салты къ числу безцѣльныхъ экспедицій. Занятіе этихъ пунктовъ и уничтоженіе этихъ непріятельскихъ укрѣпленій входили въ тотъ же систематическій планъ правильной осады Дагестанской твердыни. Гергебиль командовалъ теченіемъ одного изъ Койсу и постоянно угрожалъ, черезъ Аймакинское ущелье, покорному намъ населенію; Салты заграждали доступъ къ другому Койсу и къ Салтинскому мосту, въ свою очередь угрожая Цудахару и сосѣднимъ съ нимъ поселеніямъ. Оба эти укрѣпленные аулы служили непріятелю передовыми фортами; взятіе ихъ было столько же необходимо для покоренія Дагестана, какъ бываетъ взятіе отдѣльныхъ фортовъ, прикрывающихъ осаждаемую крѣпость: оно часто стоитъ немало жертвъ, но, неизбѣжное для окончательнаго успѣха, оно не причисляется къ разряду безцѣльныхъ экспедицій. И тутъ рѣшаюсь высказать убѣжденіе, что никогда князь Барятинскій въ три года не покорилъ бы Восточнаго Кавказа, еслибы въ 1856 г. Гергебиль и Салты были еще укрѣпленными непріятельскими аванпостами. Въ первый періодъ исполненія систематическаго плана уничтоженіе этихъ ауловъ было столько же необходимо, сколько, въ послѣдній періодъ, было взятіе Ведена.

На князя Барятинскаго выпала счастливая доля завершить то, что̀ началъ и подготовлялъ его предмѣстникъ и руководитель его первыхъ шаговъ на поприщѣ военачальника; онъ блистательно эту задачу выполнилъ и этимъ пріобрѣлъ безспорную славу; но слава эта не нуждается въ томъ, чтобы исторія была обращаема въ панегирикъ и чтобы для возвеличенія одного дѣятеля умалялись заслуги его предшественниковъ.

Баронъ Николаи.

Монрепо, близъ Выборга.
Іюль 1889.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

Осень 1826-го года

Персидская война [1]).

Послѣ Шамхорской побѣды [2]), Паскевичъ подвигался съ войсками на Елисаветполь форсированными маршами, для встрѣчи Аббасъ-Мирзы, о приближеніи коего Мадатовъ доносилъ изъ Елисаветполя. Оба наши отряда вскорѣ соединились, и 13-го Сентября, верстахъ въ семи впереди Елисаветполя, произошла эта главная битва, которая рѣшила всю войну и на долгое время участь Персидскаго государства.

Такъ какъ въ запискахъ сихъ предполагалъ я только описывать происшествія собственно до меня касающіяся или вблизи меня случившіяся, притомъ, не имѣя и подробныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ Лѣваго фланга, я не могу изложить оныя со всею точностію: то упомяну объ оныхъ то что̀ знаю [3]).

Вотъ реляція о Елисаветпольскомъ сраженіи.

«Извѣстіе о дѣйствіи войскъ нашихъ противъ Персіянъ».

13-го числа сего мѣсяца войска наши, подъ командою генералъ-адъютанта Паскевича, одержали совершенную побѣду надъ непріятельскими войсками, состоящими изъ 15 тысячъ регулярной пѣхоты и около 20 тысячъ конницы и иррегулярной пѣхоты подъ командою Аббасъ-Мирзы и Аллаяръ-Хана. Его превосходительство, узнавъ, что Аббасъ-Мирза, оставя тягости за Тертеромъ, перешелъ со всѣми силами Куракчай для того, чтобъ остановить наши войска въ Елисаветполѣ, вышелъ къ нему на встрѣчу. Они сошлись въ 7-ми верстахъ отъ Елисаветполя; непріятель, подвинувшись впередъ, началъ дѣлать атаки на нашъ Центръ, Правый и Лѣвый фланги.

Пѣхота его въ числѣ 18 баталіоновъ, подошедъ съ Праваго фланга и фронта въ линіяхъ, открыла батальный огонь; но храбростью баталіоновъ Ширванскаго, Грузинскаго и 41-го егерскаго полковъ и дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка, кои ударили въ штыки, оная пѣхота была разбита и преслѣдуема. Непріятель покушался обойти нашъ Правый флангъ, но былъ опрокинутъ и бѣжалъ въ горы, находившіяся у насъ на Правомъ крылѣ. Ген.-маіоръ князь Мадатовъ, посланный съ частью войскъ для преслѣдованія онаго, догналъ и принудилъ сдаться. Непріятель совершенно разбитый бѣжитъ, разсѣявшись направо и налѣво въ горы, откуда приводятъ ежедневно плѣнныхъ. Потеря его состоитъ въ 1-мъ орудіи, 3-хъ знаменахъ, 2-хъ лагеряхъ и 80 зарядныхъ ящикахъ; въ плѣнъ взято 2 баталіонныхъ командира, 7 офицеровъ и до 1100 солдатъ. Съ нашей стороны убиты: Ширванскаго пѣхотнаго полка храбрый подполковникъ Гре-

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ сего года, кн. 4-я (I, 571).

[2]) Первая побѣда надъ Персіянами; она одержана княземъ Мадатовымъ. П. Б.

[3]) Писано осенью 1828 года. П. Б.

ковъ, въ то время когда велъ на штыки свой баталіонъ, и два оберъ-офицера тогожъ полка; раненыхъ: подполковникъ графъ Симоничъ, 9 офицеровъ; рядовыхъ убито 43, ранено 240.

Побѣда была блистательная. Участвовавшіе въ оной говорили мнѣ, что пораженіе было совершенное; послѣдствія же были самыя выгодныя, ибо симъ сразили духъ бодрости, возникшій въ Персіянахъ при первыхъ успѣхахъ войскъ ихъ.

Вотъ что разсказываютъ о Елисаветпольскомъ сраженіи *).

Паскевичъ, едва пришедшій въ Елисаветполь, получилъ извѣстіе о приближеніи Аббасъ-Мирзы, оставившаго осаду Шуши, чрезъ перебѣжавшаго отъ него сарбазскаго капитана Александрова (родомъ Астраханскаго Армянина), бѣжавшаго къ нему допредъ сего извѣстія съ ватагъ Сальянскихъ. Сей Александровъ, естественный плутъ, былъ уже во многихъ бѣгахъ, оставлялъ и Аббасъ-Мирзу, уходя и отъ него въ Турцію, былъ въ Багдадѣ и опять возвратился къ Персидскому двору, гдѣ и получилъ чинъ пѣхотнаго капитана. Онъ желалъ возвратиться на родину, но не смѣлъ приступить къ сему, не оказавъ сперва услугъ, кои могли бы ему доставить прощеніе. Когда Аббасъ-Мирза предлагалъ Реуту сдачу Шуши, то онъ посылалъ для сего Александрова, который, служа обѣимъ сторонамъ, отсовѣтовалъ сіе Реуту и давалъ ему всѣ свѣдѣнія о Персидскомъ войскѣ. Оставивъ Аббасъ-Мирзу наканунѣ Елисаветпольскаго сраженія, онъ явился къ Паскевичу и донесъ ему о приближеніи Персіянъ. Сіи заслуги были причиною, что его наградили офицерскимъ чиномъ и пенсіею. Онъ числится переводчикомъ при главнокомандующемъ и преисправный шутъ, не имѣющій особенныхъ дарованій. Его держатъ въ воспоминаніе оказанныхъ имъ заслугъ, но онъ не несетъ никакой должности и занимается только пьянствомъ. По полученіи извѣстій, Паскевичъ двинулся со своимъ корпусомъ, въ коемъ было не болѣе 7000 пѣхоты, и въ стройномъ боевомъ порядкѣ, въ нѣсколько линій, построилъ свои баталіоны въ колоннахъ. Кавалерія его состояла изъ Нижегородскаго драгунскаго полка и небольшаго числа козаковъ.

Персіяне, выстроивши пѣхоту свою во фронтъ въ одну линію, приближались къ намъ смѣло и, подойдя къ намъ на близкій ружейный выстрѣлъ, не взирая на огонь батарейныхъ нашихъ орудій, открыли изъ ружей жестокій батальный огонь. Наши недолго выдержали оный; войска передней линіи бросились съ крикомъ въ безпорядкѣ въ штыки и опрокинули передъ ними стоявшихъ; но линія Персидская была обширная и обнимала наши оба фланга, а кавалерія ихъ, находясь на

*) Оно превосходно описано Н. Ѳ. Дубровинымъ въ VI-мъ томѣ его сочиненія: „Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ“, стр. 671 и слѣд. П. Б.

оконечностяхъ пѣхоты, была у насъ почти въ тылу. Боевой порядокъ ихъ былъ самый безразсудный, растянутый и, хотя у нихъ въ центрѣ и была сильная артилерія, но она не могла воспрепятсвовать разрыву линіи что́ и случилось. Не менѣе того, еслибы въ войскѣ семъ начальники имѣли бы болѣе воинственнаго духа, то и при всемъ неумѣніи ихъ могли бы они нанести большой уронъ намъ и отнять у насъ всѣ обозы наши, занять въ тылу Елисаветполь и понудить остатки разбитаго войска, если не совершенно истребленнаго, къ отступленію самому бѣдственному. Но случилось иначе. Слабыя атаки, веденныя Персіянами почти въ тылъ нашъ, были легко отражены, и натискъ на центръ ихъ такъ изумилъ ихъ, что всѣ войска непріятельскія, не бывшія даже въ дѣлѣ, пустились бѣжать безъ всякой причины въ самомъ большомъ безпорядкѣ.

Первый примѣръ къ побѣгу подалъ, говорятъ, самъ Аббасъ-Мирза послѣ нѣсколькихъ ядеръ нашихъ, перелетѣвшихъ черезъ Персидскую пѣхоту и удачно попавшихъ въ толпы конницы и прислужниковъ, находившихся за оными; они обратились назадъ, за ними самъ Аббасъ-Мирза, а тамъ и все войско. Наши стали преслѣдовать Персіянъ; но, какъ я слышалъ, не могли сего сдѣлать съ успѣхомъ, потому что ранцы были оставлены на позиціи, и войска потому были безъ провіанта. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы удержать ранцы въ сей день, въ который жара была чрезвычайно сильная; не менѣе того 6 ротъ моего полка, бывшія въ отрядѣ у Паскевича, ранцевъ не бросили и, преслѣдуя непріятеля, настигли болѣе 1000 человѣкъ пѣхоты, укрывшихся на одной горѣ. Они ихъ атаковали съ быстротою и послѣ значительнаго съ обѣихъ сторонъ урона взяли въ плѣнъ, причемъ отличился въ особенности маіоръ Клюке 42-го егерскаго полка, командовавшій сими 6 ротами по недостатку въ полку моемъ штабъ-офицеровъ. Другихъ полковъ баталіоны, преслѣдуя въ началѣ пораженія непріятеля, настигли лагерь Персидскій, который и истребили; но ранцы ихъ, оставшіеся на позиціи, были ограблены Грузинскою конницею, съ алчностію на сію добычу бросившеюся; у многихъ даже отрѣзали ремни плечевые.

Преслѣдованіе продолжалось и на другой день, и въ послѣдствіи времени до Аракса, но довольно медленно, такъ что непріятель успѣлъ уйти, побросавъ однако по дорогѣ довольно вьюковъ, зарядныхъ ящиковъ и снарядовъ.

Шуша была освобождена послѣ продолжительной осады, при которой Персіяне показали все свое невѣжество въ военномъ дѣлѣ; ибо ничего не было легче какъ овладѣть съ такимъ многочисленнымъ войскомъ крѣпостью, находившеюся въ такомъ разрушенномъ состояніи какъ была Шуша. Защита оной приноситъ честь храбрымъ егерямъ

42-го полка и полковнику Реуту. Онъ долго велъ переговоры съ Аббасъ-Мирзою, или, лучше сказать, водилъ его переговорами, въ надеждѣ видѣть себя наконецъ освобожденнымъ, посылалъ тайно людей въ Тифлисъ съ письмами къ Алексѣю Петровичу и получилъ приказаніе сдать крѣпость. Аббасъ-Мирза, перехвативъ однажды такое предписаніе, настаивалъ на исполненіе онаго, но получилъ отказъ отъ Реута, который просилъ позволенія послать въ Тифлисъ маіора Клюке (находившагося тогда въ Шушѣ) для полученія изустныхъ приказаній отъ главнокомандующаго. Съ позволенія Аббасъ-Мирзы, Клюке пустился въ отважный путь сей и совершилъ оный благополучно (его болѣе склоняло къ сему желаніе увидѣться съ невѣстою своею, находившеюся въ Тифлисѣ). Послѣ сего онъ уже не возвращался въ Шушѣ и попалъ въ отрядъ Паскевича, гдѣ и командовалъ 6 ротами моего полка.

Клюке былъ довольно дурно принятъ, какъ я слышалъ, Алексѣемъ Петровичемъ, который казался весьма недоволенъ Реутомъ и требовалъ, чтобы онъ сдалъ крѣпость Персіянамъ. (Главная причина сего неудовольствія была по мнѣнію нѣкоторыхъ несчастная мысль терзавшая его, когда онъ видѣлъ человѣка дѣйствовавшаго въ сихъ обстоятельствахъ съ бо́льшимъ духомъ чѣмъ онъ). И въ самомъ дѣлѣ, столь упорная защита Шуши совершенно опровергала мнѣніе его или намѣреніе отвести всѣ войска внутрь Грузіи, въ томъ предположеніи, что невозможно было удержаться на границахъ.

Несправедливое расположеніе Алексѣя Петровича къ Реуту было столь сильно, что при одномъ изъ тѣхъ занимательныхъ и пристрастныхъ разговоровъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ дни, предшествовавшіе его смѣнѣ, онъ, въ знакъ довѣренности своей, отдалъ мнѣ письмо и записку, писанныя къ нему по-польски Реутомъ во время пребыванія его въ Шушѣ. Я, переведя ихъ по-русски, не нашелъ въ нихъ ничего къ обвиненію Реута. Прилагаю у сего съ оныхъ списки.

„Ваше высокопревосходительство. Сегодня уже двѣнадцатый день, какъ я атакованъ, отъ васъ не имѣю никакого свѣдѣнія, и мои бумаги также вѣроятно не доходятъ. Шахъ-Зада настоятельно требуетъ сдачи крѣпости, ссылаясь на вашъ дупликатъ ко мнѣ о выступленіи изъ Карабага, предлагалъ мнѣ идти съ полкомъ и тяжестями куда я хочу, только безъ пушекъ. Я дѣлаю проволочку въ надеждѣ получить отъ вашего высокопревосходительства какое нибудь увѣдомленіе, какъ мнѣ поступить, и прошу о семъ какъ наиспѣшнѣйше. Провіанту у меня не такъ-то много; какъ нибудь можно продовольствоваться дней двадцать съ небольшимъ. Ежели буду знать, что до того времени получу какую нибудь помощь, то одна надежда уже можетъ насъ одушевлять; но вотъ бѣда, что мы совершенно не знаемъ ни о чемъ, кромѣ того, что Шахъ-Зада извѣщаетъ, что кромѣ насъ до Тифлиса нигдѣ нѣтъ Русскихъ ни души, и что въ Тифлисѣ

также скоро не будетъ. Вчера отправилъ я къ в. в. письмо, коимъ увѣдомлялъ, что Сурхай-Ханъ послалъ съ 50 т. червонцевъ въ Дагестанъ возмутить горцевъ; Мустафа-Ханъ пошелъ въ Ширвань съ 5 т. конницы, занялъ уже Сальяны, гдѣ имѣлось 10 т. четвертей хлѣба; Селимъ-Ханъ пошелъ въ Нуху съ 3 т., Окури-Ханъ въ Елисаветполь съ 6 т., Эриванскій сердарь и Грузинскій царевичъ съ 15 т. идутъ въ Тифлисъ. Въ Кубу посланъ султанъ Ахмстъ-Ханъ, а въ Баку Гуссейнъ-Ханъ для возмущенія жителей сего города. Самъ шахъ съ 40 т. стоитъ около Ардебиля, а здѣсь съ Шахъ-Задою около Шуши регулярнаго и иррегулярнаго войска 15 т. и 14 пушекъ, а около Аскерана съ братомъ его Али-Наги-Мирзою 5 тыс. конницы. Въ ихъ войскѣ сильныя болѣзни. Народъ противъ насъ весьма ожесточенъ своими муллами; домогаются, требуютъ штурма. Все готово, и лѣстницы подѣланы; стѣны моей крѣпости весьма меня въ семъ случаѣ безпокоятъ. Впрочемъ на сіе есть воля Божія. Умилостивитесь, в. в. надъ нами, и ежели есть возможность, то помогите намъ, избавьте насъ своею помощью и будьте нашимъ избавителемъ; а ежели сего не возможно, то пришлите намъ наиспоспѣшнѣйше разрѣшеніе и совѣтъ свой, что̀ намъ дѣлать. Пока можно, я буду держаться въ надеждѣ на вашу помощь; но если не достанетъ хлѣба, или Армяне измѣнятъ, то тогда бѣда будетъ, и я невольно принужденъ буду рѣшиться на все. Я ожидаю отъ в. в. скораго и рѣшительнаго увѣдомленія, когда я могу надѣяться получить помощь, или что̀ мнѣ дѣлать. Ежели в. в. поспѣшите, то отдохнутъ сердца наши, ибо теперь одно незнаніе и неизвѣстность ни о чемъ весьма насъ убиваютъ. Я полагаю, что если только покажется войско наше около Елисаветполя, то уже здѣсь наша участь будетъ облегчена; бѣдные Армяне также оживутъ, теперь они по неволѣ съ Татарами заодно. Еще боюсь того, чтобы на случай чего либо и шахъ не согласился бы на ту капитуляцію, которая теперь предложена. Не предпримите ли в. в. особливыхъ мѣръ съ вашей стороны, чтобъ не погибли здѣсь добрые люди и многіе невинные молящіеся о здоровьи вашемъ; ибо послѣ могутъ потребовать отъ меня непріятели чего захотятъ, если обстоятельства мои будутъ хуже теперешнихъ. Я при теперешнемъ числѣ войскъ утѣшаю себя тѣмъ, что удерживаю непріятеля уже такъ долго; иначе же могъ бы онъ пойти впередъ и вредить намъ болѣе“.

„Предписаніе ваше о выступленіи изъ Карабага слишкомъ поздно до меня дошло: я его получилъ, будучи уже атакованъ и потерявши три роты, Еслибы не боялся я провинціи Карабагцевъ, то Шахъ-Зада вовсе для меня не былъ бы страшенъ; а теперь защитите насъ, в. в., и будьте нашимъ избавителемъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отвѣта. В. в. покорный слуга Реутъ.“

„5-го Августа 1826 г. Шуша“.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

1) „Карабагъ есть ключъ всѣхъ провинцій; я полагаю, что его надобно удержать: тогда никто не посмѣетъ ничего сдѣлать, и теперь я вижу что дѣлаю Персіянамъ препятствіе, буду держаться пока могу“.

2) „Еслибъ у меня былъ еще хоть одинъ баталіонъ, то Шахъ-Зада скоро бы отсюда убрался; если войско наше сюда придетъ, то хлѣба будетъ имѣть много, и весь народъ къ намъ обратится; ибо теперь передъ нами не весьма довольны, и многіе молятъ Бога о скоромъ прибытіи войскъ нашихъ".

3) „Лошади и скотъ у меня подохли, и теперь мало остается; казаки будутъ пѣшіе".

Письмо сіе заключаетъ выраженіе человѣка просящаго усердно помощи и для себя лично, и ожидающаго погибели, но нисколько не показываетъ робости. При томъ это письмо, а не рапортъ, и по польски писанное. Выраженія языка сего, точно, кажутся странными на Русскомъ языкѣ, и потому надобно ихъ читать и разумѣть на Польскомъ языкѣ, а не въ переводѣ, дабы дать имъ настоящій смыслъ, ибо онѣ свойственны Польскому языку, какъ напримѣръ слово смилуйся, которое у Поляковъ весьма употребительно; и я не оправдываю дурнаго мнѣнія Алексѣя Петровича о Реутѣ, которое основывалъ оное на семъ письмѣ.

Прибавленіе не показываетъ великихъ соображеній; да и не для чего было ихъ ожидать въ семъ случаѣ. Начальникъ съ малымъ числомъ войскъ держится въ разваленной крѣпости противъ всей Персидской арміи, будучи въ совершенной неизвѣстности о происходящемъ внутри Грузіи и получая самыя прискорбныя вѣсти о состояніи дѣлъ нашихъ, не теряетъ бодрости. Не достаточно ли сего, не заслуживаетъ ли поведеніе его всякаго одобренія?

*

Войска наши пришли къ Араксу, гдѣ еще захватили сына или родственника бывшаго Елисаветпольскаго хана и стали лагерями при Герекелѣ, нуждаясь въ хлѣбѣ. Въ сіе время Паскевичъ, упоенный побѣдою своею, незнакомый съ затрудненіями предстоящими въ семъ краю для продовольствія войскъ, и видя козни противъ него веденныя, далъ свободный ходъ страстямъ своимъ. Онъ всѣхъ оскорблялъ, всѣхъ ругалъ, требовалъ хлѣба въ краю раззоренномъ пребываніемъ Персіянъ, и не находилъ его. Онъ имѣлъ мысль всѣхъ вновь пріѣзжавшихъ въ Грузію, что обязанность ихъ состояла только въ томъ, чтобы вести войска къ бою, но не помышлять о средствахъ продовольствія оныхъ и снабженія всѣмъ нужнымъ, а въ Ермоловѣ и во всѣхъ служащихъ здѣсь видѣлъ правителей завоеванной имъ земли, отъ коихъ онъ могъ всего требовать какъ повинности. Начальникъ штаба Вельяминовъ,

находившійся съ нимъ, послѣ многихъ неудовольствій удалился въ Шушу. Самъ главнокомандующій, не поддержавшій его съ войскомъ и стоявшій съ отрядомъ въ Акстафѣ, вернулся въ Тифлисъ, и вскорѣ отправился съ симъ же отрядомъ въ Кахетію подъ предлогомъ смирить Лезгинъ, и не посылалъ къ Паскевичу хлѣба, оставляя его въ самомъ затруднительномъ положеніи. Мадатовъ, помѣщикъ Карабагскій, обязавшійся до войны еще наполнить магазины въ Карабагѣ и получившій деньги, потерпѣвъ въ семъ случаѣ разореніе отъ Персіянъ, не въ состояніи былъ исполнить своего обязательства (къ сему, можетъ быть, присоединились и виды частныхъ выгодъ его, которые всего болѣе разсердили Паскевича). Поступки Мадатова въ семъ случаѣ были объяснены Каргановымъ, и съ тѣхъ поръ стали его преслѣдовать и, наконецъ, изгнали изъ Грузіи. Тогда Карганов былъ употребленъ для отысканія продовольствія. Поиски сего расторопнаго плута не были тщетны: онъ снабдилъ войска покупнымъ хлѣбомъ, и сіи заслуги его доставили ему у Паскевича ту неограниченную довѣренность, которою онъ столь долго пользовался, которую онъ употребилъ во зло, и которой онъ, наконецъ, лишился черезъ свои безпрерывныя плутни и безчестное поведеніе. Не менѣе того, хлѣбъ доставлялся войскамъ въ пищу, за неимѣніемъ мельницъ, въ зернѣ, что и производило сильные поносы и всякаго рода болѣзни, и силы наши такимъ образомъ день ото дня уменьшались.

Мнѣ извѣстно, что когда Алексѣй Петровичъ находился въ Нухѣ, тогда прислалъ онъ къ Паскевичу фл.-адъютанта полковника князя Долгорукова, съ порученіемъ примирить ихъ; но дѣло сіе не удалось. Я слышалъ, что Ермоловъ въ семъ случаѣ не поступилъ съ полною искренностію и что Паскевичъ, отвергши его предложеніе, еще болѣе возымѣлъ къ нему негодованія послѣ сего.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября, Паскевичъ предпринялъ экспедицію за Аракс, дабы возвратить увлеченныя Персіянами изъ Ширвани и другихъ мѣстъ обывательскія семейства. Пройдя по разоренной землѣ и дурнымъ дорогамъ съ изнуренными лошадьми нѣсколько весьма трудныхъ переходовъ, онъ настигъ кочевья и возвратилъ часть оныхъ въ границы наши. При семъ случаѣ едва не захватили самого Мустафу-Хана Ширванскаго, который кочевалъ въ 5-ти верстахъ отъ того мѣста, куда пришелъ авангардный баталіонъ нашъ Грузинскаго гренадерскаго полка, съ маіоромъ Поляковымъ (который, говорятъ, былъ въ то время пьянъ и не хотѣлъ далѣе идти). Обратное шествіе отряда Паскевича и переправа черезъ Аракс не имѣли, какъ кажется, ничего схожаго съ шествіемъ побѣдоноснаго войска. Ложныя тревоги,

основанныя на несправедливыхъ слухахъ о приближеніи непріятельскаго войска, причиняли безпорядокъ и всего болѣе на переправѣ черезъ Араксъ, гдѣ Паскевичъ даже самъ шпагу обнажилъ. Во время переправы сей были затоплены съ умысломъ нѣсколько орудій съ протянутыми канатами, за которые бы люди могли держаться (потому что рѣка была очень быстра). Орудіи сіи были вытащены изъ рѣки по переходѣ войскъ; но средство сіе подало поводъ Персіянамъ къ распространенію слуха, что мы потопили и лишились двухъ орудій при переправѣ черезъ Араксъ. Таковые слухи дошли и до насъ во время экспедиціи нашей съ Давыдовымъ къ Мираку.

Паскевичъ по возвращеніи своемъ остановился опять на границѣ, терпя недостатокъ въ хлѣбѣ, дѣлалъ всѣмъ самыя оскорбительныя неудовольствія, продолжая питать отъ части справедливую злобу на Алексѣя Петровича и дѣлая Государю донесенія на счетъ здѣшняго корпуса, основанныя на доносахъ Карганова и ему подобныхъ окружавшихъ его. Между тѣмъ ссора сія между начальниками имѣла весьма невыгодное для меня вліяніе на полкъ. Требованія были непомѣрныя, хозяина при полку не было, и намѣстники мои не пощадили средствъ къ исполненію оныхъ, такъ что убытокъ мною понесенный въ 6 ротахъ бывшихъ въ Карабагѣ простирался до 10,000 рублей, и въ семъ случаѣ я былъ жертвою ссоры начальниковъ и несъ какъ будто мщеніе Паскевича. Не менѣе того полкъ мой, преимущественный всѣмъ прочимъ, получилъ хорошую славу не только въ военныхъ дѣлахъ, но и въ устройствѣ, которое самъ Паскевичъ другимъ въ примѣръ ставилъ. Прочіе полки были въ самомъ дѣлѣ съ непростительными недостатками, и командиры оныхъ часто справедливо терпѣли неудовольствія Паскевича. Всего болѣе получалъ ихъ Поповъ, командиръ Херсонскаго гренадерскаго полка; не полагали даже, чтобъ онъ рѣшился еще въ службѣ оставаться послѣ тѣхъ ругательствъ, которыя онъ слышалъ отъ Паскевича. Нынѣ обстоятельства перемѣнились. Правленіе Паскевича, съ неограниченной строгости и взыскательности, сошло на слабое. Многіе пользуются симъ, служба еще болѣе прежняго опустилась, злоупотребленія увеличились, и многіе извлекаютъ личныя выгоды свои изъ сего состоянія дѣлъ, получая, вмѣсто взысканія за неисправности, свидѣтельство отъ начальства на перемѣну негодныхъ вещей, и всѣ возможныя пособія къ имѣющимся уже средствамъ въ полкахъ, превышающимъ далеко потребность.

На нашемъ правомъ флангѣ, то есть въ войскахъ около Джелалъ-Оглу расположенныхъ, Октября съ 1-го по 9-ое число, движенія не было. Ежедневные разъѣзды ходили въ одну сторону черезъ Безобдалъ

до Кишлака, Караклиса и Амамловъ; въ другую—на Карагачъ къ сторонѣ Гумровъ, но нигдѣ не встрѣчали слѣдовъ непріятеля.

Грузинская конница мало-по-малу разъѣхалась по домамъ, такъ что къ 8-му числу уже ни одного изъ нихъ не было на Джелалъ-Оглу. Часть ихъ отпросилась, другая же уѣзжала, никому не сказавшись, такъ что Давыдовъ, не имѣя приказанія отпустить оную, принужденъ былъ объявить имъ увольненіе въ свои дома отъ себя, и сбродъ сей точно былъ совершенно излишенъ и болѣе тяготилъ насъ, чѣмъ пользу приносилъ. Князья находили для себя унизительнымъ дѣлать разъѣзды и отправлять казачью службу, и не переставали приходить съ жалобами на дурное состояніе лошадей своихъ. При отъѣздѣ же своемъ многіе изъ нихъ осрамили себя неотступными просьбами о награжденіи ихъ за мнимые подвиги, ими будто оказанные. Нѣкоторые были даже до такой степени безстыдны, что исправляющему при мнѣ должность адъютанта обѣщались дарить ружья и жеребцовъ, прося его ходатайства о помѣщеніи ихъ въ представленіи. Многіе изъ нихъ и почти всѣ были представлены Давыдовымъ къ награжденіямъ, но получили, какъ и мы всѣ, весьма скудныя и, кажется, почти всѣ остались при высочайшихъ благоволеніяхъ.

Въ отвѣтъ на письмо Алексѣя Петровича отъ 18-го Сентября написалъ я ему слѣдующее:

„Письмо в. в. отъ 18-го числа прошлаго мѣсяца я имѣлъ честь получить по возвращеніи отряда изъ Эриванскаго ханства въ Джелалъ-Оглу. Извѣстіе о разбитіи Аббасъ-Мирзы сообщено по приказанію Дениса Васильевича сердарю, коему я велѣлъ вручить одинъ листокъ печатнаго объявленія о сей побѣдѣ отправленному отсюда Персіянину, прибывшему изъ Тифлиса съ бумагами къ Англичанамъ, въ Персіи находящимся. По послѣднимъ извѣстіямъ о Персіянахъ мы увѣдомлены, что силы сердаря и брата его соединились около Талыни и въ Сердарабадѣ“.

„Большая часть Курдовъ уклонилась отъ Гассанъ-Хана и ушла за Аракс, оставя при немъ только одно поколѣніе ихъ, состоящее не болѣе какъ изъ 150 человѣкъ. Персіяне имѣютъ здѣсь около 1,500 сарбазовъ, 6 орудій и нѣсколько конницы. Жители деревень, по дорогамъ къ Эривани лежащихъ, всѣ выведены за Аракс, исключая Сердарабада и Талыни“.

„Мы ожидаемъ провіанта и разрѣшенія вашего в. в. пуститься вторично въ границы непріятеля. Погода для сего благопріятствуетъ, холода уже наступившіе усугубятъ уныніе и разстройство въ войскахъ непріятельскихъ. Если же на походъ сей не будетъ разрѣшенія вашего, то мы остаемся въ надеждѣ, что отрядъ нашъ, усиленный вскорѣ новыми войсками, пойдетъ зимовать въ ханство; Турки въ такомъ только случаѣ обѣщаются доставить намъ продовольствіе. Письмо отъ в. в. сераскиру Ерзрумскому болѣе бы еще побудило ихъ къ сему, и пособіе сіе, кажется, необходимо на первыхъ порахъ, пока устроятся мельницы въ завоеванной

странѣ: ибо никакого препятствія не предстоитъ въ продовольствіи нашемъ за границею, гдѣ въ деревняхъ находятся неисчерпаемыя ямы съ зерномъ, котораго жители по сіе время не успѣли еще увезти. Въ такомъ случаѣ нужно бы намъ съ собою взять только жернововъ и прочихъ снастей мельничныхъ, потому что каналы и строенія оставляются жителями въ своемъ видѣ; самое же предмѣстье Эривани представляло бы весьма удобное пристанище для войскъ нашихъ".

„Нашъ генералъ позволилъ мнѣ изложить передъ вами мысли сіи. Кромѣ обязанностей къ его превосходительству, я готовъ лично служить Денису Васильевичу, коего ласки уже давно привлекли къ нему всѣхъ насъ, начиная со старшаго до послѣдняго солдата. Я же въ особенности счелъ бы себя счастливымъ, еслибъ нашелъ случай изъявить ему преданность свою. Лагерь при Джелалъ-Оглу".

Разрѣшеніе на другую экспедицію Давыдовъ, кажется, получилъ; но нерѣшимость его была причиною, что онъ ея не предпринялъ. Излагая передъ Алексѣемъ Петровичемъ мысли свои, я былъ совершенно увѣренъ въ возможности зимовать въ Эриванскомъ ханствѣ и находилъ въ томъ существенную пользу, какъ для облегченія продовольствія, такъ и для самаго успѣха военныхъ дѣйствій. Притомъ же, располагая отрядъ въ предмѣстьяхъ Эривани, я хотѣлъ склонить главнокомандующаго къ началу осады сей крѣпости. Внутренніе раздоры между начальствомъ или другія мнѣ неизвѣстныя причины попрепятствовали исполненію сего.

Наступательныя дѣйствія наши въ сіе время года, осенью, должны были во всѣхъ отношеніяхъ обратиться въ нашу пользу. Климатъ умѣренный на равнинѣ, а въ горахъ уже холодный, для насъ былъ стѣснителенъ, для Персіянъ же послѣдній несносенъ. Продовольствіе вездѣ было изобильное, и намъ не должно было съ большими издержками добывать хлѣбъ изъ среды Грузіи и доставлять его, съ крайнимъ отягощеніемъ для жителей, къ границамъ нашимъ, для войскъ занимающихъ оныя безъ всякой пользы. Эривань вѣроятно бы держалась, но намъ не было надобности осаждать крѣпость, если не въ силахъ были сего сдѣлать. Монастырь Эчміадзинъ и деревни съ хлѣбомъ остались бы въ рукахъ нашихъ и служили бъ намъ богатѣйшими житницами. Съ другой стороны народъ въ Тавризѣ былъ готовъ принять насъ, ненавидя правителей своихъ и царствующую въ Персіи фамилію Каджаровъ; мы могли смѣло надѣяться на возмущеніе или, по крайней мѣрѣ, не должны были ожидать никакого сопротивленія при вступленіи въ столицу, въ чемъ насъ удостовѣряли и всѣ извѣстія, изъ Персіи получаемыя. Духъ народный былъ въ чрезвычайномъ упадкѣ послѣ пораженія подъ Елисаветполемъ войскъ, коихъ осталось подъ ружьемъ уже самое ничтожное количество; но мы не предприняли, не взирая на всѣ сіи выгоды, зим-

ней кампаніи. Ошибку сію приписываю нерѣшимости Алексѣя Петровича. Онъ готовился къ ранней весенней кампаніи на будущій годъ, не хотѣлъ предпринимать оной безъ сильныхъ хлѣбныхъ запасовъ, внутри Грузіи изготовленныхъ, не учредивъ транспорта для перевоза хлѣба, не дождавшись войскъ, изъ Россіи идущихъ. Всѣ сіи мѣры были бы весьма основательны, еслибъ обстоятельства не призывали къ быстрому окончанію войны и заключенію мира въ томъ же году. Поведеніе его въ семъ случаѣ приписываю единственно къ личнымъ соображеніемъ его, сопряженнымъ съ нерѣшительностію и недоумѣніемъ, въ которое онъ былъ ввергенъ внезапностію происшествій, чему и все послѣдующее его поведеніе служило доказательствомъ.

10-го числа г.-м. Давыдовъ былъ увѣдомленъ письмоводителемъ Борчалинскаго пристава (за отсутствіемъ сего послѣдняго), что непріятельская конница заняла Башкичетской постъ и намѣрена была сдѣлать нападеніе на Борчалинскія деревни. Вслѣдствіе сего былъ посланъ разъѣздъ къ сторонѣ Башкичета, дабы открыть непріятеля. Разъѣздъ сей состоялъ изъ 10 козаковъ; правилъ хорунжій или сотникъ Елкинъ, человѣкъ пьяный и ни къ чему неспособный. Въ ночь съ 10-го на 11-е число, я былъ пробужденъ печальнымъ появленіемъ сего Елкина, который, вошедши въ балаганъ мой врытый въ землю, не знавъ о ступеняхъ, по которымъ сходить надобно было, обрушился, полетѣлъ и едва не обнялъ меня въ темнотѣ. Я вскочилъ весьма скоро, полагая совсѣмъ иное, спросилъ свѣту и увидѣлъ передъ собою Елкина, который съ замѣтнымъ безпокойствомъ объявилъ мнѣ, что возвратился съ разъѣзда, былъ подъ Башкичетомъ и видѣлъ до 400 человѣкъ непріятельскихъ всадниковъ, возвращающихся къ бывшему Башкичетскому посту съ водопою отъ рѣки. Я отвелъ его немедленно къ Давыдову. По всѣмъ отвѣтамъ Елкина на вопросы наши, казалось, что то были Турки; ибо онъ именно говорилъ, что онъ различалъ разноцвѣтные и красные ихъ кафтаны.

Мы не могли полагать, чтобы то были Персіяне, потому что дороги изъ Персіи всѣ были тщательно осматриваемы разъѣздами нашими и нигдѣ не найдено было ни одного слѣда изъ Персіи ведущаго, а потому и думали мы, что то были шайки извѣстнаго Шерифъ-Аги Магчубертскаго, пробравшагося изъ Турціи мимо Цалки къ Башкичету. Не менѣе того намъ страшно казалось, что сей непріятельскій отрядъ такъ долго пребывалъ на одномъ мѣстѣ, зная, что шайки сіи могли только вредить намъ набѣгами, но отнюдь не дерзали постоянно держаться въ какомъ либо мѣстѣ.

Надобно было взять мѣры. Давыдовъ въ тоже время поручилъ мнѣ идти съ двумя ротами моего полка, 2-мя орудіями и 150 козаками

къ Башкичету, черезъ бывшую на Джилкѣ штабъ-квартиру козачьяго полка, и стараться настигнуть непріятеля.

Остатокъ ночи прошелъ въ сборахъ. Я выступилъ 11-го числа передъ свѣтомъ и въ 9-мъ часу утра прибылъ на Джилку, гдѣ присоединился ко мнѣ подполковникъ Андреевъ съ назначенными 150 козаками. Давъ войскамъ нѣсколько часовъ отдыха, я слѣдовалъ далѣе, дабы перейти засвѣтло Мокрую гору, отстоящую не болѣе 8-ми верстъ отъ Башкичетскаго поста, въ чемъ и успѣлъ. Сдѣлавъ въ сей день около 40 или болѣе верстъ и не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля, я спустился съ горы и расположился ночевать въ ущельи, по коему идетъ дорога, скрывъ сколько возможно болѣе войска свои, дабы на разсвѣтѣ сдѣлать нечаянное нападеніе на непріятеля.

Ночью послалъ я разъѣздъ къ Башкичету съ приказаніемъ приближаться сколь возможно болѣе къ непріятелю и непремѣнно открыть его; но офицеръ возвратился не найдя ни души въ Башкичетѣ, и въ доказательство того, что онъ былъ на самомъ посту, привезъ ко мнѣ горящую еще головешку. По сему я долженъ былъ заключить, что непріятель, узнавъ о приближеніи моемъ, скрылся, и я имѣлъ нѣкоторую причину полагать, что онъ ушелъ назадъ къ сторонѣ Цалки; ибо ночью съ передовыхъ постовъ моихъ замѣтили меркающій огонь къ сторонѣ бывшаго Гуссейнъ-Ханскаго поста, отстоявшаго отъ насъ на разстояніи близъ 20 верстъ по дорогѣ къ Цалкѣ.

12-го поутру я пришелъ къ Башкичетскому посту, пройдя 8 верстъ, и нашелъ тамъ только дымящееся еще пепелище послѣ нападенія сдѣланнаго еще лѣтомъ на Нѣмецкую колонію, отъ которой непріятель, слѣдуя обратно, зажегъ постъ сей. Видны также были слѣды свѣжаго огня; но неизвѣстно было, куда обратилась сія партія: ибо множество конскихъ слѣдовъ по большой дорогѣ идущей изъ Турецкой границы въ Борчалу, на которую я вышелъ, вело во всѣ стороны, то есть въ границы наши и изъ оныхъ. Однако, такъ какъ большая часть оныхъ вела въ Борчалу, то и рѣшился я обратиться съ отрядомъ въ право, зная мѣстоположеніе и окрестности бывшей штабъ-квартиры моей. Я намѣревался пройти 10 верстъ и остановиться въ Душимисахъ при входѣ въ ущелье ведущее въ Борчалу, гдѣ непріятель не могъ уже миновать меня, идучи обратно съ добычею. Я намѣревался также занять Хахаладжарскую дорогу идущею изъ Квешъ ближе къ рѣкѣ Храму и выходящую также къ Гуссейнъ-Ханскому посту, и потому я и двинулся чрезъ оставленный Башкичетъ, коего строенія отъ части еще стояли невредимо, а въ бывшемъ магазейнѣ нашли мы множество козачьихъ пожитковъ, какъ то сумки, кошельки, саквы и проч. Прошедъ еще двѣ версты, я сталъ лагеремъ при селеніи Каламнѣ, обра-

тившись лицемъ уже не къ Борчалѣ, а назадъ къ Турецкой; ибо проходя мимо Башкичета объяснилось уже все происшествіе черезъ присланнаго ко мнѣ козака отъ подполковника Андреева, отправившагося отъ Башкичетскаго поста влѣво съ 6-ю козаками по слѣдамъ, ведущимъ за границу. Старикъ мнѣ самъ разсказывалъ послѣ-того презабавнымъ своимъ нарѣчіемъ, что, отъѣхавъ версты двѣ, онъ увидѣлъ вдали партію, изо ста человѣкъ всадниковъ состоящую, которая, замѣтивъ его, пустилась бѣжать очень быстро, онъ сталъ преслѣдовать ее и, по помету лошадей увидѣвъ, что они ячменемъ не кормлены, заключилъ, что то должны быть козаки, въ чемъ скоро удостовѣрился по найденнымъ ихъ сумкамъ.

Андреевъ продолжалъ гнаться за ними съ 6-ю козаками своими, поймалъ, кажется, прежде одного отступавшаго худоконнаго козака, послѣ того настигъ и другихъ, остановившихся уже близъ Гуссейнъ-Ханскаго поста и привелъ ко мнѣ сотню козаковъ Карпова полка подъ командою эсаула Александрова. Вотъ какъ все сіе случилось.

За нѣсколько дней до сего прибыли въ Грузію новые козачьи полки, въ томъ числѣ и Карпова, которому назначено было расположиться на Храму близъ Цалки въ штабъ-квартирѣ Иловайскаго полка и содержать одною сотнею Башкичетскій постъ. Жители селеній Каламни, не предупрежденные о семъ, увидѣвъ приближавшуюся партію со стороны Турціи, заключили, что то долженъ быть непріятель и донесли о семъ приставу своему, коего письмоводитель и написалъ о томъ Давыдову. Посланный нами пьяный Елкинъ, не доѣхавъ 8 верстъ до Башкичета, смотрѣлъ съ бугра на козаковъ ведущихъ лошадей своихъ съ водопоя на постъ, коихъ ему въ страхѣ показалось до 400 въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ. Не останавливаясь долго, онъ пустился назадъ и прискакалъ весьма скоро съ ложнымъ извѣстіемъ, по коему меня послали, разбросавъ дорогою козаковъ, у коихъ лошади пристали. Есаулъ Александровъ замѣтилъ издали Елкина и, считая его за непріятеля, ожидалъ уже нападенія съ сей стороны (по недавнему прибытію своему въ Грузію, онъ не зналъ мѣстоположенія и гдѣ войска наши стояли). Когда я 11-го числа къ вечеру подвигался къ Мокрой горѣ, передовые его разъѣзды открыли меня, приняли за непріятеля и, какъ онъ увѣрялъ меня, одинъ урядникъ даже выстрѣлилъ по насъ; но вѣроятно на значительное разстояніе, ибо при всей бдительности и осторожности, съ коею мы шли, мы никого не могли замѣтить.

Александровъ немедленно послалъ извѣстіе въ Тифлисъ о приближеніи большихъ силъ непріятельскихъ. На Цалкѣ и въ Манглисѣ была большая тревога, и въ Тифлисѣ также. Старикъ Вельяминовъ даже сдѣлалъ распоряженіе для выступленія въ скорости всѣмъ пришедшимъ

недавно козакамъ подъ командою генерала Иловайскаго; но сіе въ послѣдствіи отмѣнилось, когда узнали о настоящей причинѣ сей тревоги. Самъ же Александровъ съ вечера еще бросилъ въ торопяхъ найденные нами козачьи пожитки въ магазейнѣ, гдѣ они было расположились, и ушелъ поспѣшно къ Гуссейнъ-Хану, гдѣ онъ провелъ ночь и гдѣ мы замѣтили огонь. 12-го поутру онъ подвинулся нѣсколько къ Башкичету и не видалъ вѣроятно приближенія нашего, но когда увидѣлъ Андреева съ 6-ю козаками выѣзжающаго изъ-за горы, то не усумнился болѣе въ томъ, что его окружили и что ему трудно было избѣгнуть гибели. Онъ пустился бѣжать, и погоня Андреева съ 6-ю человѣками его еще болѣе увѣрила въ томъ, что настоящія силы непріятеля скрыты и гдѣ-нибудь въ засадѣ. Я полагаю однакоже, что Андреевъ съ самаго начала узналъ въ нихъ козаковъ, безъ чего бы и онъ не рѣшился такъ смѣло за ними гнаться. Онъ привелъ ко мнѣ плѣнъ свой, долго ругалъ Александрова, говоря ему про меня: «вѣдь знаешь, что сила Московская все въ типографіи печатаетъ и меня туда же помѣститъ». Меня много забавляли выраженія и хвастливость простаго старика сего, выставлявшаго подвигъ свой, когда онъ дерзнулъ гнаться съ 6-ю козаками за сотней.

Александрову я сдѣлалъ строгій выговоръ, и онъ за сей поступокъ просидѣлъ около мѣсяца въ Тифлисской крѣпости. Елкина мы посадили на недѣлю подъ арестъ на полевой пикетъ.

Я нынѣ служу съ симъ Александровымъ, который уже маіоромъ въ томъ же полку. Офицеръ весьма расторопный и, какъ говорятъ, храбрый. Я напоминалъ ему о семъ происшествіи; онъ нисколько не сѣтовалъ на меня за пребываніе его въ крѣпости, напротивъ того былъ за сіе благодаренъ, говоря, что заслужилъ сіе и что средство сіе во всякомъ званіи полезно для исправленія людей. Я охотно вѣрю, что то былъ нечаянный случай, какой со всякимъ встрѣтиться можетъ и который не долженъ помрачить добраго имени Александрова.

И такъ, кончивъ ко всеобщему огорченію нашему экспедицію пустымъ образомъ и смѣшною развязкою, я перешелъ того же 12-го числа ночевать къ бывшимъ Башкичетскимъ мельницамъ на рѣку Мушіаверу, 13-го числа прибылъ ночевать къ бывшей козачьей штабъ-квартирѣ на Джилку, гдѣ велѣлъ напередъ топить баню оставшуюся еще невредимою, а 14-го возвратился въ лагерь при Джелалъ-Оглу, гдѣ происшествіе сіе долго забавляло насъ въ разговорахъ, особливо при разсказѣ старика Андреева, съ коего немедленно явилось и нѣсколько карикатуръ.

Частыя, пустыя тревоги, которыя у насъ въ лагерѣ случались, составляли единственный предметъ, пробуждавшій насъ отъ единооб-

разной и почти безпечной жизни, которую мы вели въ Джелалъ-Оглу. Лагерь нашъ, состоявшій сначала изъ легкихъ лѣтнихъ балагановъ, обращался понемногу въ посадъ; холодъ заставилъ насъ помышлять о лучшемъ помѣщеніи. Давыдовъ, Севарземидзевъ и Литовъ жили въ крѣпостяхъ въ хорошихъ квартирахъ; но я оставался въ лагерѣ, и примѣру моему послѣдовали братья Фридриксы. Я первый началъ строиться, то есть вырылъ яму и поставленный надъ оною балаганъ обставилъ снутри лубками, сдѣлалъ въ стѣнѣ родъ камелька, и дымная яма моя, въ которой невозможно было сидѣть когда ее топили, пребывала теплою около получаса или часъ, ибо дверью едва прикрывалось отверстіе, въ которое входили. Фридриксы построили себѣ въ лагерѣ цѣлый домикъ, который перенесли изъ Гергеръ. Примѣру сему послѣдовали многіе. Офицеры завелись теплыми землянками, а за ними и солдаты обратили балаганы свои въ берлоги, которыя нагрѣвались, и скоро лагерь нашъ составилъ довольно обширное предмѣстье на восточной сторонѣ крѣпости. Вечеръ мы проводили у Давыдова, у меня или у Фридриксовъ, играя въ цхру, въ которую тогда и я пустился, проигравъ всего до 500 ассигнац. Давыдовъ на сихъ вечерахъ всегда проигрывалъ. Днемъ также иногда ѣздили прогуливаться верхомъ. И такъ протекало самымъ дурнымъ образомъ время наше. Всякій помышлялъ о скорѣйшемъ возвращеніи, ибо всякому была надобность, мнѣ въ особенности, видѣть полкъ свой, терпѣвшій большое разстройство отъ внезапнаго движенія, отсутствія моего и ссоры двухъ главныхъ начальниковъ.

Всѣ помышленія о завоеваніяхъ, экспедиціяхъ и подвигахъ были подавлены какъ извѣстными намъ распрями начальниковъ, такъ и полученнымъ повелѣніемъ отъ Алексѣя Петровича, коимъ онъ приказывалъ намъ ограничиваться строгою обороною, и въ случаѣ возможности снять хлѣбъ въ Бамбакской долинѣ на корню оставшійся въ пользу жителей, для чего и сдѣлалось движеніе туда для прикрытія ихъ (что̀ кажется, было слѣдствіемъ тайнаго ходатайствованія Севарземидзева, надѣявшагося еще воротить съ жителей убытки свои).

Мы посылали лазутчиковъ въ Персію и получали черезъ нихъ разныя извѣстія.

15-го числа возвратились изъ Эриванской области Армяне католическаго исповѣданія Степанъ Степановъ и Александръ Николаевъ, жители деревни Шишъ-Теке (что̀ близъ Джилкинской деревни), посланные за извѣстіями въ Персію и жившіе въ пути своемъ нѣсколько времени въ Карсѣ, что̀ въ Турціи, у начальника янычаровъ Аби-Аги, отъ коихъ узнали мы нижеслѣдующія извѣстія.

1) «Гассанъ-Ханъ находился съ пѣшимъ и коннымъ войскомъ въ Сердарбадѣ (въ числѣ войскъ сихъ находились Курды и Армяне); артилерія его состояла изъ фалконетовъ».

2) «Сердарь находился въ Эриваши».

3) «Будахъ-султанъ, бывшій нашъ подданный и бѣжавшій при началѣ войны къ Персіянамъ, находился при Каракалѣ (что должно быть по дорогѣ отъ Мирака къ Эривани). Сынъ его Хамо-ханъ, давно уже предавшійся Персіянамъ, находится при немъ; они расположились въ завалахъ, имѣя при себѣ слабое войско».

4) «Начальникъ Курдовъ Гуссейнъ-Ага, со своими единоплеменниками, при рѣкѣ Карасу. Люди сіи, разбѣжавшіеся при появленіи нашемъ въ Эриванскую область, нынѣ снова собрались».

5) «Эчміадзинъ разграбленъ, монахи уведены, а монастырь занятъ сотнею Персидскихъ стрѣльцовъ».

6) «Карскіе жители умоляютъ насъ подвинуться впередъ, обѣщаясь снабдить насъ продовольствіемъ».

7) «Шерифъ-Ага отправилъ женъ своихъ въ Карсъ, самъ заперся въ крѣпости Магазбертѣ».

Эчміадзинъ былъ ограбленъ, но не разграбленъ. Утвари церковныя были ободраны и хранились въ домѣ у сердаря; въ 1827 же году по взятіи Эривани были возвращены въ монастырь. Изъ монаховъ говорили, помнится мнѣ, что двое были убиты, другихъ взяли въ залогъ въ Эривань; но кажется, что монастырь совершенно не былъ никогда оставляемъ. Гассанъ-Ханъ, стоя съ войсками въ монастырѣ, много обижалъ монаховъ и взималъ отъ монастыря денегъ; онъ даже укрѣпилъ самый монастырь нѣкоторыми пристройками, но которыя на будущій годъ ни къ чему не послужили.

Извѣстіе о просьбѣ Карскихъ жителей, кажется, не основательнымъ. Народъ не можетъ обратиться къ лазутчику съ общею просьбою и если въ разговорѣ два или три хлѣбопашца, въ надеждѣ съ выгодою сбыть избытки свои, обѣщались продать хлѣбъ, то сіе не есть еще доказательство, чтобы цѣлый народъ просилъ о семъ. Вѣроятно однакоже, что мы могли бы найти достаточное количество продажнаго хлѣба въ Карскомъ пашалыкѣ.

18-го числа прибылъ на Джилку Донской казачій полковника Карпова полкъ, по требованію Давыдова, просившаго у Ермолова кавалеріи, и расположился въ бывшей штабъ-квартирѣ. Екимъ Екимовичъ Карповъ, сынъ Екима же Екимовича Карпова, Донскаго генералъ-лейтенанта, человѣка заслуженнаго, мнѣ давно знакомаго, былъ, какъ казалось, коротко знакомъ съ Давыдовымъ, который его называлъ отличнымъ офицеромъ и превозносилъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Пер-

ваго не имѣлъ я случая тогда замѣтить. Но дабы описать Карпова разительнѣе, скажу только, что онъ говорилъ по-французски, разумѣется очень дурно, и не упускалъ случая показать знаніе сіе, коимъ обыкновенно хвалятся Донскіе казаки, когда достигаютъ онаго. Всякій знающій казаковъ по сей чертѣ узнаетъ Карпова: желая показать изъ себя человѣка развязнаго и большаго свѣта, онъ говорилъ часто наглости, не будучи нисколько пьяницею, любилъ погулять съ пѣсельниками, но любилъ также приберечь въ сихъ случаяхъ свою собственность, по обыкновенію Донскому. Давыдовъ не упускалъ случая съ Карповымъ погулять и проводить время, по склонностямъ своимъ, въ пустыхъ, непристойныхъ разсказахъ. Нынѣ, имѣвъ случай служить съ Карповымъ, я замѣтилъ въ немъ точно дѣятельнаго и весьма хорошаго офицера, при томъ же онъ имѣетъ славу храбраго офицера и вѣроятно основанную на дѣлахъ его: въ обѣ сіи войны онъ себя нигдѣ дурно не показалъ, притомъ же не лишенъ и природныхъ способностей и умѣетъ себя вести по кругу, въ коемъ онъ находится.

Народъ, привыкшій знать одного Мадатова, не могъ вскорѣ принять мысль о новомъ начальствѣ; притомъ же знаніе языка, коимъ пользовался Мадатовъ, давало ему большое преимущество въ народѣ, который и признавалъ его болѣе за начальника, чѣмъ Паскевича. Тоже самое и у насъ было: Севарземидзева всѣ полагали начальникомъ, какъ Персіяне, такъ и Турки и самые жители въ нашихъ границахъ, хотя старшимъ и былъ Давыдовъ. Но въ обѣихъ случаяхъ сихъ я полагаю, что Мадатовъ и Севарземидзевъ ничего не упустили изъ виду, дабы поддержать мнѣніе сіе въ народѣ. Навыкъ въ обращеніи съ жителями давалъ имъ много преимуществъ въ семъ отношеніи; новые же начальники, не входя въ разсмотрѣніе мѣстныхъ обстоятельствъ, дѣйствовали какъ бы въ Россіи, не помышляя о жителяхъ и обращая вниманіе свое только къ однимъ войскамъ.

Ноябрь мѣсяцъ наконецъ насталъ; мы ожидали съ нетерпѣніемъ позволенія возвратиться. Снѣгъ выпадалъ, но скоро стаивалъ и прерывалъ еще сообщенія наши съ Персіею, что̀ понуждало насъ оставаться въ Джелалъ-Оглусскомъ лагерѣ въ холодъ, въ ожиданіи ненастья.

Ничего занимательнаго по части военной у насъ не случилось до выступленія нашего; однако упомяну здѣсь объ одномъ странномъ случаѣ, насъ всѣхъ весьма удивившемъ и который мы до сихъ поръ не умѣемъ себѣ порядочно объяснить. То было 8-го числа, въ день Архистратига Михаила. Артилеристы, празднуя въ сей день имянины фельдцейгмейстера своего великаго князя Михаила Павловича, а вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется и ротный образъ свой, созвали насъ всѣхъ къ себѣ

на молебствіе и на пирогъ. Артилерія вся была выставлена въ парадѣ подлѣ гласиса на южной сторонѣ крѣпости, обращенной къ Гергерамъ, отстоящимъ отъ насъ не болѣе какъ на 5 верстъ, за наибольшимъ переваломъ. Начался молебенъ. Я нѣсколько опоздалъ къ оному, и, подходя къ народу около половины онаго, вижу Давыдова, который мнѣ киваетъ головою съ улыбкою, указывая къ сторонѣ Гергеръ. Я подошелъ къ нему ближе. «Каково веселятся!» сказалъ онъ мнѣ, «слышите?» Я обратилъ въ ту сторону вниманіе свое и подлинно услышалъ сильную пальбу изъ мелкаго ружья, рядами, плутонгами и залпами, сопровождаемую иногда выстрѣломъ изъ нѣсколькихъ орудій. Казалось, что стрѣляли не менѣе какъ изъ 2,000 ружей, и звукъ сей ни съ чѣмъ инымъ не былъ схожъ какъ съ пальбою; можно было ручаться, что подполковникъ Дехтеревъ, находившійся въ то время въ Гергерахъ, справлялъ тогда чьи-нибудь имянины, ибо онъ любилъ погулять; и потому Давыдовъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Это вѣрно Дехтеревъ загулялъ не кстати». Я въ тоже время послалъ казака въ Гергеры сказать Дехтереву, чтобы онъ пересталъ стрѣлять. Между тѣмъ молебенъ продолжался, а съ нимъ вмѣстѣ около 20 минутъ и пальба въ Гергерахъ весьма ясно была всѣми присутствовавшими слышана. Послѣ того началась пальба изъ нашихъ орудій при пѣніи многолѣтія. Пошли ѣсть пирогъ. Гергерской пальбы не было болѣе слышно, и забыли объ оной; но посланный мною казакъ скоро возвратился съ докладомъ, что въ Гергерахъ никто ни одного выстрѣла не сдѣлалъ. Сіе всѣхъ удивило. Полагая однакоже, что Дехтеревъ боялся сознаться, послали за капитаномъ Асѣевымъ, человѣкомъ трезваго поведенія, и онъ, пріѣхавъ изъ Гергеръ, тоже самое утверждалъ. Давыдовъ, вопрошая его, увѣрялъ его, что тутъ никто не понесетъ никакой отвѣтственности, если офицеры и повеселились въ Гергерахъ, и смѣялся сему случаю; потому не было ничего опасаться отъ сознанія. Но ото всѣхъ удостовѣрились, что никто не стрѣлялъ. Сіе же самое утверждалъ и поручикъ, бывшій въ то время въ Гергерахъ. Сіе самое сказали и казаки, и артилеристы, и другихъ распрашивали. Словомъ, не было никакого сомнѣнія, что пальбы въ Гергерахъ вовсе не было, да и не могъ произойти такой сильный и частый огонь отъ одной роты тамъ находившейся. Думали, что то было ученіе, которое Гассанъ-Ханъ дѣлалъ въ Бекантѣ вновь формирующимся двумъ баталіонамъ сарбазовъ, какъ о томъ носился ложный слухъ. Но ни Гассанъ-Хана, ни сарбазовъ не было; да при томъ же и Бекантъ находится гораздо правѣе и слишкомъ далеко отъ насъ, чтобы слышать пальбу сію. Наконецъ полагали, что то должны были быть каменные обвалы внутри горъ, такъ какъ и послѣ того утверждали, что въ Карабагѣ подобную

сему слышали иногда пальбу въ горахъ, происходящую отъ каменныхъ обваловъ; со всѣмъ тѣмъ и сіе мнѣніе принять было нельзя за основательное, и странный случай сей до сихъ поръ остался для насъ всѣхъ загадкою.

По показанію достовѣрныхъ лазутчиковъ, мнѣ казалось, что можно было посредствомъ переговоровъ увѣрить Эриванскаго сердаря, что онъ долженъ будетъ лишиться своего ханства, если будетъ упорствовать въ войнѣ съ нами и склонить его, дабы онъ передался къ намъ на условіяхъ остаться владѣтелемъ ханства своего. Я составилъ о томъ записку и отдалъ ее Давыдову; но онъ былъ слишкомъ занятъ игрою въ то время и, спрятавъ записку, пригласилъ меня тутъ же съ нимъ провести время. Записка сія и послѣ, кажется, не была читана, и дѣло сіе осталось безъ вниманія. Помнится мнѣ даже, что я говорилъ о семъ Алексѣю Петровичу по пріѣздѣ моемъ въ Тифлисъ, но предметъ сей былъ такъ оставленъ.

Въ то время Давыдовъ занимался описаніемъ похода своего, о коемъ онъ много мнилъ. Въ предисловіи своемъ описывалъ онъ страну и народы, съ коими онъ имѣлъ дѣло. Поэтическое его описаніе Курда не приличествовало предмету творенія его. Въ описаніи странъ онъ руководствовался старою картою Грузіи, исказивъ и безъ того невѣрно написанныя названія по своему. Ѣздивъ вездѣ безъ вниманія и наблюденія, онъ смѣшивалъ Шурагель съ Шамшадальскою дистанціею и съ селеніемъ Шулаверъ, но читалъ сочиненіе свое, коему похвалу надобно было изображать краснорѣчивымъ молчаніемъ и улыбаясь, дабы не огорчить человѣка сего и не похвалить противъ совѣсти своей.

Наконецъ, мы получили столь нетерпѣливо ожидаемое нами позволеніе возвратиться на зимнія квартиры. Давыдовъ хотѣлъ оставить непремѣнно у Севарземидзева памятникъ распорядительности своей и сочинилъ ему длинное предписаніе, въ коемъ онъ излагалъ ему всѣ мѣры, которыя должны были принять въ случаѣ нападенія Персіянъ. Онъ мнѣ читалъ распоряженіе сіе, въ коемъ не было ни толку, ни смысла.

Въ Тифлисъ намъ сопутствовалъ артилерійскій поручикъ Ганъ, aventurier во всей силѣ слова, но человѣкъ неглупый, со свѣдѣніями, веселый, пожилыхъ лѣтъ и странной наружности. Онъ насъ забавлялъ дорогою, разсказывая всякіе анекдоты съ различными шутками. На третій день я прибылъ въ Тифлисъ, проѣхавъ по прямой дорогѣ, ведущей черезъ горы и, спускаясь къ Тифлису, увидѣлъ вдали на бивакѣ одинъ изъ уланскихъ полковъ ожидавшейся дивизіи. Сердце порадовалось у меня при видѣ войскъ сихъ, коихъ прибытіе обѣщало намъ блистательныхъ успѣховъ на будущую кампанію, и при видѣ Тифлиса.

По прибытіи въ Тифлисъ, я въ ономъ не засталъ Алексѣя Петровича. Вельяминовъ былъ старшій по немъ. Умный, но суетливый старикъ сей совсѣмъ съ толку сбился отъ часто встрѣчавшихся въ то время новостей и перемѣнъ. Онъ принималъ уланскіе полки, вступавшіе въ городъ церемоніальнымъ маршемъ, и какъ ни любопытно было видѣть новыя войска сіи, но взоры невольно обращались на Вельяминова, едва сидѣвшаго на лошади и представлявшаго изъ себя самую смѣшную картину.

Въ Тифлисѣ въ то время явилось одно новое лицо: г.-адъютантъ Бенкендорфъ, братъ правящаго тайной полиціей въ Россіи, коего одно имя вселяло во многихъ страхъ, можетъ быть неправильный. Неожиданный пріѣздъ Бенкендорфа изумилъ всѣхъ, и всѣхъ болѣе Ивана Александровича Вельяминова, полагавшаго, что это настоящее страшилище. Первою заботою его въ поспѣшности было сжечь всѣ письма, полученныя имъ отъ Алексѣя Петровича и, кажется, нѣкоторыя бумаги: онъ думалъ вѣрно, что Бенкендорфъ ѣдетъ отъ имени Государя, дабы ихъ всѣхъ захватить и опечатать бумаги. Сожженіе сіе Вельяминовъ такъ неловко сдѣлалъ, что оно стало въ тоже время извѣстнымъ по всему городу: узнали о томъ и Бенкендорфъ, и Паскевичъ, которые о семъ долго смѣялись и, кажется, даже довели происшествіе сіе до свѣдѣнія Государя. Не помню хорошо, не выѣхалъ ли даже Вельяминовъ на встрѣчу къ Бенкендорфу; знаю только, что онъ крѣпко встревожился, и по одному сходству фамилій приказалъ наряжать къ прибывшему Бенкендорфу на ординарцы конныхъ жандармовъ, коихъ начальникъ во всей Россіи былъ его братъ, и сія почесть ему осталась въ Тифлисѣ во все пребываніе его и по возвращеніи его изъ Персидскаго похода, до самаго его выѣзда въ Россію.

Увѣрились наконецъ, что то былъ не настоящій Бенкендорфъ, котораго столь боялись, но братъ его; но и сей былъ въ частой перепискѣ съ братомъ и, кажется, съ Государемъ, съ Императрицею же Маріей Ѳедоровною въ короткой связи, что заставляло и его бояться. Нѣмецъ сей, проповѣдуя рыцарскія добродѣтели, велъ себя, какъ наемный иностранецъ, какъ истинный царедворецъ. Онъ не переставалъ доносить о здѣшнихъ происшествіяхъ и насчетъ прежняго начальства, стараясь черезъ сіе выслужиться, и писалъ неосновательно, потому что не имѣлъ достаточнаго ума, чтобы сообразить порядочно вещи; потому что онъ былъ вѣтренъ и разсѣянъ какъ ребенокъ, легковѣренъ и занимался собираніемъ свѣдѣній отъ извѣстныхъ здѣсь кляузниковъ и ябедниковъ, людей, признанныхъ уже издавна таковыми и не заслуживающихъ никакой довѣренности. Неумѣренная его дружба съ Паскевичемъ продолжалась до сверженія стараго начальства, послѣ чего онъ

разсорился съ Паскевичемъ, на коего, кажется, также сталъ писать доносы, и уѣхалъ изъ Грузіи врагомъ его. Находясь въ Грузіи, онъ не переставалъ носить званіе посланника при Виртембергскомъ дворѣ, получая за то 6,000 жалованья. Между тѣмъ онъ жилъ скупо и велъ себя прилично наемнику. Довольно значительная и величественная наружность его сначала привлекала къ нему многихъ; онъ былъ ласковъ и обходителенъ со всѣми; онъ пріобрѣлъ себѣ также защитниковъ имени его. Но надобно было короче знать его, чтобы увѣриться, что Бенкендорфъ былъ человѣкъ пустой и безполезный для службы. Онъ прибылъ въ Грузію для командованія авангардомъ и ношенія лавровъ, пріобрѣтенныхъ нашими трудами; говорилъ между тѣмъ, что онъ назначенъ начальникомъ всей кавалеріи. Въ семъ предположеніи онъ встрѣчалъ вступающіе уланскіе полки, коихъ дивизіоннымъ начальникомъ былъ маіоръ Розенъ, и ѣхалъ впереди ихъ при церемоніальномъ маршѣ. Но на чемъ было основано сіе, мнѣ неизвѣстно; ибо онъ никогда не былъ у насъ начальникомъ кавалеріи и, кажется, основалъ въ семъ случаѣ поступки свои и дѣйствія на полученномъ имъ письмѣ. Бенкендорфъ, находясь нынѣ при лицѣ Государя во 2-й арміи во время кампаніи сего года за Дунаемъ, умеръ отъ болѣзни, и я не въ числѣ тѣхъ, которые оплакиваютъ потерю его.

Я уже выше сказалъ, что не засталъ Алексѣя Петровича въ Тифлисѣ. По возвращеніи съ отрядомъ изъ Казахской дистанціи, гдѣ онъ стоялъ безъ всякой пользы, онъ отправился съ л.-гв. своднымъ полкомъ и Нижегородскимъ драгунскимъ въ Кахетію для усмиренія Лезгинъ Чарскихъ и Бѣлоканскихъ, не повиновавшихся намъ и не платившихъ податей послѣ вторженія Персіянъ. За Алазанью была уже собрана почти вся прибывшая съ г.-лейт. Красовскимъ 20-тая пѣхотная дивизія. Онъ подвинулся нѣсколько въ горы съ многочисленнымъ отрядомъ своимъ, составлявшимъ близъ 11-ти тысячъ, и сталъ въ одной густой карее, составленной изъ баталіонныхъ колоннъ. Ожидали, что онъ разгромитъ непокорныя станицы Лезгинъ и усмиритъ ихъ навсегда съ таковыми силами; но случилось иначе: онъ занялся вырубкою садовъ преграждавшихъ ему подступы къ деревнямъ горцевъ, вступилъ съ ними въ переговоры, взялъ отъ старшинъ залоги (что они всегда дѣлали при малѣйшей для нихъ опасности, не переставая не покорствовать намъ, коль скоро оная миновалась) и сказалъ, что цѣль его экспедиціи кончена съ полнымъ успѣхомъ. Говорятъ, что, во время прибыванія войскъ въ семъ тѣсномъ лагерѣ, неслыханная робость поселилась во всемъ отрядѣ: какъ будто бы ожидали ежеминутнаго истребленія отъ Лезгинъ. Главнокомандующій между тѣмъ занимался по обыкновенію своему игрою въ вистъ и празднымъ препро-

вожденіемъ времени. Говорятъ, что неувѣренность его въ дѣлѣ своемъ превосходила всѣ ожиданія окружавшихъ его и ничѣмъ не могла объясниться. Не понимали поступковъ его и нерѣшительности, постигшей его со времени вторженія Персіянъ въ границы наши.

Пробывши нѣкоторое время въ семъ положеніи, т. е. въ совершенномъ бездѣйствіи, онъ двинулся съ частью отряда своего черезъ Елисуйскія владѣнія къ Нухѣ. Полки 20-й дивизіи были расположены въ деревняхъ Лезгинскихъ, отъ коихъ они и получали свое продовольствіе во всю зиму, что́ принесло намъ большое пособіе; ибо мы затруднялись въ содержаніи прибывшихъ войскъ. Г.-л. Красовскій оставался съ сими войсками и продовольствовалъ ихъ отъ Лезгинъ, при недостаткахъ у нихъ оказывавшихся въ хлѣбѣ, различными убѣжденіями и домогательствами, въ чемъ ему надобно отдать полную справедливость.

Корпусный командиръ съ л.-гв. своднымъ полкомъ, Нижегородскимъ драгунскимъ и, кажется, еще нѣсколькими войсками разныхъ полковъ подвинулся къ Нухѣ, гдѣ водворился Гуссейнъ-Ханъ, потомокъ прежнихъ Нухинскихъ хановъ, производя неслыханныя жестокости надъ Армянами для добыванія себѣ золота. Насилья женщинъ, всякаго рода истязанія и мученія были производимы и изобрѣтаемы извергомъ симъ, въ удовлетвореніе страстей своихъ и въ отмщеніе за преданность нѣкоторыхъ изъ жителей къ нашему правительству. При первомъ вторженіи Персіянъ, Гуссейнъ-Ханъ явился въ Нуху, откуда бывшій тогда комендантъ маіоръ Снѣховскій принужденъ былъ удалиться съ войскомъ, увезши съ собою множество золота (полагаютъ на нѣсколько милліоновъ), и войска наши снова заняли Нуху, гдѣ Мусульмане передались было Гуссейнъ-Хану.

Корпусный командиръ пошелъ къ Ширвани, гдѣ повѣсилъ нѣсколько человѣкъ изъ жителей, потворствовавшихъ болѣе прочихъ Ширванскому Мустафѣ-Хану и Гуссейнъ-Хану Шекинскому въ произведеніи жестокостей и участвовавшихъ въ оныхъ. Потомъ, оставя войска въ Ширвани, онъ отправился одинъ въ Баку, куда намѣревался съѣздить еще съ самаго начала прибытія своего въ Грузію, пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратился въ Тифлисъ уже около новаго года.

Вся экспедиція сія, казалось, не имѣла настоящей цѣли. Съ Лезгинами поступали гораздо слабѣе, чѣмъ надлежало. Изъ Нухи Гуссейнъ-Ханъ удалился бы безъ присутствія корпуснаго командира и безъ прибытія отряда столь сильнаго, при чемъ еще онъ самъ былъ упущенъ. Присутствіе корпуснаго командира было нужнѣе въ Тифлисѣ или при войскахъ, въ Карабагѣ находившихся. По крайней мѣрѣ нужны были его распоряженія для продовольствія оныхъ; но кажется,

что все сіе было упущено изъ виду, или что сіе было оставлено безъ вниманія по личнымъ ссорамъ, существовавшимъ между начальниками. Словомъ, исходъ сей приписывали желанію Ермолова удалиться отъ свиданія съ Паскевичемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желанію сдѣлать что нибудь во время войны сей усмиреніемъ Лезгинъ и возвращеніемъ областей нашихъ, находившихся въ рукахъ Персіянъ, что́ ему однако слабо удалось: ибо кромѣ Лезгинъ и Нухи, Ширвань уже была очищена отъ нихъ полковникомъ Мищенкой, преслѣдовавшимъ ихъ до границъ нашихъ; а Баку, выдержавшая недолгую блокаду, была также свободна; и Куба, въ коей воевали противъ насъ одни только мятежники, также усмирилась послѣ Елисаветпольскаго сраженія.

Пробывъ нѣсколько дней въ Тифлисѣ, я поѣхалъ въ Манглисъ, куда меня призывали заняться по полку, который разстроили распоряженіями, сдѣланными въ отсутствіе мое. Я тогда увидѣлъ тѣ значительные расходы, въ которые ввели меня тогдашнія обстоятельства; но помощи въ семъ случаѣ нельзя было никакой ожидать, ибо новое начальство не благоволило ко всемъ старослужащимъ и даже старалось притѣснять ихъ. Алексѣй Петровичъ же былъ такъ слабъ, что не вступался ни за кого. Двѣ роты изъ полка, находившіяся въ походѣ съ Паскевичемъ, возвратились въ штабъ-квартиру, и 1-й баталіонъ съ маіоромъ Кашутинымъ, послѣ экспедиціи за Аракъ, пришелъ на Куру, гдѣ и поставленъ былъ лагеремъ.

Декабря 6-го числа, день моихъ именинъ, я провелъ въ своей штабъ-квартирѣ и праздновалъ его у себя. Но день сей былъ ознаменованъ для Тифлиса происшествіемъ, которое будутъ помнить.

Давно уже ожидали со дня на день возвращенія Паскевича изъ Карабага. 6-го Декабря было ввечеру благородное собраніе; всѣ веселились, какъ вдругъ раздалась грозная вѣсть о внезапномъ пріѣздѣ Паскевича въ городъ. Все ему не такъ казалось; все, по мнѣнію его, дѣлали ему вопреки. Онъ сердился, бѣсился, всѣхъ бранилъ, всѣмъ грозился и всѣхъ напугалъ строптивостью своею. Я слышалъ, что по извѣстіямъ симъ, дошедшимъ въ собраніе, все тамъ затихло, и даже многіе разъѣхались по домамъ; казалось, будто внезапное вторженіе Персіянъ въ городъ навело на всѣхъ ужасъ. Между прочими предметами, служившими къ приведенію Паскевича въ подобное изступленіе, крайне не понравилась ему Грузинская музыка, состоящая изъ волынки съ гудкомъ, которую въ тотъ вечеръ провожала по улицамъ толпа мальчишекъ. Ему показалось, что симъ шумнымъ шествіемъ народъ встрѣчалъ его и привѣтствовалъ. Онъ, можетъ быть, счелъ сей нечаянный случай за насмѣшку, устроенную по приказанію начальства, и разбранилъ за то жестоко полицеймейстера.

Такое вступленіе Елисаветпольскаго героя не могло къ нему расположить сердца, и день сей конечно имѣлъ большое вліяніе на послѣдующія сношенія его съ разными лицами, въ коихъ вселилась къ нему недовѣрчивость и боязнь.

Старикъ Вельяминовъ, испугавшійся уже при пріѣздѣ Бенкендорфа, какъ выше сказано, тутъ еще болѣе перепугался; говорятъ, что онъ совсѣмъ потерялся и вынесъ безъ причины самыя жестокія и оскорбительныя обиды отъ Паскевича. Возвратившись послѣ 6-го числа въ Тифлисъ, я видѣлъ старика на всякомъ разводѣ, прилежно маршировавшаго на флангѣ перваго взвода, съ извѣстною его суетливостію и неувѣренностію, при войскахъ въ его командѣ даже не состоявшихъ. и, явившись къ нему, слышалъ выраженія его, знаменующія самое сильное оскорбленіе. Онъ называлъ Паскевича дуракомъ, не тая болѣе неудовольствія и нетерпѣнія своего.

Я явился къ Паскевичу, коего былъ любопытенъ увидѣть. Опасеній я никакихъ не имѣлъ, и притомъ слыхалъ, что изъ всѣхъ полковъ, находившихся у него въ отрядѣ, онъ болѣе всѣхъ выхвалялъ мой.

Я недолго дожидалъ его въ пріемной; по докладу обо мнѣ, онъ принялъ меня и, окинувъ меня глазами съ головы до ногъ, взглядомъ нахмуреннымъ, недовѣрчивымъ и строгимъ, сказалъ мнѣ, что, по знакамъ отличія мною носимымъ, онъ заключалъ о заслугахъ моихъ; сказалъ еще нѣсколько словъ довольно лестныхъ на счетъ полка моего. но не умѣлъ скрыть недовѣрчивость, которую въ него вселили наушники, ко мнѣ также, какъ ко всѣмъ тѣмъ, кои пользовались расположеніемъ Алексѣя Петровича Ермолова. Словомъ, пріемъ его не былъ привлекателенъ, хотя и не сдѣлалъ онъ мнѣ ни малѣйшаго неудовольствія. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, позвалъ онъ меня къ себѣ обѣдать. Я у него бывалъ изрѣдка и не могъ тогда жаловаться на его обхожденіе съ мною. Но въ короткое время онъ пріобрѣлъ всеобщее нерасположеніе къ себѣ всѣхъ въ Тифлисѣ.

Около новаго года возвратился Ермоловъ изъ своей экспедиціи. Паскевичъ показывалъ ему наружное уваженіе, какъ слѣдовало старшему, но не переставалъ обще съ Бенкендорфомъ писать къ Государю донесенія на него, и за глазами они другъ о другѣ весьма дурно говорили. Утверждаютъ даже, что Паскевичъ вызвалъ его однажды на поединокъ, но что Ермоловъ отказался отъ сего. Вражда ихъ день ото дня усиливалась, и старый начальникъ нашъ почти предвидѣлъ минуту, когда онъ долженъ былъ восторжествовать надъ своимъ противникомъ, то-есть онъ надѣялся остаться въ Грузіи. Подложно было или нѣтъ, то мнѣ неизвѣстно, письмо къ нему Государя, о которомъ было разглашено и въ которомъ Государь ему писалъ, что онъ себѣ бы за честь

поставилъ извлечь мечъ свой, дабы служить снова подъ начальствомъ стараго своего командира [1]). Сіи извѣстія нѣсколько поддерживали прежнихъ сослуживцевъ его въ надеждѣ видѣть его попрежнему среди себя; между тѣмъ какъ Паскевичъ, изводившій самъ себя, впалъ въ болѣзнь. Помню однажды (это было въ Февралѣ мѣсяцѣ) пришелъ я къ Паскевичу; онъ меня призвалъ къ себѣ въ спальню за ширмы, гдѣ лежалъ на постелѣ, и сказалъ мнѣ: Votre général a désiré me voir m'en aller d'ici. Hé bien, son désir est accompli, il peut s'en réjouir: je ne reste plus et je m'en vais en Russie [2]). Безъ подробнѣйшаго знанія обстоятельствъ нельзя никакъ сообразить случая сего съ разрѣшеніемъ, которое онъ имѣлъ отъ Государя смѣнить по усмотрѣнію своему Ермолова, на что̀ онъ имѣлъ и рескриптъ съ собою, которымъ онъ не пользовался [3]).

Познакомившись съ Паскевичемъ, я возвратился въ Манглисъ, гдѣ занимался устройствомъ полка и провелъ, помнится мнѣ, праздники и новый 1827-й годъ.

Въ началѣ года получено было извѣстіе объ экспедиціи, которую дѣлалъ Мадатовъ за Аракс съ войсками, оставшимися отъ отряда Паскевича. Войска сіи были отчасти распущены, отчасти же поставлены лагеремъ по Курѣ. Паскевичъ передъ отъѣздомъ своимъ дѣлалъ имъ смотръ, на которомъ онъ много сердился и, оставивъ ихъ въ сихъ мѣстахъ, уѣхалъ, послѣ чего Мадатовъ получилъ приказаніе отъ Ермолова собрать ихъ и двинуться за Аракс вторично. Настоящая цѣль сей экспедиціи мнѣ неизвѣстна. Говорили, что хотѣли все возвращать угнанныя Персіянами изъ границъ нашихъ семейства; кончили тѣмъ, что отбили нѣсколько скота и написали въ донесеніяхъ о многихъ тысячахъ рогатаго скота, барановъ и верблюдовъ, взятыхъ у непріятеля. Полагали употребить сіе пріобрѣтеніе въ пользу казны; верблюды были нужны для составленія транспортовъ, для перевозки хлѣба въ началѣ

[1]) Дѣйствительно, Государь (по еще 1-го Августа того года, т. е. до посылки Паскевича на Кавказъ) писалъ Ермолову: „Былъ бы Николай Павловичъ прежній человѣкъ, можетъ быть явился бы къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу“ (см. Н. Ѳ. Дубровина, VI, 643). П. Б.

[2]) Вашему генералу хотѣлось, чтобы я отсюда уѣзжалъ. Ну вотъ желаніе его исполнилось. Онъ можетъ радоваться тому: я не остаюсь далѣе и уѣзжаю въ Россію.

[3]) Всѣ эти отношенія отлично разъяснены въ книгѣ Н. Ѳ. Дубровина. Ермоловъ палъ подъ дѣйствіемъ соединенныхъ навѣтовъ Нессельроде, Бенкендорфа и др. Къ нему въ особенности примѣнима пословица: языкъ мой—врагъ мой. Этотъ врагъ и погубилъ его. Когда онъ пріѣхалъ въ Лайбахъ, Александръ Павловичъ спросилъ его, былъ ли онъ проѣздомъ у Витгенштейна во 2-й арміи, и какъ тамъ идутъ дѣла. „Ничего, Ваше Величество: тамъ все свои; одинъ только и есть посторонній, и тотъ *Безродный*“ (извѣстный генералъ). Дѣйствительно, въ ту пору доходило до того, что въ нѣсколькихъ министерствахъ доклады и многія бумаги писались на иностранныхъ языкахъ. П. Б.

весны; но ничего почти не нашли. По счету тогда дѣланному полагали, что вся прибыль простиралась, считая на деньги, до одного миліона. Послѣ того стали говорить, что скотъ этотъ розданъ былъ жителямъ, потерпѣвшимъ отъ вторженія Персіянъ; наконецъ сказывали, что Мадатовъ взялъ часть скота себѣ; можетъ и сіе послѣднее быть, но кажется, что во всякомъ случаѣ реляція была написана слишкомъ хвастливо. Объ экспедиціи сей тогда много говорили; но болѣе всѣхъ занимала она честолюбиваго Паскевича, который не прощалъ Ермолову, что онъ предписалъ оную сдѣлать безъ его вѣдома, полагая, что сіе было сдѣлано съ умысломъ и что его на то время съ намѣреніемъ отозвали отъ войскъ въ Тифлисъ, дабы дать случай Мадатову отдѣльно дѣйствовать. Предположеніе сіе впрочемъ могло быть и справедливо, ибо повидимому Алексѣй Петровичъ не щадилъ средствъ къ оскорбленію Паскевича.

При семъ нашествіи Мадатова въ Персидскія границы были сдѣланы нижними чинами отряда его нѣкоторые безпорядки, и между прочимъ насиліе одной женщины. Мешкинскій, кажется, ханъ и разные старшины Курдинскіе присягнули намъ на вѣрноподданство; но вскорѣ по выступленіи войскъ съ Мадатовымъ обратно возвратились снова къ Персіи, что́ и не могло иначе быть. Причину сего приписываютъ вышеозначенному насилію, и Паскевичъ не упускалъ случая укорять симъ Мадатова, ставя въ примѣръ обхожденіе войскъ подъ начальствомъ его находившихся съ жителями, въ чемъ онъ былъ совершенно неправъ: ибо никакой начальникъ не станетъ потворствовать безпорядокъ и насиліе, а подъ командой Паскевича также они случались, не взирая на попеченіе его, дабы сего не было. Винятъ Мадатова, что, имѣвъ весьма сильный отрядъ, онъ не вошелъ въ самый городъ Мешкинъ, близъ котораго онъ уже былъ. Полагаютъ, что въ семъ случаѣ не достало у него рѣшительности, ибо городъ былъ обставленъ войсками. Полагаютъ даже, что онъ могъ занять Тавризъ, въ коемъ поселился страхъ, когда получили извѣстіе о его приближеніи и въ коемъ ожидали его и готовы были принять. Дерзость Тавризскихъ жителей противъ своего правительства доходила даже до того, что мальчишки, собираясь на улицахъ, раздѣлялись на двѣ толпы съ двумя начальниками, изображавшими Мадатова и Аббасъ-Мирзу; толпы сіи вступали въ бой, и первая одолѣвала вторую, при чемъ дѣлались самыя грубыя насмѣшки на счетъ Аббасъ-Мирзы.

Словомъ, экспедиція сія, не имѣвшая порядочной цѣли, будучи дурно управляема, не имѣла и блистательныхъ послѣдствій, хотя разглашенія и донесенія объ оной были чрезвычайно пышныя.

ПЕРНАТЫЙ БАТАЛЬОНЪ.

Разсказъ Новгородскаго старожила.

У Аракчеева, въ его Новогородскихъ военныхъ поселеніяхъ, былъ одинъ штабъ-офицеръ, которому, какъ почти всѣмъ тогдашнимъ офицерамъ, донельзя противна была вся эта неустанная, ежечасная дѣятельность по такъ называемому муштрованію несчастныхъ тамошнихъ крестьянъ, превращаемыхъ въ какихъ-то куколъ на подобіе Потсдамскихъ, Лудвигсбургскихъ и иныхъ Нѣмецкихъ воиновъ. Штабъ-офицеръ этотъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи цѣлый поселенный участокъ и долженъ былъ съ утра до ночи заниматься всяческою чистотою отъ рубашки крестьянина до паутины по угламъ его избы, отъ канавъ и изгородей до измѣренія угла при подъемѣ ноги на учебныхъ смотрахъ. Что дѣлать? Какъ ни противно, а служба! Ею дорожили въ старину больше нынѣшняго.

Затаенную злобу на эти безпощадные порядки штабъ-офицеръ выразилъ иронически. Въ домашнемъ хозяйствѣ своемъ онъ развелъ множество индѣекъ и устроилъ имъ большія клѣтки съ ящиками снаружи для корму. Долговременнымъ упражненіемъ довелъ онъ индѣекъ до того, что, какъ только клѣтка отворялась, индѣйки чинно и стройно выходили изъ нея, въ предводительствѣ зобастаго пѣтуха, и поочередно становились одна за другою у ящиковъ, вытягивали шеи и оставались неподвижны до тѣхъ поръ, пока штабъ-офицеръ гнусливымъ Аракчеевскимъ голосомъ не произносилъ словъ: „здорово ребята!“ Тогда только пѣтухъ бормоталъ обычные свои звуки съ трясеніемъ краснаго зоба, а вмѣстѣ съ нимъ всѣ индѣйки стройно и въ одинъ мигъ оборачивались и принимались клевать пищу. Это повторялось ежедневно утромъ и вечеромъ, и фронтовые шаги и обороты птичьи доведены были до высокаго совершенства. Крестьяне-солдаты объ этомъ знали и конечно про себя выражали сочувствіе затѣѣ чудака, своего начальника. Слухъ о ней, разумѣется, дошелъ и до самого Аракчеева, сего грознаго Сплы Андреевича. Быть бѣдѣ! думаетъ штабъ-офицеръ.

Однажды пріѣзжаетъ къ нему въ участокъ Аракчеевъ и начинаетъ подробный осмотръ съ обыкновенными своими придирками. Но начальникъ поселеннаго участка былъ дѣятеленъ и заботливъ: куда ни пойдетъ Аракчеевъ, все въ отличномъ порядкѣ и полнѣйшей исправности, все согласно инструкціямъ и напечатаннымъ планамъ, всюду примѣрная чистота, каждая вещь подъ номеромъ и на своемъ, назначенномъ мѣстѣ. Даже въ избѣ солдата-поселенца подметено, выметено; ни паутины, ни сору. Аракчеевъ доволенъ, замѣтно смягчается и начинаетъ убѣждаться, что штабъ-офицеръ простеръ свою порядливость даже на индѣекъ не въ насмѣшку, а по любви къ дѣлу. Обозрѣвъ все поселеніе и все нашедъ въ хорошемъ положеніи, онъ спрашиваетъ штабъ-офицера: „Ну что еще у тебя посмотрѣть? Не покажешь ли твоего собственнаго хозяйства?“ И вотъ они отправляются въ офицерскую усадьбу, и тутъ тоже тщательный осмотръ. „Да нѣтъ ли у тебя чего особеннаго на показъ?“—„Кажется, ничего такого нѣтъ“, отвѣчаетъ истомленный и внутренно-трепещущій хозяинъ.—„Слышалъ я, что охотникъ ты до птицъ“.—„Точно такъ, ваше сіятельство“.—„Такъ дай мнѣ полюбоваться“. Нечего дѣлать, надо вести къ индѣйкамъ. „Покажи, покажи, вели отворять клѣтки“. Индѣйки выскочили и стройно обступили свои корытца. Графъ не можетъ надивиться. „Ну какъ же ты ихъ кормишь? Правда ли, что по командѣ?“ Офицеръ принужденъ произнести *здорово ребята*, но произноситъ эти слова обыкновеннымъ своимъ голосомъ: ни пѣтухъ не кудахчетъ, ни его подруги не поворачиваются къ корытцамъ. Тогда Аракчеевъ самъ произноситъ тоже, и мгновенно совершается привычная эволюція.

Грозный графъ доволенъ отмѣнно и уѣзжаетъ, похваливая усерднаго офицера.

МАГИСТЕРСКІЙ ДИСПУТЪ ГРАНОВСКАГО.

Изъ студенческихъ воспоминаній Ѳ. П. Еленева [1]).

И прежніе студенты, точь-въ-точь какъ нынѣшніе, способны были безсознательно подчиняться постороннему вліянію и безъ всякой причины, единственно по стадному свойству всякой толпы, доходить до задора и безчинства. Въ началѣ 1845 года, адъюнктъ Московскаго университета Грановскій защищалъ свою магистерскую диссертацію. Задачею ея было доказать, что городъ Винетта, упоминаемый въ Западнославянскихъ хроникахъ, и Нѣмецкій городъ Іомбургъ суть различныя названія одного и того же мѣста. Грановскій былъ популярнѣйшимъ изъ Московскихъ профессоровъ того времени. Онъ не читалъ, не разсказывалъ, а живописалъ исторію среднихъ вѣковъ, представляя ее въ живыхъ и выпуклыхъ образахъ. При этомъ онъ сопровождалъ свою живопись глубоко-прочувствованнымъ и изящнымъ изложеніемъ тѣхъ гуманныхъ идей человѣческаго прогресса и права, которыя заставляютъ усиленно биться всякое молодое сердце. Нѣкоторою долею своей популярности Грановскій обязанъ былъ также и своей крайней снисходительности къ студентамъ: менѣе *трехъ* онъ никому не ставилъ на экзаменахъ, хотя бы экзаменующійся не зналъ главнѣйшихъ фактовъ данной эпохи [2]).

---

[1]) Съ позволенія Ѳедора Павловича Еленева извлекаемъ эти страницы изъ превосходной статьи его „Студенческіе безпорядки“, вышедшей отдѣльно (Спб. 1888. 8°. 46 стр.). По кончинѣ Аксакова и Каткова мы не встрѣчали въ нашей печати ничего болѣе сосредоточенно-сильнаго о внутреннихъ дѣлахъ нашихъ. Не щади студентовъ, авторъ въ тоже время бичуетъ современное общество и возлагаетъ на него отвѣтственность за студенческіе безпорядки. Брошюра въ продажѣ по 30 к. П. Б.

[2]) Какъ это напоминаетъ „про далекое прошедшее! На экзаменѣ у Грановскаго мнѣ достался билетъ объ Ипполитѣ III-мъ. Я едва-едва отвѣчалъ, и узнаю потомъ, что Грановскій поставилъ мнѣ отмѣтку *четыре*. Позднѣе, выбравъ минуту, я спросилъ его: Какъ же это такъ? Вѣдь я отвѣчалъ на единицу!—„Будто я не знаю, что вы много занимаетесь!“ сказалъ мнѣ на это Тимоѳей Николаевичъ. Точно молодѣешь, вспоминая про этаго сердечно-дорогаго человѣка. П. Б.

Кѣмъ-то пущенъ былъ слухъ между студентами всѣхъ факультетовъ, что надобно торжественно заявить Грановскому, во время диссертаціи, сочувствіе студентовъ. Въ чемъ именно будетъ состоять такое заявленіе сочувствія, никто изъ насъ не зналъ, а самую диссертацію едва ли кто изъ студентовъ держалъ даже въ рукахъ; знали только, что должно произойти что-то необыкновенное—и на диссертацію толпой повалили студенты со всѣхъ факультетовъ. Большая зала новаго университета не могла вмѣстить всѣхъ пришедшихъ, такъ что часть ихъ столпилась въ обширной передзальной комнатѣ и въ двухъ сосѣднихъ аудиторіяхъ. Едва Грановскій взошелъ на каѳедру, какъ, по чьему-то почину, раздалось оглушительное хлопанье въ ладоши. Затѣмъ каждое слово Грановскаго, равно какъ и тѣхъ профессоровъ, которые его поддерживали, сопровождалось такимъ же взрывомъ рукоплесканій, а каждое возраженіе его опонентовъ встрѣчаемо было шиканьемъ, топаньемъ ногъ и стукомъ стульевъ со стороны всей огромной толпы, состоявшей болѣе чѣмъ изъ 700 человѣкъ. Картина безчинства вышла полная и самая удручающая для всякаго истиннаго друга просвѣщенія. Молодые люди и юноши, пришедшіе учиться, обратили свой храмъ науки въ балаганъ свистопляски, а себя въ толпу бушующихъ и безсмысленныхъ невѣждъ. Ничего не разумѣя въ тѣхъ ученыхъ мнѣніяхъ, которыя подвергались предъ ними состязанію, они дозволили себѣ одни изъ этихъ мнѣній защищать хлопаньемъ въ ладоши, а другія опровергать шиканьемъ и стукомъ.

Чѣмъ же мы были тогда лучше нынѣшнихъ студентовъ, заглушающихъ своимъ крикомъ всѣ обращаемые къ нимъ доводы разума и самосохраненія и настаивающихъ на исполненіи разныхъ нелѣпыхъ своихъ требованій? Точь въ точь какъ нынѣшніе студенты, мы дѣйствовали безсознательно, безпричинно и безцѣльно, по внушенію какихъ-то невѣдомыхъ намъ личностей, и подобно нынѣшнимъ студентамъ проявили въ себѣ всѣ стадныя свойства толпы и весь задоръ молодости. Мы кричали и бѣсновались съ такимъ задоромъ, какъ будто дѣло шло объ отстаиваніи самыхъ дорогихъ, самыхъ жизненныхъ нашихъ интересовъ, тогда какъ большинство насъ, принадлежа къ другимъ факультетамъ, не имѣло никакихъ отношеній къ Грановскому и его опонентамъ (Бодянскому и Шевыреву); немало было даже такихъ, которые видѣли его тогда въ первый разъ въ жизни. Между тѣмъ многіе изъ насъ готовы были скорѣе подвергнуться исключенію изъ университета, чѣмъ, на глазахъ другихъ студентовъ, уступить требованію начальства (если бъ таковое было намъ предъявлено) и прекратить безчинства. Для демонстраціи во вкусѣ нынѣшняго времени, т. е. для протестовъ противъ

распоряженій начальства или правительства, студенты того времени не были еще подготовлены: ибо ни въ обществѣ, ни въ литературѣ, ни тѣмъ менѣе въ стѣнахъ университетовъ, они не находили для себя пищи этого рода. Горячія и забубенныя головы въ родѣ Полежаева (въ 30-хъ годахъ) были единичными исключеніями и не производили вліянія на массу студентовъ. Но вѣдь и описанная здѣсь исторія, при неумѣломъ дѣйствіи университетскаго начальства, могла бы быть возведена въ «политическую». Стоило только обратиться къ семисотенной массѣ студентовъ съ рѣзкимъ окрикомъ и угрозами, и поднялась бы еще бо́льшая буря, но уже прямо направленная противъ университетскихъ властей. Такой экстренный случай пришлось бы по необходимости довести до свѣдѣнія Петербурга. Сколько было бы разослано солдатами въ Сибирскіе баталіоны и на Кавказъ, гдѣ многіе изъ насъ, среди ужасной для образованнаго молодаго человѣка обстановки, загрубѣли бы умомъ и сердцемъ и навсегда погибли бы нравственно.

Къ нашему счастію, университетомъ правилъ тогда, и правилъ самодержавно, нашъ незабвенный графъ Сергѣй Григорьевичъ. Во время всей этой бурной сцены, онъ не шелохнулся, ни разу не обернулся назадъ въ сторону студентовъ, тогда какъ его помощникъ металъ на насъ молніеносные взоры, и если бы не былъ сдерживаемъ безмолвнымъ спокойствіемъ главнаго начальника, то готовъ бы былъ разразиться крикомъ и словами повелительной команды. Графъ понялъ, что сдѣлана была ошибка чрезъ допущеніе на диссертацію семисотенной толпы, къ чему очевидно не было никакого разумнаго основанія, ибо публичность диссертацій не значитъ еще, что онѣ должны служить мѣстами сборища для праздной толпы. Оставалось или безмолвно выдержать сцену задора и безчинства, присущихъ всякой толпѣ, или неумѣстною горячностью подлить масла въ огонь и вызвать бурю, исхода которой нельзя было и предвидѣть.

Спустя нѣсколько дней, графъ Строгановъ потребовалъ къ себѣ по два человѣка съ каждаго курса и каждаго факультета, и въ спокойныхъ словахъ объяснилъ все неприличіе и даже постыдность поведенія студентовъ во время этой сцены, поручивъ имъ передать его слова всѣмъ студентамъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Вотъ что значитъ присутствіе надъ студентами личности благородной, разумной и полномочной, однимъ словомъ присутствіе авторитета не только оффиціальнаго, но и нравственнаго. При другой обстановкѣ университета, могла бы повториться Сандуновская исторія (30-хъ годовъ), когда было разжаловано въ солдаты и послано на Кавказъ нѣсколько Москов-

скихъ студентовъ, въ томъ числѣ Антоновичъ, дослужившійся потомъ до генералъ-лейтенанта и попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

Какъ было бы ошибочно, по поведенію Московскихъ студентовъ на диссертаціи Грановскаго, судить объ общемъ ихъ настроеніи, дѣлать заключеніе, что это были молодые люди распущенные и опасные для общественнаго порядка, хотя вѣроятно и были такіе политиканы, которые дѣлали о насъ тогда такое заключеніе. Между тѣмъ Московскіе студенты сороковыхъ годовъ доказали потомъ на всѣхъ поприщахъ службы и частной дѣятельности, что они вынесли изъ стѣнъ своего благоговѣйно-любимаго ими университета преданность закону и порядку, любовь къ труду и истинному просвѣщенію и глубокое чувство своей Русской народности. Никто изъ нихъ не запятналъ себя преступленіемъ, а многіе положили всѣ силы свои на службу отечеству, въ качествѣ администраторовъ, судей, педагоговъ, воиновъ, ученыхъ, писателей, участниковъ великихъ реформъ начала прошедшаго царствованія, и пріобрѣли право на благодарность потомства. Потому-то мы желали бъ всѣмъ сердцемъ, чтобы внутренній голосъ чаще напоминалъ людямъ, стоящимъ у власти: оберегайте молодежь отъ соблазновъ, не щадя соблазнителей, отстраняйте ее во время отъ тѣхъ поступковъ, которые неизбѣжно должны привести ее къ худымъ послѣдствіямъ; но будьте снисходительны къ ея увлеченіямъ и ошибкамъ, не казните ее безпощадно за то, въ чемъ она является лишь отголоскомъ воспитавшаго ее общества,—и молодежь заслужитъ потомъ сторицей оказанныя ей попеченіе и снисхожденіе.

Вернемся на минуту къ достопамятной личности попечителя Московскаго учебнаго округа графа Строгонова (1835 – 1848 г.). Пусть не думаютъ, что это былъ начальникъ во вкусѣ тѣхъ личностей новѣйшей формаціи, которыя, панибратствомъ со студентами и выплясываніемъ по ихъ дудкѣ, старались пріобрѣсти между ними популярность. Напротивъ того, графъ Строгоновъ держалъ себя не только предъ студентами, но и предъ профессорами, вполнѣ начальственно и вельможно. Онъ не былъ искателемъ мишурной популярности между студентами, не сталъ бы расшаркиваться передъ ними, если бы они вздумали читать ему нотаціи и предъявлять разныя требованія, какъ было въ университетахъ потомъ, въ шестидесятыхъ годахъ. Но, во первыхъ, это былъ истинный другъ просвѣщенія, чего нельзя было сказать о нѣкоторыхъ высшихъ лицахъ министерства народнаго просвѣщенія того времени и слѣдовавшей затѣмъ эпохи; во вторыхъ онъ никогда не забывалъ естественныхъ и неизбѣжныхъ свойствъ всякой молодости,

ея воспламеняемости и неопытности, и не выдавалъ насъ на пропятіе въ случаѣ нашихъ преткновеній и паденій, памятуя слова псалмопѣвца: «грѣховъ юности моей и невѣдѣнія моего не помяни». Когда, подъ вліяніемъ событій 1848 года, отъ него потребовали, чтобъ онъ измѣнилъ свой образъ дѣйствій, то онъ предпочелъ немедленно оставить попечительство.

Съ нимъ вмѣстѣ покинулъ университетъ и вѣрнѣйшій исполнитель его самодержавно-гуманной системы, инспекторъ студентовъ, нашъ благодушнѣйшій и суровѣйшій въ обращеніи Платонъ Степановичъ Нахимовъ. Оба они не искали популярности между студентами, какъ не искали и выслужиться противоположной крайностью; и вотъ Московскіе студенты того времени, уцѣлѣвшіе еще отъ косы Сатурна, сорокъ лѣтъ сряду помнятъ ихъ и благословляютъ ихъ память!

МАКАРІЙ АѲОНСКІЙ.

19-го Іюня 1889 года скончался на Аѳонѣ настоятель Русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, о. архимандритъ Макарій. Многотрудная подвижническая и общественная жизнь почившаго протекла внѣ предѣловъ Россіи, но не внѣ области духовной жизни Русскаго народа, и богатъ тотъ вкладъ, который внесенъ былъ дѣятельностію о. Макарія какъ на поддержаніе завѣщанной вѣками нравственнной связи нашей съ Православнымъ Востокомъ, такъ и на сохраненіе и развитіе духовной жизненной силы великаго нашего народа.

Тяжелы условія Русской самобытности; велика нравственная сила, которая въ состояніи поддержать въ Русскомъ народѣ божественную искру подъ гнетомъ удручающаго его умственнаго мрака и тягостныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ. Такою силою обладаетъ только Церковь, и Православная Церковь дѣйствительно создала изъ народа, находящагося въ самыхъ, быть можетъ, тяжелыхъ въ цивилизованномъ мірѣ условіяхъ, народъ, которому по преимуществу, смѣемъ сказать, подобаетъ названіе христіанскаго. Промыслу Божію угодно было для этаго, чтобы Церковь, обнимая собою и освящая существованіе человѣка таинствами и священными обрядами, не переставала выдвигать, сверхъ того, по нуждамъ времени, святыхъ мужей для насажденія и поддержанія христіанской истины въ сердцахъ людей, для преподанія примѣровъ духовной жизни и служенія Богу, для руководительства Русскимъ народомъ по тѣмъ путямъ, по которымъ Онъ ведетъ его.

Такъ, во время зарожденія среди новообразовавшагося Великорусскаго племени Русской государственности, великіе Московскіе святители-митрополиты, Сергій Радонежскій и многочисленные его ученики, принявъ духовное наслѣдіе преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, т.-е. насажденные ими на Руси начатки христіанской жизни, привлекли къ сей послѣдней народную массу, образовали нравственный обликъ народа, вызвали и освятили новое для него начало государственности, вложивъ *душу живу* въ дѣло Московскихъ князей.

Не оскудѣвали затѣмъ продолжатели и охранители дѣла, освященнаго великими представителями земли Русской. Съ теченіемъ времени, когда высшій слой сталъ мало по малу терять сознаніе связи Русской жизни съ Церковью, для народа эти нравственные руководители становились тѣмъ болѣе необходимы и, если не на страницахъ ученой исторіи, то въ благодарной народной памяти именамъ ихъ воздавалась должная честь. И поистинѣ достойны чести отъ Бога и отъ людей имена ихъ за то, что они вносили высшій свѣтъ въ нравственное міросозерцаніе народа; за то, что примиряли его съ дѣйствительностію предъявленіемъ къ нему высшихъ внѣ-матерьяльныхъ требованій; за то, что, благодаря имъ, проникъ въ глубину его сознанія высокій христіанскій идеалъ святости, идеалъ жизни по Божьему, тотъ идеалъ, который далъ возможность нашему великому, блуждающему, но искреннему художнику вывести, оставаясь на почвѣ дѣйствительности, во «Власти Тьмы» высокій нравственный образъ дяди-Акима. Словомъ, тутъ разгадка и объясненіе того, что, опускаясь въ глубину народную, мы встрѣчаемъ цѣльное, независимое духовно-нравственное міровоззрѣніе, служащее мѣриломъ и руководствомъ для совѣсти многомилліоннаго Русскаго люда.

Въ наши дни, когда, при неизбѣжномъ распространеніи внѣшняго просвѣщенія, признающаго себя независимымъ отъ церковной почвы, вносится немало и отрицательныхъ разлагающихъ началъ въ умственную и нравственную атмосферу самыхъ даже темныхъ народныхъ слоевъ, вдвойнѣ важнымъ является знакомство съ тѣми представителями Русской жизни, которыхъ она выдвигаетъ изъ своей глубины на поддержаніе и развитіе дарованныхъ ей Промысломъ и возросшихъ съ ея исторіею нравственныхъ основъ бытія.

Почившій на сихъ дняхъ о. Макарій и три года до него скончавшійся учитель его старецъ Іеронимъ, оба возстановители Русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ, должны несомнѣнно быть причислены къ такого рода духовнымъ вождямъ Русскаго народа.

Источникомъ, средою и проводниками благотворнаго вліянія этихъ дѣятелей служили два вѣковыя проявленія духовныхъ стремленій Русскаго народа—монашество и паломничество. Не мѣсто входить здѣсь въ разборъ такихъ важныхъ явленій нашей церковно народной жизни; смѣемъ только утверждать, что будущему изслѣдователю для правильной оцѣнки этихъ важныхъ двигателей нашей народной жизни нельзя будетъ обойтись для нашего времени безъ основательнаго знакомства съ плодотворною дѣятельностью на этомъ поприщѣ отцовъ Макарія и Іеронима.

Далеко внѣ видимыхъ предѣловъ Россіи предпріяли свой подвигъ благочестивые старцы, ни разу въ теченіе полувѣка они въ нее не возвращались; но чуждыми они ей не стали, такъ какъ дѣятельность ихъ двигалась по широкому руслу Русской церковной и народной жизни, для которой Св. Гора стала родною съ далекихъ временъ преп. Антонія, древняго Аѳонскаго подвижника и насадителя монашества на Руси. Почившіе отцы Макарій и Іеронимъ служили въ наши дни свѣтлымъ выраженіемъ вѣковой связи Россіи съ этою вѣрною хранительницею православныхъ вселенскихъ преданій. Со времени приблизительно иконоборчества, т.-е. со времени борьбы за истину и побѣды вѣрныхъ Православію народныхъ массъ (нашедшихъ себѣ опору и руководство въ монашествѣ противъ умствованія высшихъ государственныхъ слоевъ), Аѳонъ служилъ вѣрнымъ отраженіемъ внутренней и внѣшней судьбы Православія. Сосредоточивая въ своихъ обителяхъ представителей всѣхъ православныхъ народностей, Св. Гора съ самаго начала христіанства на Руси увидѣла въ числѣ своихъ подвижниковъ Русскихъ, изъ которыхъ уже въ XI в. образовался такъ называемый Русикъ, т.-е. возродившійся нынѣ съ такою славою Пантелеймоновскій монастырь. Отношенія ко Св. Горѣ, судьба тамошнихъ Русскихъ людей и Пантелеймоновскаго монастыря вполнѣ соотвѣтствовали судьбамъ, которымъ подвергалась Россія. Съ нашествіемъ Татаръ на Россію приливъ людей и средствъ изъ нея прекратился; немногіе Русскіе, подвизавшіеся на Св. Горѣ, и самый монастырь нашли себѣ покровителей въ Греческихъ императорахъ и затѣмъ въ Сербскихъ царяхъ. Съ поднятіемъ могущества Москвы мы видимъ опять возобновленіе связей съ Аѳономъ, покровительство ему нашими царями и поселеніе на немъ многихъ Русскихъ людей. Затѣмъ наступаетъ время усиленнаго стремленія государства и даже церкви къ Западу и усиленнаго закрѣпощенія народа, который уходитъ въ крайности раскола: связь Россіи съ Аѳономъ почти порывается. Барскій въ прошломъ вѣкѣ находитъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ всего четырехъ Русскихъ старцевъ; главными покровителями Св. Горы являются Молдовалашскіе воеводы и господари и оправившіеся послѣ Турецкаго погрома Греки. Наконецъ, въ наши дни мы видимъ вновь возникновеніе старыхъ связей Русскаго народа со Св. Горою и притомъ въ усиленной степени. Освобожденный отъ крѣпостныхъ и другихъ узъ народъ воспользовался открывшимися за послѣднее время средствами сообщенія, чтобы проложить по незабытымъ тропамъ свой широкій путь ко святымъ мѣстамъ Востока.

Промыслу угодно было, чтобы этотъ свободный потокъ народнаго чувства, которому правительство оказало свою помощь установленіемъ

послѣ Крымской войны правильныхъ пароходныхъ сообщеній съ портами Востока, нашелъ себѣ на Аѳонѣ твердое направленіе и нравственное руководство. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ образовалась среди немногочисленныхъ тогда Русскихъ на Св. Горѣ отдѣльная маленькая община подъ мудрымъ духовнымъ руководствомъ о. Іеронима. То была тяжелая для духовныхъ учрежденій на Востокѣ эпоха вслѣдствіе уничтоженія накопленныхъ въ предшествовавшіе вѣка средствъ Греческаго народа во время его возстанія и борьбы за независимость. Въ безъисходномъ положеніи очутился и Русикъ, находившійся тогда въ Греческихъ рукахъ; братія обратились съ просьбою о помощи къ о. Іерониму и его общинѣ, славившейся строгимъ порядкомъ и благоустройствомъ, и предложили имъ вступить въ ея среду. Вступленіе въ монастырь о. Іеронима и его нѣсколькихъ послѣдователей послужило основаніемъ дальнѣйшаго высокаго процвѣтанія обители. Процвѣтаніе это зависѣло главнѣйшимъ образомъ отъ строгаго примѣненія общежительнаго устава, нигдѣ, кажется не проводимаго такъ послѣдовательно, какъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ.

Со времени поступленія Русской братіи, монастырь (по слову, что имущему будетъ и преизбудетъ) сталъ постоянно возрастать духовно и вещественно. Самымъ свѣтлымъ его пріобрѣтеніемъ во всѣхъ отношеніяхъ было принятіе въ его среду въ 1851 г. будущаго славнаго его священно-архимандрита, почившаго нынѣ о. Макарія, въ мірѣ Михаила, изъ Тульскаго купеческаго рода Сушкиныхъ, всѣмъ сердцемъ и на всю жизнь прилѣпившагося къ духовному своему отцу, о. Иерониму. Кромѣ высокихъ духовныхъ способностей, составившихъ конечно главный его вкладъ, онъ внесъ и полмилліонное свое состояніе на монастырское дѣло. Ко времени Крымской войны число Русской братіи не превышало однако 80 чел., но за то къ началу 70-хъ годовъ оно возросло до 500 чел. на 150 чел. Грековъ, въ чемъ сказались, конечно, тѣ облегченія, которыми сталъ пользоваться Русскій народъ.

Тогда-же завѣдываніе монастыремъ и полноправный голосъ его въ управленіи Святою Горою перешелъ изъ Греческихъ рукъ въ Русскія, чего уже не было въ продолженіи вѣковъ. Измѣненіе это выразилось избраніемъ въ игумены о. Макарія. Въ теченіе цѣлыхъ годовъ происходила по этому поводу борьба въ предвидѣніи кончины столѣтняго старца, игумена отца Герасима, который самъ всегда отдавалъ справедливость Русскимъ и не забывалъ, чѣмъ монастырь былъ обязанъ имъ. Вопросъ объ избраніи Русскаго игумена возникъ какъ разъ въ самый разгаръ Греко-болгарской распри, когда Греки вездѣ

за Болгарами видѣли Русскихъ и каждый шагъ сихъ послѣднихъ считали для себя опаснымъ. При постепенномъ разрушеніи ихъ мечтаній о преобладаніи на Балканскомъ полуостровѣ, участіе Русскихъ въ управленіи Св. Горою, которую они считали однимъ изъ оплотовъ своего вліянія, должно было казаться имъ гибельнымъ. Отсюда та ожесточенная борьба, чрезъ которую пришлось пройти Русской братіи. Въ этой борьбѣ, въ которую втянуты были всѣ высшія Турецкія и Греческія сферы и Европейская дипломатія, бывали настолько тяжелыя минуты, что Русской братіи приходилось принимать рѣшеніе объ оставленіи монастыря, памятникомъ чего служитъ полувоздвигнутый, пріостановленный постройкою храмъ въ такъ называемомъ нагорномъ Русикѣ. Болѣе того: при общемъ возбужденіи Грековъ на Аѳонѣ нужно было думать даже объ оставленіи Св. Горы, въ виду чего былъ уже основанъ Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь на Черноморскомъ берегу Кавказа. Но, наконецъ, при энергической поддержкѣ Русскаго посла въ Константинополѣ графа Игнатьева и благодаря рѣшенію вселенскаго патріарха Іоакима II, признавшаго права Русскихъ (за что многіе изъ Грековъ считаютъ его до сихъ поръ измѣнникомъ народному дѣлу), избраніе и водвореніе о. Макарія игуменомъ состоялось въ 1875 году. Много политической мудрости и твердости пришлось показать въ эти трудные годы почившему; но высокая душа его вышла чистою изъ тяжелаго этого испытанія. Только, можетъ быть, борьбѣ этой слѣдуетъ отчасти приписать тотъ отпечатокъ глубокой грусти, которая выражалась на ясномъ лицѣ его.

Время игуменства о. Макарія останется конечно самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ Пантелеймоновскаго монастыря. Любовь народная, сказавшаяся уже въ одномъ числѣ братіи, дошедшемъ нынѣ до 1000 чел., не даромъ окружала мудраго старца. Конечно одному Богу извѣстна сила духовнаго вліянія, которую имѣла на сердца, изливавшія предъ о. Макаріемъ свои сокровенныя мысли, исповѣдь собиравшагося со всѣхъ концовъ Россіи люда; въ продолженіе цѣлыхъ ночей продолжалась эта исповѣдь въ церковкѣ, изъ которой о. Макарій слѣдилъ за всенощными (въ полномъ смыслѣ слова) бдѣніями въ главномъ храмѣ. Эта сторона личнаго его вліянія, равно какъ и вліяніе огромной его переписки, не поддается какой-либо оцѣнкѣ.

Позволимъ себѣ указать на другую сторону плодотворной его дѣятельности, на благіе плоды того высокаго подъема духа среди братіи, которымъ отличался Пантелеймоновскій монастырь въ правленіе о. Макарія. Этотъ подъемъ духа объясняетъ возможность примѣненія

самаго строгаго устава и господства вмѣстѣ съ тѣмъ среди братіи того свѣтлаго настроенія, которое охватывало даже многихъ изъ посѣщавшихъ обитель иновѣрцевъ. Побывавшіе на Св. Горѣ могутъ засвидѣтельствовать, съ какою если не легкостію, то готовностію и даже радостію переносится братіею непосильное на первый взглядъ бремя службъ и правилъ, установленныхъ о. Іеронимомъ и Макаріемъ. Для правильнаго сужденія не слѣдуетъ однако при этомъ забывать, что уставъ сообразованъ съ силами и выносливостію Русскаго крестьянина, для котораго, если вспомнимъ страдную пору въ деревнѣ, монастырь легко могъ бы обратиться въ мѣсто отдохновенія. Молитва и богослуженіе составляютъ средоточіе церковной жизни; понятна поэтому заслуга предъ всѣмъ православнымъ міромъ о. Макарія: трудами его поддержано значеніе Аѳона, какъ средоточіе строгаго, благоговѣйнаго православнаго богослуженія, и особенною признательностію обязаны ему мы, такъ какъ онъ утвердилъ эту высокую честь преимущественно за нашимъ Русскимъ монастыремъ. Укажемъ при этомъ на уваженіе и довѣріе питаемыя нашими старообрядцами къ Аѳону за строгость его службъ.

Только благодаря великому нравственному значенію о. Макарія возможно было также неуклонное, послѣдовательное до конца осуществленіе общежительнаго устава, требующаго полнаго отреченія отъ личныхъ выгодъ въ членахъ братіи. Въ отцѣ Макаріѣ братія имѣла передъ собою первый примѣръ отреченія отъ благъ міра сего; въ немъ же она видѣла и примѣръ христіанскаго смиренія и любви. Нельзя, дѣйствительно, представить себѣ болѣе возвышеннаго урока, какъ отношенія властнаго игумена къ духовному своему отцу и учителю, о. Іерониму, безъ совѣта и благословенія котораго о. Макарій ничего не предпринималъ. Отдадимъ однако должную честь и Русскому народу, наиболѣе способному къ отреченію отъ себялюбивыхъ чувствъ и къ совмѣстной общественной жизни. Весь строй Аѳонской жизни основанъ на подчиненіи свободно-признанной власти, такъ какъ у Турокъ нѣтъ конечно побудительныхъ причинъ содѣйствовать внѣшними средствами поддержанію монашескаго благочинія, а въ Россіи безъ особаго утвержденія Синода Аѳонскій постригъ по закону даже не признается, и Аѳонскій монахъ вполнѣ свободенъ, вернувшись въ отечество, возвратиться въ прежнее свое состояніе. Велика поэтому заслуга о. Макарія, умѣвшаго соединить, въ силу нравственнаго своего значенія, многочисленную свою братію не поблажками и удобствами, а самымъ строгимъ примѣненіемъ монастырскаго устава; великъ и тотъ народъ,

который стремится къ наиболѣе полному и вслѣдствіе того трудному осуществленію духовныхъ своихъ идеаловъ.

Неоцѣнима заслуга о. Макарія предъ Русскимъ народомъ въ томъ, что, благодаря ему, простыя, но жаждущія духовной истины сердца не обманываются въ своихъ ожиданіяхъ найти на Св. Горѣ духовную пищу, которой они на ней ищутъ. Тогда какъ въ Іерусалимъ притягиваетъ поклонниковъ святость самого мѣста, на Аѳонѣ издревле ищутъ они высокаго утѣшенія въ строгомъ и благоговѣйномъ церковномъ служеніи и въ духовномъ жизненномъ поученіи.

Не касаемся въ настоящей краткой замѣткѣ ни заботъ о. Макарія о правильномъ устройствѣ паломничества учрежденіемъ прекрасныхъ подворій съ домовыми церквами въ Одессѣ и Константинополѣ, гдѣ поклонники попадаютъ въ соотвѣтственную цѣли ихъ странствованія обстановку, ни по-истинѣ государственнаго дѣла — безкорыстнаго возстановленія Ново-Аѳонскаго монастыря на Кавказѣ послѣ разоренія его Турками въ прошлую войну. Монастырь этотъ, стоившій Пантелеймоновской обители нѣсколько сотъ тысячъ, служитъ твердымъ основаніемъ христіанской и Русской образованности на Черноморскомъ берегу Кавказа. Не касаемся еще многихъ другихъ проявленій мудрости и дѣятельности почившаго старца. Позволимъ себѣ указать лишь на одну сторону въ дѣятельности о. Макарія, на его заслугу предъ Россіею по отношенію ко внѣ насъ стоящему православному міру. Несомнѣнно, что къ Россіи должно перейти руководящее значеніе въ православномъ мірѣ; для этого Богъ даровалъ ей духовныя и матерьяльныя силы и поставилъ для охраны и служенія Своей Церкви во главѣ ея Православнаго Царя. Это долженъ будетъ признать и самолюбивый Греческій народъ, гордый своими неисчислимыми, правда, заслугами дѣлу Православія, своею непоколебимою вѣрностію ему. Хотя еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія онъ выставилъ добровольныхъ мучениковъ за вѣру Христову (трехъ юношей, Ново-Аѳонскихъ мучениковъ, мощи которыхъ покоятся на Св. Горѣ), хотя отвѣтное посланіе его патріарховъ папѣ въ 1848-мъ году составляетъ, по признанію Хомякова, самое выдающееся явленіе церковнаго учительства нашего столѣтія: но и Греки подобно остальнымъ Балканскимъ народамъ теряютъ постепенно свое прежнее общеніе съ церковною жизнью. Духовнымъ вождямъ ихъ, а тѣмъ болѣе пастырямъ другихъ нашихъ единовѣрцевъ, приходится все болѣе озираться на Россію, крѣпкую защиту Православія. Думаемъ, что плодотворная дѣятельность о. Макарія много способствовала возбужденію чувствъ уваженія и довѣрія къ Россіи, кото-

рыя облегчатъ въ будущемъ совмѣстное наше дѣйствіе. Въ продолженіе всей своей жизни о. Макарій твердо отстаивалъ права и выгоды Русскихъ; но въ борьбѣ, которую ему приходилось вести, онъ никогда не терялъ чувства мѣры и не забывалъ той общей почвы, на которой стоялъ со своими противниками. Благодаря этому, онъ сумѣлъ снискать себѣ искреннее ихъ уваженіе. Свѣтлый духовный маякъ, вознесенный о. Макаріемъ въ то время, какъ буря съ особою силою обрушилась на все церковное и православное на Балканскомъ полуостровѣ, не можетъ не привлечь взора и сердца всѣхъ, кто дорожитъ божественною истиною, направляя ихъ надежды на источникъ силы этого свѣта, на Россію. Если намъ въ будущемъ придется пожинать плоды этого духовнаго единенія, не забудемъ помянуть при этомъ и имя отца Макарія.

Отецъ Макарій, принявъ схиму, умеръ для міра; врядъ ли, однако, кто сдѣлалъ больше по своимъ силамъ для родины какъ этотъ удалившійся изъ ея предѣловъ Тульскій купеческій сынъ.

П. М.

ПИСЬМО ФИЛАРЕТА КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Благочестивѣйшій Государь!

Странный случай влагаетъ въ меня странное, можетъ быть, дерзновеніе предстать непосредственно Вашему Императорскому Величеству сими строками.

Сего дня получено мною чрезъ почту письмо нѣкоего есаула Котельникова, который (приписывая то дѣйствію Св. Духа) пишетъ: что онъ и его семейство гонимы за ревность къ защитѣ Царя и престола Его и святыхъ алтарей;—что дочь его видитъ видѣнія, касающіяся до безопасности Священной Особы Вашего Императорскаго Величества;—что Франкмасоны, подписавшіеся не быть Франкмасонами, не престаютъ быть ими;—что онъ, писавшій письмо, не держится подписаннаго имъ отъ нѣкоторой своей книги отреченія, къ которому, какъ говоритъ, принужденъ былъ угрозами и подарками;—что Библейское Общество оклеветано, и пр.

Долгъ вѣрности обязываетъ меня не оставить сего случая необъявленнымъ.

Предать оный гласности оффиціальнаго донесенія начальству не представляется приличнымъ для нѣкоторыхъ именъ и предметовъ письма. Посему пріемлю дерзновеніе представить сіе письмо въ подлинникѣ Высочайшему усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества. Упоминаемой же въ письмѣ книги: *Острый Серпъ* ни откуда мною получено не было.

Бога и Господа нашего Іисуса Христа молю, да во Святой церкви Его, подъ православнымъ владычествомъ Вашего Императорскаго Величества, неоскудно будетъ, какъ всегда вообще, такъ особенно нынѣ, благопотребное, благодатное дарованіе *испытывать духи, аще отъ Бога суть*.

Благочестивѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій богомолецъ Филаретъ, архіепископъ Московскій.

Августа 10-го 1825 г.

Приложенія.

1.

Ваше высокопреосвященство, милостивѣйшій архипастырь!

Препровожденный при почтеннѣйшемъ отношеніи вашего высокопреосвященства отъ нынѣшняго числа пакетъ Его Императорскому Величеству въ собственныя руки я не премину отправить сегодня съ почтою и о семъ вамъ, милостивѣйшій архипастырь, донеся, имѣю счастіе пребыть навсегда съ достодолжнѣйшимъ глубокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностію, вашего высокопреосвященства всепокорнѣйшій слуга Иванъ Рушковскій *).

№ 6307.—11 Августа 1825 г.

2.

Секретно.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, почтеннѣйшій о Господѣ братъ и сослужитель! Въ слѣдствіе высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія нужно имѣть свѣдѣніе, не получали ли вы отъ есаула Донскаго войска Евлампія Котельникова какихъ-либо писемъ, и если у васъ оныя есть, то покорно прошу ваше высокопреосвященство доставить ихъ ко мнѣ въ подлинникѣ неномедля.

Съ истиннымъ почтеніемъ и братскою любовію навсегда пребыть имѣю вашего высокопреосвященства усерднѣйшій слуга Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

№ 15 1-го Сентября 1825-го года.

Его высокопреосвященству Филарету, архіепископу Московскому.

(Сообщено К. П. Побѣдоносцевымъ).

Донской есаулъ Евлампій Никифоровъ Котельниковъ былъ основатель секты *Духоносцевъ*. Вызванный въ Петербургъ, послѣ бесѣдъ съ Аракчеевымъ и Фотіемъ онъ отрекся отъ своего лжеученія и въ 1824 году былъ отпущенъ обратно на Донъ. Аракчеевъ передавалъ Донскому атаману волю Государя, чтобы Котельникову не было „оказываемо посмѣянія или какого либо притѣсненія“. Въ слѣдующемъ году захотѣлось ему, видно, опять войти въ сношенія съ сильными міра сего. Кончилъ онъ жизнь въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1854 году. (См. Р. Старина 1871, IV, 95). Письмо его къ Филарету не отыскано. Очень вѣроятно, что онъ представлялся самому императору Александру Павловичу и бесѣдовалъ съ нимъ о своемъ вѣроученіи. Содержаніе книги его (рукописной): „Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ“, намъ неизвѣстно. Припомнимъ, что переписка шла передъ самою кончиною Государя. П. Б.

*) Тогдашній Московскій почтдиректоръ. П. Б.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга вторая. Николай Барсукова. Спб. 1889, 8-ка, VIII и 420 стр.

Когда появился первый томъ почтеннаго труда г. Н. Барсукова, мы имѣли случай обратить на него вниманіе публики, какъ на книгу, заслуживающую полнаго признанія со стороны всякаго интересующагося судьбами Русскаго просвѣщенія не слишкомъ отдаленнаго отъ насъ времени. Нынѣ неутомимый біографъ подарилъ насъ вторымъ томомъ жизнеописанія своего героя, томомъ, по содержанію и значенію въ историко-культурномъ отношеніи представляющимъ большой интересъ. Въ первомъ томѣ мы ознакомились съ тѣмъ, какъ формировалась высоко-любопытная личность М. П. Погодина; теперь мы слѣдимъ за первыми его шагами въ литературѣ и жизни. Въ первомъ отзывѣ мы имѣли случай указать на пріемы, которыхъ держится біографъ Погодина, на его матеріалы, на то, какъ онъ ими пользуется. Не повторяя этого здѣсь, заявляемъ, что книга г. Барсукова по достоинству оцѣнена компетентною критикой: укажемъ на отзывъ профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, помѣщенный въ Апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ рецензентъ вполнѣ оцѣнилъ значеніе данныхъ, сообщаемыхъ г. Барсуковымъ.

Не можемъ однако не остановиться на одной особенности его труда, повлекшей за собою неодобреніе критики, и, какъ кажется, не совсѣмъ справедливо. Рецензенты труда г. Барсукова ставятъ ему въ вину многочисленныя отступленія, не имѣющія въ ихъ глазахъ отношенія къ личности Погодина и потому представляющіяся имъ мало идущими къ дѣлу: таковы напр. подробности о слѣдованіи тѣла императора Александра Благословеннаго черезъ Москву и отрывки изъ сказаннаго по этому поводу слова митрополита Филарета, подробности объ юбилеѣ Лодера и засѣданіи Академіи Наукъ по поводу ея столѣтняго юбилея и т. под.

Мы не рѣшимся назвать такія отступленія излишними: дѣло біографа не состоитъ лишь въ томъ, чтобы очертить личность своего героя внѣ той среды, въ которой онъ жилъ и вращался и продуктомъ которой такъ или иначе онъ былъ. Поэтому, чѣмъ обстоятельнѣе будетъ очерчена и освѣщена эта среда, тѣмъ будетъ лучше для уразумѣнія личности героя. Кажется излишнимъ приведеніе отрывковъ изъ знаменитаго слова митр. Филарета надъ прахомъ Александра I-го; но не должно упускать изъ вида того, что слово это было голосомъ всего патріотически-настроеннаго въ то время, что оно нашло себѣ откликъ во множествѣ другихъ выраженій скорби по тяжелой потерѣ, что, естественно

предположить, выражаетъ и настроеніе самого Погодина. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, такая выдержка, вмѣсто того, чтобы показаться излишнею, представляется весьма умѣстною. Развѣ не важно, далѣе, прочесть подробности объ юбилеѣ Лодера, въ которомъ Погодинъ принималъ непосредственное участіе и по поводу его высказалъ много прекрасныхъ мыслей? Подобныя кажущіяся излишества представляются намъ канвою, по которой біографъ долженъ ткать узоры своего изложенія и безъ которой герой его, будучи оторванъ отъ мѣста и времени, легко можетъ представиться въ ложномъ свѣтѣ.

Далѣе, укоряютъ г. Барсукова въ томъ, что онъ не въ мѣру широко пользуется дневниками Погодина; кажется, что укоръ этотъ основанъ на недоразумѣніи. Дѣло въ томъ, что задача біографа представить личность своего героя, а не его оффиціальное положеніе, извѣстное изъ формулярнаго списка. Гдѣ же эта личность можетъ обрисоваться наиболѣе вѣрно какъ не въ дневникѣ, въ который заносится, безъ притворства и прикровенія, все видѣнное, слышанное, передуманное, перечувствованное? Вмѣсто того, чтобы укорять г. Барсукова, слѣдуетъ поблагодарить его за эти выписки и пожелать, чтобы и въ послѣдующихъ томахъ своего труда онъ пользовался дневникомъ Погодина такъ же широко, какъ и въ появившихся. Бояться, что вслѣдствіе этого біографія приметъ большіе размѣры, смѣшно.

Переходя къ обозрѣнію содержанія втораго тома, замѣтимъ, что оно заинтересуетъ всякаго, кто полюбопытствуетъ ознакомиться съ подробностями литературной и ученой жизни нашего отечества въ тридцатыхъ годахъ. Личность Погодина была, если можно такъ выразиться, многообъемлюща, и онъ входилъ въ соприкосновеніе со многими. Этому значительно способствовало то обстоятельство, что къ излагаемымъ въ разсматриваемомъ томѣ годамъ относится дѣятельность Погодина по изданію Московскаго Вѣстника, поставившая его въ связь со множествомъ литераторовъ и ученыхъ, начиная съ Пушкина, князя Вяземскаго и др. Читая изложеніе г. Барсукова, мы знакомимся съ виднѣйшими представителями тогдашней интеллигенціи и часто выслушиваемъ ихъ любопытнѣйшія признанія, которыя они дѣлали въ дружеской перепискѣ.

Для исторіи того, что̀ современные Нѣмцы зовутъ культурою (Culturgeschichte), книга г. Барсукова содержитъ множество цѣннаго матеріала.

И. Помяловскій.

**

Обширный трудъ *Д. А. Ровинскаго*: „Подробный словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ“, плодъ многолѣтняго собиранія и неутомимыхъ розысканій, появился, наконецъ, въ печати въ четырехъ томахъ, со множествомъ превосходно исполненныхъ геліогравюръ. Нельзя не привѣтствовать эту, такъ сказать, *лицевую исторію* Русскаго общества XVIII и XIX-го столѣтій. Описанія гравюръ сопровождены біографическими свѣдѣніями, въ сообщеніи которыхъ, по мѣрѣ нашей возможности, сочли мы долгомъ участвовать въ виду важнаго историческаго значенія этаго дѣла. Къ сожалѣнію, при этомъ вкрались въ печать нѣкоторыя неточности, и буквы П. Б., обозначающія наше посильное сотрудничество, иной разъ попали не на свое мѣсто.

Петръ Бартеневъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1889 ГОДА.

(Выпуски 5, 6, 7 и 8).

Стр.

Бояринъ и воевода князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Статья **Г. А. Воробьева**. 465

Автобіографія стольника **В. А. Даудова**, XVII вѣка..... 5

Казанскій митрополитъ Маркеллъ. **Архимандрита Леонида**..... 304

Два письма князя **Антіоха Кантемира**. 517

Историческія гробницы (графа А. И. Шувалова, его супруги и И. И. Костюрина). Священника **С. Богословскаго**... 520

Бумаги, относящіяся ко взятію Берлина въ 1760 году..... 305

Елисаветинская медаль побѣдителямъ Прусаковъ. **Кн. М. А. К—а**..... 308

Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ. Очеркъ изъ исторіи Русскаго театра. **А. Н. Сиротинина**..... 399

Къ исторіи Московскаго Англійскаго клуба (1802—1844)..... 85

Два письма Московскаго почтдиректора **Ѳ. П. Ключарева** къ министру полиціи А. Д. Балашову (1810)..... 311

1812-й годъ. Посланіе Тамбовскаго гражданскаго губернатора Нилова..... 153

Письмо **графа Н. С. Мордвинова** къ А. А. Столыпину (1813)..... 313

Письма **митрополита Евгенія Болховитинова** къ В. Г. Анастасевичу. (1813—1820).....21, 161 и 321

Пензенскіе духоборцы въ 1816 году. **Н. Евграфова** 389

Письмо **Филарета** къ Александру Первому..... 577

Пернатый батальонъ (при Аракчеевѣ). 562

Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Конецъ 1826 года..... 536

Инструкція **графа Бенкендорфа** чиновнику „Третьяго Отдѣленія“..... 396

По поводу этой инструкціи..... 522

Письма **князя А. Ѳ. Орлова** къ графу А. Х. Бенкендорфу. 1837..... 525

Стр.

Магистерскій диспутъ Грановскаго. Изъ воспоминаній **Ѳ. П. Еленева**..... 564

Воспоминанія о Лермонтовѣ **Э. А. Шанъ-Гирей** 315

Изъ воспоминаній княжны **В. Н. Репниной** 155

Изъ дневника и записной книжки графа **П. Х. Граббе** (1854—1857).

Изъ бумагъ **митр. Иннокентія** о дарованіи епископовъ старообрядцамъ.... 146

Двѣ записки **митрополита Филарета** о раскольническомъ и единовѣрческомъ духовенствѣ. 1848 и 1864..... 292

Разговоръ съ митрополитомъ Филаретомъ (Сообщено **Н. И. Кедровымъ**). 462

Макарій Аѳонскій **П. М**..... 569

Польскій мятежъ 1863. Письмо старообрядцевъ и рѣчь **императора Александра Николаевича**..... 159

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ**. Главы VIII—XI (1859—1862). Въ приложеніяхъ: Письма **А. В. Головнина** и **А. П. Карцова** къ князю Барятинскому и **князя Барятинскаго** къ графу Д. А. Милютину... 99, 237 и 425

Плѣнный Шамиль передъ княземъ Барятинскимъ. Объясненіе картинки... 157

Къ исторіи покоренія Восточнаго Кавказа. **Барона А. П. Николаи**..... 531

Моимъ возражателямъ. Статья **Д. И. Иловайскаго** 129

О сочиненіи Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина“. **И. В. Помяловскаго**..... 577

По поводу новаго труда Д. А. Ровинскаго 579

Объ историческомъ значеніи слова „кормленіе“. **В. О. Ключевскаго**..... 138

В. А. Кокоревъ. Некрологъ..... 160

Историческая замѣтка **А. Л**..... 320

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1856-й годъ.

Ревель. 1-е Января. Съ чувствомъ глубокой признательности къ Промыслу Божію встрѣчаю этотъ годъ и съ готовностію покориться волѣ Его во всемъ, что̀ меня ожидаетъ. Чувство это еще усилено, когда я пробѣжалъ взглядомъ предшествующія строки, коими заключены замѣтки 1853-го года и послѣ которыхъ книга осталась бѣлою, по чувству негодованія, превышавшаго всякое выраженіе*). Судъ Божій сокрушилъ самихъ судей, почитавшихъ себя выше всякаго суда, и быстро, какъ ураганъ, съ корнемъ вырвалъ самые гордые дубы. Богъ съ ними!

3-го. Вчера сдѣлалъ нѣсколько визитовъ здѣшнимъ главнымъ лицамъ. Отпустилъ въ Москву братьевъ Никитиныхъ съ письмомъ къ А. П. Ермолову. Иностранныя суда продолжаютъ приходить въ гавань. Вчера оттепель.—Лидерсъ главнокомандующимъ вмѣсто князя Горчакова. Сухозанетъ—Южной арміи. Не-

*) Эти слова относятся къ извѣстному дѣлу Политковскаго, похитившаго деньги Комитета о раненыхъ, всѣ члены котораго, слѣд. и графъ П. Х. Граббе, были преданы военному суду и подвержены такъ называемому домашнему аресту, между тѣмъ какъ большинство ихъ, установившимся способомъ веденія дѣлъ, лишены были возможности слѣдить за плутнею Политковскаго (дѣлопроизводителя). Самъ комендантъ Петропавловской крѣпости, Мандерштернъ считался подъ арестомъ. Государь Николай Павловичъ занемогъ съ огорченія и воскликнулъ: «конечно Рылѣевъ и его сообщники со мною не сдѣлали бы этого». На вечерахъ и ужинахъ Политковскаго появлялись видныя лица высшаго общества. Какъ извѣстно, растрата была пополнена пожертвованіемъ богача Яковлева. Полнѣйшая неприкосновенность графа Граббе, конечно, не требовала доказательствъ; но онъ вытерпѣлъ муку позора. — Его дневникъ 1856 года начатъ въ оставленной тетради 1853-го. *П. Б.*

покойчицкой и князь Васильчиковъ у нихъ начальниками штаба. Коцебу начальникомъ 5-го корпуса. Все это быть можетъ лучше, но не довольно.

12-го Января. Разстроенъ тѣломъ и духомъ и въ раздражительномъ расположеніи. Слухи о мирѣ еще преждевременные, но сдѣланъ первой къ тому приступъ. Распускаю лучшихъ моихъ сослуживцевъ для ихъ пользы, себѣ быть можетъ во вредъ.

15-го. Le zèle inintelligent et qui obéit à la peur est plus à craindre que la sottise elle-même.

22-го. 20-го умеръ фельдмаршалъ Паскевичъ въ Варшавѣ. Для него начнется дѣйствительная исторія, а не та, которую писали подъ его диктовку.

Благородный старикъ, членъ Государственнаго Совѣта, баронъ Паленъ, навѣстилъ меня вчера, переѣхавъ на остатокъ зимы въ городъ.

31-го. Отъ 25-го, въ день бракосочетанія Великаго Князя Николая Николаевича съ принцессою Александрой Петровной Ольденбургской, получилъ благоволительный рескриптъ Государя Императора за время командованія моего въ Эстляндіи.

Навѣстилъ г. л. Крузенштернъ, военный губернаторъ Одесской, пріѣхавшій сюда въ отпускъ въ свое имѣніе.

6-го Февраля. Shéridan après le traité d'Amiens a dit: C'est une paix dont tout le monde est content et dont personne n'est fier.— On en dira autant de la paix à laquelle on travaille.

Безакъ назначенъ командиромъ 3-го корпуса. Баранцовъ на его мѣсто начальникомъ штаба фельдцейгмейстера. Графъ Орловъ съ Бруновымъ выѣхали въ Парижъ.

9-го. Вчерашній вечеръ провелъ съ семействомъ въ залѣ Шварцгеунтеровъ по случаю ежегоднаго праздника здѣшняго мѣщанства, Liedertafel. Человѣкъ сорокъ, наиболѣе ремесленнаго сословія, подъ дирекціей капельмейстера, пѣли пѣсни. Посѣтители размѣстились семействами вокругъ небольшихъ столовъ, украшенныхъ цвѣтами въ горшкахъ (гіацинты и тюльпаны), и на каждомъ графины съ оржадомъ и малиновымъ питьемъ, также конфекты, миндаль и изюмъ. Зала была полна. Между женщинами нѣсколько пріятныхъ лицъ, туалеты скромные и приличные. Для мущинъ въ особыхъ столовыхъ хорошій ужинъ и вина. Все вмѣстѣ чинно и привѣтливо. Мѣщанское сословіе здѣсь далеко опе-

редило наше Русское воспитаніемъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго возвратились домой. Великолѣпная зимняя свѣтлая ночь.

Прочелъ Записки адмирала Чичагова о событіяхъ 1812-го года, въ которыхъ онъ игралъ важную роль, особливо въ происшествіяхъ на Березинѣ. Съ удовольствіемъ удостовѣрился, что тогда же на мѣстѣ составилъ себѣ понятія сообразныя съ истиною, вопреки почти общему тогда мнѣнію въ обвиненіе Чичагова и въ пользу графа Витгенштейна и Кутузова. Онъ одинъ дѣйствовалъ рѣшительно и сообразно общему плану, по которому на Березинѣ предположено было уничтожить отступавшую Французскую армію.

12-го Февр. Le schah de Perse ayant demandé à son ambassadeur, de retour de Constantinople, ce qu'il a vu dans l'empire Ottoman: «Sire, répondit celui-ci, j'ai vu qu'on démolissait la province pour construire la capitale avec ses débris».

Мой адъютантъ Никитинъ возвратился изъ отпуска и привезъ превосходный акварельный портретъ А. П. Ермолова, снятый имъ въ Москвѣ. Эта работа ставитъ Никитина въ число первыхъ акварелистовъ у насъ. Къ сожалѣнію, А. П. проситъ меня убѣдительнымъ письмомъ подарить ему этотъ портретъ, какъ превосходящій всѣ прежніе, для его семейства, а довольствоваться фотографіей. Надобно уступить.

Не смотря на общее ожиданіе успѣха мирныхъ переговоровъ, мы готовимся къ новой кампаніи. Занимаемся стрѣльбой въ мишень съ береговыхъ батарей, пользуясь замерзшимъ рейдомъ. Ближайшая дистанція двѣ версты. Мы доходимъ до 1800-ти саженъ, и прицѣльно 320-ть орудій покроютъ рейдъ концентрическимъ огнемъ по очертанію берега и должны удержать непріятеля въ пяти верстахъ разстоянія отъ Ревеля.

Сію минуту получилъ изъ Петербурга письменное извѣстіе о перемиріи до конца Марта, но блокада остается. Въ Крымъ отправлены по этому предмету повелѣнія. Гр. Орловъ принятъ въ Парижѣ публикой съ энтузіазмомъ, Наполеономъ въ продолжительной аудіенціи съ привѣтливостію, но не связываясь никакими обѣщаніями. Распространившейся общей увѣренности въ мирѣ нѣтъ еще достаточнаго основанія.

Въ эти дни получены повелѣнія относящіяся до приготовительныхъ мѣръ, въ предвидѣніи заключенія мира, также коро-

націи. Навѣстилъ пріѣхавшій изъ Петербурга ген. адъют. К.....ъ. Непостижимыя нелѣпости на счетъ важнѣйшихъ предметовъ, относящихся до правительственныхъ дѣйствій въ войнѣ и мирѣ. И это отголосокъ мнѣній людей, могущихъ имѣть нѣкоторый вѣсъ въ совѣтахъ!

4-го Марта. Вчера депутація Эстляндскаго дворянства: предводитель баронъ Унгернъ-Штернбергъ, графъ Кейзерлингъ, баронъ Паленъ и Лидерсъ прибыли ко мнѣ съ предложеніемъ вступить въ ихъ сословіе. Не было ни причины, ни возможности уклониться отъ этой чести. Съ ихъ стороны это выраженіе признательности, для меня пріятной, за успѣшныя старанія мои отклонить отъ края по возможности тягости военнаго положенія.

11-го Марта. Вчера вечеромъ навѣстилъ меня здѣшній помѣщикъ Толь, сослуживецъ Турецкой и Польской войны, вышедшій въ отставку послѣ двѣнадцати штыковыхъ и сабельныхъ ранъ, отличный офицеръ и благородный, умный человѣкъ. За чаемъ воспоминанія изъ тогдашней эпохи. Онъ былъ со мною въ числѣ охотниковъ при переправѣ чрезъ Дунай и взятіи Рахова.

Въ полдень былъ на стрѣльбѣ въ мишень съ батарей центра и лѣваго фланга на тысячу сажень.

15-го. Четвергъ. La plupart des hommes s'attachent plus fortement par un bienfait qu'ils espérent que par plusieurs qu'ils ont reçus.

Le 19 mars. A m—r Pérovsky.

Recevez mes sincères félicitations sur l'heureux évenement dont l'attente vous a tant causé de soucis et d'angoisses. Eh bien, la paix est faite, et la nouvelle m'en a été communiquée hier encore par le ministre de la guerre. J'ai commencé sans retard et même avant la seconde dépêche du prince Dolgoroukov à suspendre et a arrêter toutes les mesures de défense qui étaient en voie d'exécution. Je le faisais même avant dans la prévision imminente de la paix. J'espère avoir prévenu par là plusieurs dépenses, devenues désormais inutiles. Je toucherai maintenant la question délicate des mutations auxquelles chacun peut s'attendre dans le nouvel ordre des choses, dans lequel nous allons entrer. Je suis arrivé à penser qu'il vaudra peut-être mieux pour moi de rester ici, si telle est la volonté suprême. Je n'y mets, s'entend, ni trop d'ardeur, ni aucune répugnance. Mes relations sont agréables, et

je ne saurais vraiment pas, en embrassant d'un coup d'oeil l'ensemble de ma position, ce que je pourrais me permettre de désirer qui serait préférable à ma position actuelle, si toutefois on a daigné être content de moi. J'en subis dans ce moment l'épreuve. J'ai écrit, il y a quelque temps, au c-te Rudiger, que, tourmenté par une dette contractée pendant les plus mauvais jours de ma vie, je le prie d'intercéder pour un emprunt à retenir sur mon traitement.—Nos protegés, les enfants pauvres de Reval, ont eu hier une bonne journée, ou plutôt une bonne soirée. La lotterie et le bazar ont produit, je crois, quelque chose comme environ 2-m. rbls. N'ayant pas encore vu Schoultz ce matin, je ne saurai dire au juste. Jamais pareille aubaine n'a eu lieu pour cet établissement. Mais il y a là quelque chose à faire pour consolider et assurer son entretien pour la durée. Nous faisons venir le réglement d'un établissement pareil à Cronstadt, qu'on dit être bon.

5 (17) Апрѣля. Происшествія спѣшатъ быстро одно за другимъ. Миръ Европейской подписанъ. Ратификаціи не замедлятся. У насъ все готовится къ коронаціи Императора, по случаю которой соберется въ Москвѣ масса войскъ, въ прошедшей войнѣ не участвовавшихъ. На Западной и Южной границахъ вмѣсто четырехъ армій устроено двѣ подъ начальствомъ князя Горчакова и Лидерса.

20-го Апрѣля (2-го Мая). Военной министръ сообщилъ мнѣ указъ Сената отъ 12-го сего мѣсяца, что я всемилостив. уволенъ отъ исправленія должности военнаго губернатора и командующаго войсками въ Эстляндіи. 18-го приказомъ я сложилъ съ себя должность в. губ. на коменданта, а войскамъ предписалъ относиться прямо къ своимъ корпуснымъ начальникамъ. Штабъ мой уже пустѣетъ.

Съ прекращеніемъ содержанія по военному положенію опять наступили уничижительныя заботы о средствахъ существованія.

Tous mes rôles ici sont finis, et aucun autre jusqu'ici ne m'est adjugé. Et cela si cavalièrement, si rondement que je me trouve subito comme une épave, jettée sur la plage de Reval, dont personne ne voudrait. Personne et rien ne m'appelant ailleurs, je me proposai de rester ici pendant la durée de la saison des bains de mer, quand la visite annoncée de l'Empereur a ajouté une raison de convenance de plus à cette résolution. J'en suis à ruminer s'il n'est pas temps enfin pour moi de renoncer définitivement à cette lutte laborieuse contre l'inat-

tention et, mieux que cela, pour cacher le reste de mon existence dans une retraite bien modeste, sur les agréments de laquelle je ne me fais aucune illusion.

12-го Мая. Le rôle le plus honorable dans la conversation est de fournir aux autres l'occasion de parler. Et c'est là ce qu'on appelle conduire la danse.

2-го Іюня. Вчера переѣхалъ съ семействомъ въ Екатеринталь. Испытаніе хорошо пересенное. Шкатулка со всѣми деньгами около часу пропадала при общей увѣренности, что украдена въ безпорядкѣ переѣзда. Никому изъ домашней прислуги не оказано, и даже не было, подозрѣнія, и не показано гнѣва за недосмотръ. Волынская музыка встрѣтила въ саду. Извѣстіе изъ Петербурга, будто бы назначаюсь посломъ въ Константинополь.

23-го. Ce qu'il y a de plus pur, de plus beau, de plus noble en ce monde

C'est chûte, abaissement, misère extérieure,
Acceptés pour garder la grandeur du dedans.

31-го. Съ 28-го на 29-е въ полночь пріѣхалъ Государь и остановился въ Екатеринентальскомъ дворцѣ. Константинъ Николаевичъ пришелъ на пароходѣ «Грозящемъ» нѣсколько часовъ прежде. Неудачи перваго пріема по неимѣнію общаго начальника. Даже чай я послалъ отъ себя Великому Князю, сливки Государю. Провизіи для стола не были приготовлены. Смотръ войскамъ, батареямъ и балъ загладили все, и Государь выѣхалъ, кажется, доволенъ, обворожив всѣхъ своимъ обращеніемъ. Ко мнѣ былъ особенно благосклоненъ. Вчера обѣдалъ съ княземъ Суворовымъ у губернатора на дачѣ. Завтра по позволенію Государя перейду во дворецъ.

La Providence, qui garde si bien ses secrets, n'avait pas encore dit le sien, et les Russes ne savaient pas qu'ils étaient à la veille de leur grandeur, et Napoleón savait encore moins qu'il était à la veille de sa chûte! Pourtant de ces secrets providentiels il en transpire toujours quelque chose pour le génie, quelquefois même pour la passion.

Pourtant, de la prévoyance du fait au fait lui-même il y a toujours une différence que les hommes sentent très vivement.

Lord Wellington, quoique peu fertile en combinaisons ingénieuses et hardies, était néamoins attentif aux occasions que la fortune lui présentait. Il ne les créait pas, mais il les saisissait, et en général

cela suffit: car celles que la fortune offre sont toujours les plus sûres, tandis qu'on ne les crée jamais soi-même qu'au prix de beaucoup de hasards et de périls.

Tacite le disait: les remèdes sont plus lents que les maux. Un règne qui répare a peu de mouvement et d'action.

C'est la vérité, souvent méconnue, que l'immortalité d'une famille sur le trône est une sauvegarde pour les droits du peuple, et que tout conquérant est oppresseur.

Rien n'est plus uniforme que l'ignorance, et la barbarie n'admet pas de degrès.

4-го Августа. С.-Петербургъ. Il n'y a en politique point de plus grande faute, et en morale politique point de tort plus grave, que d'exalter sans mesure les espérances déjà si promptes des peuples, et d'ouvrir devant leur imagination, comme leur prochaines conquêtes, des perspectives dont ils n'atteindront peut-être jamais le terme et dans lesquelles, en tout cas, ils ne marcheront qu'à pas lents.

On n'abolit pas en un jour des siècles d'iniquités et de tyrannie; on ne régénère pas un peuple par quelques lois.

*

14-го Сентября. Петербургъ. Вчера возвратился изъ Москвы, послѣ мѣсяца пребыванія въ Москвѣ на коронаціи. Моя поѣздка была нужна для старшихъ сыновей, съ которыми тамъ увидѣлся. Она дорого стоила, и еще предстоятъ важныя, не по силамъ, издержки. Я получилъ первой степени Владимира, и Ольга сдѣлана фрейлиною къ императрицамъ. Ничто меня не порадовало. Почему, будетъ вѣроятно высказано въ другомъ мѣстѣ. Въ вознагражденіе почти каждый день видѣлся съ А. П. Ермоловымъ. Познакомился съ Хомяковымъ, разнообразно замѣчательнымъ; съ Аксаковымъ сыномъ, съ Тютчевымъ дипломатомъ; часто съ Тотлебеномъ, съ княземъ Горчаковымъ, министромъ. Но общее впечатлѣніе было для меня такъ грустно, такъ раздражительно физически и нравственно, что, не дожидаясь конца пребыванія двора и продолженія празднествъ, я отпросился у Государя возвратиться въ Петербургъ и даже отказался отъ принятаго намѣренія съѣздить въ Тулу къ Мосоловымъ, не смотря на рожденіе внучки, сдѣлавшей меня дѣдомъ. На желѣзной дорогѣ хорошо познакомился съ генер. Капгеромъ и время провелъ въ занимательномъ разговорѣ, сократившимъ пріятно скучные и шумные

часы ѣзды. И вотъ я дома, въ кабинетѣ, съ моими книгами. Мой Владимиръ явился ко мнѣ уже пажемъ, бодрой, здоровой. Успокоится духъ, и чувство благодарности вознесется молитвой къ Творцу, надъ всѣми ощущеніями, затемнившими въ эти дни мою душу.

18-го Сентября. Вчера съ сыномъ Михаиломъ верхомъ въ Екатерингофъ. Обѣдалъ у к. В. В. Долгорукова. Струговщиковъ прочелъ отрывокъ изъ его перевода Гёте Фауста, которой въ печати. Окончилъ четырнадцатой томъ Tiepa Consulat et l'Empire. Кампанія 1812-го года. Есть промахи въ фактахъ, которыхъ легко было избѣжать. Вѣсы справедливости не тверды въ его рукахъ. Въ сужденіяхъ часто бываютъ противорѣчія. Униженіе нашей арміи почти вездѣ падаетъ, наконецъ, на самого противника, побѣжденнаго и уничтоженнаго ею.

Un souverain ne doit être à l'armée que lorsqu'il est général; quand il ne l'est pas, il doit s'éloigner et laisser en liberté un général responsable, au lieu de se mettre à côté de lui pour le contrarier et assumer toute la responsabilité sur sa tête.

De même que l'extrême oppression provoque la révolte, l'esprit supérieur qui abuse de sa supériorité provoque quelquefois de justes reparties, auxquelles, pour sa punition, il ne trouve pas de répliques.

Ainsi Napoléon, quoique doué au plus haut point de l'art de séduire, quand il se donnait la peine de l'employer, il ne pouvait plus sans danger être mis en présence des hommes avec lesquels il avait à traiter: tant l'irascibilité de la toute-puissance était devenue chez lui violente et difficile à contenir.

Les progrès de cette humeur despotique, fantasque et intempérante, qui ne tient pas plus compte des caractères que des éléments, qui traite les hommes, la nature, la fortune comme des sujets trop heureux de lui obéir, bien impertinents de ne pas le faire toujours, humeur fatale et puérile tout à la fois, prenant même chez les hommes du plus grand génie quelque chose de l'enfant, qui désire tout ce qu'il voit, veut tout ce qu'il désire, le veut sur le champ, sans admettre un délai ni un obstacle, et crie, commande, s'emporte ou pleure, quand il ne l'obtient pas. C'est là bien plus que la déchéance de l'esprit, c'est celle du caractère, gâté par le despotisme, et c'est la vraie cause qu'on verra dominer d'une manière désastreuse dans les événements.

19-го Сентября. Il est rare que les hommes conservent leur raison en présence d'une idée dominante.

Le déchaînement contre Barclay de Tolly était universel. Les généraux comme les hommes politiques ont besoin de courage civil, et doivent savoir dédaigner les vains propos de la soldatesque, qui a aussi souvent perdu les armées que la multitude a perdu les états libres quand on l'a écoutée.

Chose cruelle à dire, nombre effrayant à prononcer, quatre vingt dix mille hommes environ, c'est à dire la population entière d'une grande cité, étaint étendus sur la terre, morts ou blessés.

Ce que les hommes empruntent avec le plus de facilité à ceux qui les ont dévancés dans l'art de vivre, c'est l'art de jouir.

Rostopchin, en brûlant Moscou, ne nous avait privés de rien: car il restait dans cette vaste capitale assez de toits pour nous abriter, assez de vivres pour nous nourrir; il avait neanmoins creusé un abime entre les deux nations, réveillé contre nous toute la violence des haines nationales, rendu les négociations impossibles et ranimé toute l'energie de l'armée russe, que l'impuissance apparente de ses efforts commençait à décourager.

La prudence de Koutousoff, fort louable sans doute, quand on considère l'ensemble de la campagne, ne fut pendant ces journées (celles de Krassnoé), qui auraient pu être décisives, que celle d'un vieillard timide, hésitant sans cesse, et à la fin se glorifiant de résultats qui étaient l'oeuvre de la fortune bien plus que la sienne.

*

27-го Сентября. Какая разнообразная жизнь въ послѣдніе четыре года и болѣе! Въ 1854-мъ, въ дни опасности, безъ готовности встрѣтить ее предусмотрительностію, императоръ Николай, призвавъ меня вькабинетъ, тотъ самый, въ которомъ онъ скончался, ввѣрилъ мнѣ защиту Кронштадта, забывъ, я надѣюсь, и въ увѣренности, что и я забылъ, нанесенное мнѣ глубокое оскорбленіе, столько шуму надѣлавшее, по дѣлу Политковскаго. Годъ прошелъ дѣятельно и счастливо. Непріятель не угадалъ своихъ выгодъ. Зимой, въ концѣ Декабря, императоръ снова принялъ мемя въ томъ же кабинетѣ и поручилъ на слѣдующій годъ защиту Ревеля съ званіемъ военнаго губернатора и командующаго войсками. Пріятный годъ по разнообразію и нерѣдко по возвышенности ощущеній, раздѣленныхъ моимъ военнымъ семействомъ и собственнымъ. Въ концѣ Генваря этого же 1855-го года я еще разъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ моими проэктами по ввѣренному мнѣ дѣлу, и опять въ

томъ же кабинетѣ убѣдилъ Государя утвердить мои предположенія, тогда уже въ послѣдній разъ простился, обласканный имъ. Черезъ три недѣли его не стало. И теперь не устроились еще въ душѣ моей разнородныя, глубокія впечатлѣнія, его кончиной возбужденныя, не всѣ невыгодныя. Два лѣта проведенныя въ Екатеринталѣ останутся и для меня и для семейства незабвенны. Надѣюсь, что и не для насъ однихъ. Мы занимали, съ дозволенія Государя, его прекрасный дворецъ, въ 1854-мъ весь, въ слѣдующемъ пополамъ съ семействомъ Олсуфьевыхъ. Дѣйствіе ли чрезвычайныхъ обстоятельствъ, красота ли мѣстъ, открытаго моря, новыхъ лицъ и характеровъ въ ободренной и полезной дѣятельности, но все около меня дышало довѣренностію, усердіемъ, откровенностію. Будто лучшія стороны души внезапно раскрылись во всѣхъ, вступавшихъ какъ бы въ очарованной кругъ. Женщины поддавались и еще усиливали это общее настроеніе. Нѣсколько было прекрасныхъ. Теперь все разсѣялось, души сжались; но вспоминаю съ чувствомъ благодарности объ этихъ рѣдкихъ въ жизни, счастливыхъ дняхъ.

Dans le silence de la nuit, agenouille-toi devant Dieu et dis-lui: que Ta volonté sois faite! Mais ne t'agenouille pas devant l'homme. Si les impénétrables décrets de la Providence t'infligent de rudes épreuves, tourne-toi vers elle: c'est un secret entre elle et toi, et quand même ton coeur serait brisé, que ta lèvre n'en laisse pas échapper un mot! Laisse ton coeur se briser, laisse le éclater dans ta poitrine; sois calme et silencieux devant les hommes.

Прочелъ двѣ статьи о желѣзныхъ дорогахъ А. И. Кошелева. Кромѣ умнаго и полезнаго содержанія этихъ статей, должно встрѣтить съ радостнымъ привѣтомъ это явленіе откровеннаго разсужденія о предметахъ государственной пользы, такъ недавно еще бывшаго невозможнымъ.

30-го Окт. Somme toute, notre siècle est un siècle laid, dans lequel il est difficile de vivre, mais intéressant à observer.

11-го Ноября. Incontestablement nulle langue n'a besoin de plus de clarté que la langue militaire, à cause des conséquences funestes que peut avoir un mot mal interprété. Ce serait donc un travail d'une haute utilité que la révision de notre nomenclature, afin d'en bannir les termes à double usage.

Изъ письма къ А. П. Ермолову 27 Ноября 1856.

Никитинъ вышелъ на большую дорогу: пишетъ портретъ Государя и получилъ уже отправленіе на казенный счетъ за границу, оставивъ военную службу, чтобы слѣдовать своему призванію. Это счастливое для него начало художнической жизни. Въ эти дни встрѣчаю много знаменитостей, между прочими Муравьева-Карсскаго. Дѣльно не случается ни съ кѣмъ говорить. Здѣсь какъ-то некогда, все разговоръ встрѣчный, пустой. Всѣ какъ будто куда-то спѣшатъ. А между тѣмъ глаголъ временъ, металла звонъ настигаетъ то того, то другого. Живу наиболѣе въ своей семьѣ, тихо, почти счастливо, не имѣя по обыкновенію никакихъ по службѣ обязанностей, и съ признательностію видя къ себѣ благосклонность Государя, усиливаюсь объяснять это странное положеніе въ свою пользу. Вчера въ театрѣ неожиданно встрѣтился съ Позеномъ.—Праздникъ Георгіевскихъ кавалеровъ вчера отпразднованъ молебномъ и обѣдомъ великолѣпно. Привѣтливость Государя трогательна. Я здоровъ, ѣзжу верхомъ, много хожу, мало занимаюсь, но живо сохраняю чувство глубокой признательности и преданности къ моему отцу начальнику и благодѣтелю.

8-го Дек. На дворѣ идетъ густыми, крупными хлопьями, безъ вѣтра, тихой снѣгъ, тотъ снѣгъ, которому Гомеръ уподобилъ въ Иліадѣ краснорѣчіе Улисса, покрывавшее своими неистощимыми доводами всѣ возраженія своихъ противниковъ. Долго смотрѣлъ я на это нерѣдкое здѣсь явленіе суровой природы; мысли смѣнялись мыслями и наконецъ остановились на тоскѣ, овладѣвшей мною съ нѣкотораго времени, безъ причины особенно важной, тоскѣ, удалившей меня отъ общества, отъ близкихъ и хорошихъ знакомыхъ, и даже нѣсколько охладившей семейныя мои ощущенія. Не слѣдствіе ли это безконечныхъ, новыхъ впечатлѣній наступившаго періода въ положеніи Россіи, новыхъ лицъ, вышедшихъ на сцену, иногда вовсе неожиданныхъ, по прежнимъ объ нихъ понятіямъ, даже казалось невозможныхъ? Не просто ли неодолимое дѣйствіе лѣтъ уже преклонныхъ, усталость послѣ трудной борьбы цѣлаго полустолѣтія на поприщѣ жизни дѣятельной, невсегда судьбою ласкаемой? Или наступили дни послѣдняго съ нею расчета, неотклонимаго, неотложнаго, которые этою грустью о себѣ напоминаютъ? Готовъ, готовъ! Не въ томъ дѣло, а надобно возвратить ясность духа, до конца живое пріязненное чувство къ

людямъ, чувство признательности къ Божьему Провидѣнію за многое высокое, прекрасное, озлатившее мой путь въ жизни, а не уступать безсознательно наитію безпричинной грусти. Это задача!

9-го Дек. Вчера нѣсколько занимательныхъ разговоровъ съ посѣтителями: Силиверстовъ, Висковатовъ, Логиновъ; Никитинъ счастливый удачею портрета Государя, его обласкавшаго. Прочелъ Ампера статью Histoire de Rome à Rome, превосходно и сообразно съ моими понятіями и впечатлѣніями о предметѣ. Писемскаго крестьянскія сцены, вѣрно и хорошо. На дняхъ навѣстилъ извѣстный Позенъ, недавно пріѣхавшій изъ Малороссіи. Въ разговорѣ замѣчательно умѣнъ и въ настоящихъ обстоятельствахъ могъ бы быть употребленъ съ большою пользою, но много встрѣтитъ препятствій, изъ коихъ важнѣйшее—слишкомъ замѣтное превосходство ума.

22-го Декабря 1856. La pensée réformatrice n'est point la pensée révolutionnaire; l'une au contraire est le correctif de l'autre, et c'est par l'amendement successif des lois et des moeurs que les peuples évitent ces crises redoutables, où tout peut périr à la fois, où l'on sacrifie ce qu'on possédait sans gagner toujours ce qu'on désire.

Le beau est difficile, disait Socrate.

Rien ne mortifie plus une âme fière que de se trouver incapable du bien.

Qu'il nous reste la foi, même sans l'espérance!

Une infléxibilité éclairée: la première qualité d'un grand ministre.

Ni les folies, ni les iniquités, ni les bassesses ne méritent d'occuper nos souvenirs qu'à titre d'obstacles au triomphe du vrai et du juste. C'est dans la méditation comparée du bien et de ses limites, des idées et des réalités, des principes et des affaires, que se forme et se fortifie cette foi de la raison, la consolation de la vieillesse et de la solitude.

Ce qui a échoué, ce n'est pas notre pensée: c'est nous.

C'est l'ordinaire effet du despotisme habile que de frayer la route au despotisme qui ne l'est pas.

L'enthousiasme d'une génération naissante pour des vérités toutes nouvelles guide moins sûrement que la foi de tout un peuple dans les exemples et les lois qu'il tient de ses aïeux.

Le temps est un grand consecrateur; l'histoire et la tradition exercent sur les esprits un légitime empire.

Horace Walpole dit que Shakspeare n'est pas un auteur, mais tous les auteurs. Qui sait si la société anglaise n'est pas toutes les sociétes à la fois?

Si la gaieté se montre, c'est la vivacité d'esprit qui la donne; ce n'est pas le bonheur.

On n'a pas du malheur impunement, et le mécontentement de soi-même, eût-il la vanité pour palliatif, est, pour les sociétés comme pour les individus, une des plus tristes maladies de l'âme.

La politique, c'est le monde, c'est le siècle; et la religion, c'est le mépris du monde et du siècle. L'alliance est possible pourtant, et dans quelques âmes d'élite la piété a fortifié et rehaussé la vertu publique.

Quelle folie que la persécution religieuse, ce moyen assuré pour un gouvernement de rendre les gens mauvais citoyens par principe de consience.

C'est à relever la cause de la modération que doivent se consacrer tous les nobles efforts. Il y a une impartialité supérieure aux réactions contradictoires, aux entraînements alternatifs, une fermeté d'esprit qui ne sacrifie rien de ce qui est bon et vrai à ce qui est utile ou agréable, ni la dignité à la richesse, ni la liberté au repos, ni l'ordre à la passion, ni la justice à la vengeance. C'est là cette modération, signe de force et d'intelligence véritable. Elle est aussi rare que l'indépendance personnelle.

Le problème de la politique n'est pas de supprimer le mal ou de transformer le monde, mais de faire prévaloir le bien dans le monde, tel qu'il est.

*

23-го Декабря. Всю ночь шумѣлъ вѣтеръ на дворѣ. Теперь, по утру вьюга, одна изъ тѣхъ вьюгъ, въ которую вспомнишь и молишься за странствующихъ, застиженныхъ въ дорогѣ; а кто на нее смотритъ изъ окна, передъ горящимъ каминомъ, подъ теплой крышей, тотъ благодаритъ Бога за укрытое и покойно спящее свое семейство.

C'est qu'en matière de gouvernement il n'est pas une erreur qui n'aboutisse à une expiation d'autant plus rude qu'elle a été plus ajournée. Un malheur très ordinaire aux hommes d'état, c'est de ne pouvoir réparer leurs fautes, lors même qu'ils en ont l'entière bonne volonté.

L'esprit de dissipation avait été engendré par l'esprit de servilité, comme l'impiété le fut par l'hypocrisie.

Le programme de la cour se modifie bien moins que la politique du règne. C'est toujours la même activité dans le même cercle, la même stérilité dans un labeur incessant, la même dépense de forces pour ne rien embrasser et ne rien connaître au-delà du monde artificiel qu'on s'est fait et dans lequel on se claquemure.

1857-й годъ.

15-го Января. Давно и до новаго года не принимался за перо. Встрѣтилъ новый годъ въ кругу семейства, кромѣ замужней дочери Софіи Мосоловой. Много прочтено въ это время. 1-й томъ записокъ Мармона пріятно меня занялъ. Многое согласно съ тѣмъ, что̀ высказалъ и чему слѣдовалъ въ моей военной жизни. Движеніе Русскаго ума и рѣчи выразилось выгодно въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Русская Бесѣда въ особенности доставила мнѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Хомяковъ, Аксаковъ, Григоровичъ, князь Черкасскій, Кошелевъ, Бѣляевъ и другіе, счастливо и полезно разрабатываютъ почву народнаго быта, характера и ума. Языкъ, благодаря имъ, обогащается новыми, удачными оборотами рѣчи; высказаны смѣлыя истины, созрѣвшія въ продолженіе двадцатипяти-лѣтняго гнёта, подавлявшаго всякое стремленіе ума и достоинства. Спасибо имъ!

Слишкомъ еще свѣжо и ново, что̀ вводится въ законодательномъ, гражданскомъ и военномъ отношеніи, чтобы произнести рѣшительное мнѣніе. Благія намѣренія очевидны; въ исполненіи можно замѣтить промахи, иногда важные, вредно дѣйствующіе на сильно возбужденное общее мнѣніе, и ожиданія, быть можетъ, преувеличенныя и несбыточныя.

17-го Янв. Вчера былъ на раутѣ у министра иностранныхъ дѣлъ кн. Горчакова. Знакомство съ гр-ней Борхъ, принимавшей гостей. Сблизился съ г-мъ Хрулевымъ, сдѣлавшимъ себѣ имя въ Крымской войнѣ. Французскій посолъ гр. Морни съ молодой женой, рожденной княжной Трубецкой. На-дняхъ неловкость при объявленіи на Сенатской площади новыхъ правилъ при переходѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ государственные. Опять система безгласности о внутреннихъ происшествіяхъ. Старое на новый ладъ. Наши газеты полнятся статьями объ урожаѣ и пр.

Въ разговорѣ въ присутствіи Государя и Императрицы, мнѣ переданномъ на-дняхъ участвовавшимъ въ немъ пріязненнымъ мнѣ человѣкомъ, нѣсколько похвальныхъ обо мнѣ отзывовъ и сожалѣніе о бездѣйствіи, въ которомъ я остаюсь, объяснены словомъ Государя, что я лѣнивъ. Легко можно было найти что-нибудь посправедливѣе. Болѣе полувѣка службы на разныхъ поприщахъ

могли, въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ, довести до заключенія противуположнаго. Лѣнивъ я дѣйствительно на визиты и придворныя обязанности приличія условнаго. Исправляться уже некогда. Оправдать должна прошедшая жизнь, да и остальное время слишкомъ дорого и не туда направляетъ вниманіе, а повыше.

Les changements doivent venir d'en haut et non d'en bas; le pouvoir doit se modifier sans laisser de lacune dans son exercice.

J'aime à remplir mes devoirs, et, quand je n'en ai plus, j'aime à m'en imposer.

La confiance est le premier élément des succès, parce qu'elle est le complément de la discipline et de l'instruction. En effet, l'organisation, la discipline et l'instruction ont pour objet de faire d'une réunion d'hommes un seul individu. Or, les parties qui la composent ne sont pas compactes si la confiance ne vient pas donner une sorte d'énrgie à ce que l'instruction et la discipline ont déjà produit.

Je vois d'ici de corrects officiers de cavalerie blâmer une charge aussi abandonnée (Калафатъ 1828-го года); mais ils ont tort. Il y a des circonstances où, avec le risque de perdre un petit nombre d'hommes, on a la chance de faire un mal irréparable à l'ennemi. La guerre est un jeu de coeur humain: quand l'ennemi est rempli de terreur, il faut en profiter. Quelques centaines d'hommes de plus ou de moins dans une armée ne sont rien, et, dans le moment donné, dix hommes font tout fuir. Autant les grands mouvements doivent être méthodiques et soutenus, autant de petits corps, et particulièrement de la cavalerie, peuvent être abandonnés et lancés en enfants perdus. Il faut que la cavalerie charge toujours vigoureusement; car à force de méthode et de prudence elle ne sert plus à rien, et n'obtient aucun résultat. Sans doute, il faut que la cavalerie se conserve, que ses masses ne se compromettent pas légèrement; mais une fois dans l'action, tous ses mouvements doivent être rapides et décidés.

25-го Января. Вчера отправилъ записку военному министру, чтобы точнѣе ощупать свое положеніе при новомъ дворѣ. Сегодня написалъ управляющему имѣніями въ Малороссіи приготовить къ веснѣ все необходимое въ домѣ, на случай пріѣзда съ семействомъ. Кромѣ обѣда у Кочубеевъ, гдѣ собрались всѣ три брата, князь Левъ и Петръ, всего пять Кочубеевъ, я не выѣзжалъ сегодня изъ дому. Хочу сказать этимъ, что не дѣлалъ обычной своей прогулки, пѣшкомъ или верхомъ почти во всякую, чуть

сносную погоду. Утро мое прошло занимательно съ посѣтителями, Писаревскимъ, Михаиломъ Маркевичемъ и к-мъ Владимиромъ Долгоруковымъ. Послѣдній и первой только что возвратились изъ за границы и имѣли многое разсказать, особливо первой.

28-го Января. Въ Субботу былъ съ дочерьми на балѣ у сенатора А. М. Безобразова. Блестящій праздникъ. Вчера разводъ съ церемоніей въ манежѣ. Московскій полкъ. Государь не въ духѣ: рѣшено было предварительно быть недовольнымъ, по неудовольствію на полковаго командира. Какъ водится, при такомъ расположеніи досталось и другимъ. Дѣти учебныхъ заведеній во время пріема и ѣзды конныхъ ординарцевъ изъ любопытства вышли изъ рядовъ, какъ и прежде бывало. Государь подозвалъ Ростовцова и сдѣлалъ ему замѣчаніе, какъ всегда тихо и кротко. Этотъ наговорилъ грубостей, всѣхъ офицеровъ приказалъ арестовать, а дѣтей не отпускать домой! Такъ не возвратился и мой Александръ. О эти неловкіе и рабскіе исполнители!

Рѣдкій случай. По утру навѣстилъ меня г-нъ Баранцовъ, начальникъ штаба фельдцейхмейстера. На дняхъ, во время опыта мортиръ дальнаго бросанія на 2700 сажень, не смотря на предосторожности, принимаемыя въ этихъ случаяхъ, одинъ артиллеристъ пробрался незамѣченный, какъ полагаютъ для собиранія ядеръ, и на этомъ разстояніи брошенная бомба попала ему въ голову! Прицѣломъ этого и сотнями выстрѣловъ не удается сдѣлать. Новыя мѣры для поощренія селитрянаго производства. Безконтрактный пріемъ отъ помѣщиковъ селитры до 1861-го года. Хилійская сѣра. Открытіе сѣры въ Самарской губерніи.

Проэктъ Бельгійско-Французской компаніи на постройку въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, на условіяхъ далеко выгоднѣйшихъ, чѣмъ принятыя и утвержденныя уже съ компаніей Перейры и комп. Представленный Чевкину, онъ оставленъ безъ отвѣта!

Заемъ изъ Госуд. Казначейства 9 т. руб. съ уплатой въ девять лѣтъ по тысячѣ. Наконецъ, надѣюсь уплатить окончательно несчастные долги покойной жены, отравлявшіе столько лѣтъ моей жизни, а какъ потомъ? Посмотримъ! Хотя бы удалиться въ деревню. Жаль будетъ дочерей, которыхъ съ собой возьму и сыновей, которыхъ здѣсь оставлю. Но какъ сладить съ требованіями здѣшней дорогой жизни и моего положенія въ обществѣ?

30-го Января. Вмѣсто одного, распложеніе мелкихъ деспотовъ-фаворитовъ. Подлая сцена на разводѣ. Площадная выходка Р. противъ дѣтей учебныхъ заведеній, и это въ присутствіи Государя! Гнусная лесть отъ нихъ же въ стихахъ и прозѣ, помѣщенная въ разныхъ газетахъ по поводу его юбилея. — Ancien régime et la révolution Токвилля.

2-го Февраля. Согласіе на заемъ въ неприличномъ, почти оскорбительномъ тонѣ. Болѣе и болѣе утверждаюсь въ намѣреніи все оставить. Я видимо не нравлюсь и какъ будто лишній въ новомъ порядкѣ вещей. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго—это обыкновенный ходъ во всѣ времена человѣческихъ дѣлъ.

18-го былъ въ Петропавловскомъ Соборѣ на панихидѣ по покойномъ Государѣ. Потомъ навѣстилъ почтеннаго и благороднаго коменданта крѣпости г-ла Мандерштерна.

26-го. On a fait la paix faute de savoir faire la guerre. C'est le résumé de ces interminables discussions sur la triste issue de la dernière guerre.

Guizot définit le gouvernement actuel de l'Angleterre une démocratie servie par une aristocratie: définition parfaitement juste. Dans cette grande distribution du travail qui distingue la société anglaise, l'aristocratie est chargée du pouvoir, mais sous la surveillance et dans l'intérêt de la démocratie. La démocratie a autre chose à faire qu'à gouverner: elle se livre à l'agriculture, à l'industrie, au commerce, elle travaille et fait fortune; mais en se déchargeant des soucis du gouvernement sur ceux dont la fortune est faite et qui ont ce qui lui manque, l'indépendance et le loisir, elle ne les perd pas de vue et se tient en mesure de leur imposer ses volontés, quand elle juge à propos d'en avoir. Cette organisation unique au monde, qui approche beaucoup plus de la perfection qu'aucune autre combinaison connue, ne s'est pas formée tout d'un coup, par une constitution écrite sous la dictée d'une théorie: c'est le fruit de l'action insensible du temps.

28-го Февраля. Вчера навѣстилъ графа Кейзерлинга, губернскаго предводителя Эстляндіи, человѣка ученаго, благороднаго и умнаго. Разговоръ о вопросахъ, занимающихъ умы всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи въ настоящее время, удержалъ меня около часу времени съ нимъ. Даромъ слова онъ не владѣетъ, но мысли его здравы. Къ тому же онъ гнуситъ въ произношеніи.

2-го Марта. Полк. Викторъ Ермоловъ привезъ мнѣ письмо отъ своего отца Ал-я Петр. Съ удовольствіемъ увидѣлъ его опять утвердившійся щегольской почеркъ. Невольно сравниваешь, хотя сравненіе во многомъ неточно, почетъ, съ которымъ героическій старикъ Радецкій получилъ увольненіе отъ намѣстничества Ломбардіи. Впрочемъ и въ Австріи это довольно рѣдко. Онъ счастливѣе и особливо гораздо достойнѣе оканчиваетъ свое поприще, чѣмъ Паскевичъ. Ахиллъ Ден. Давыдовъ обѣдалъ у меня. Онъ сообщилъ мнѣ пріятное извѣстіе, что по слѣдствію о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ южной арміи, кн. Васильчиковымъ произведенному, г. Лидерсъ, котораго по всей Россіи молва огласила виновнымъ, оказывается правымъ. Виновные не тамъ и не тѣ, и потому все дѣло тихо окончится, по всей вѣроятности, безъ гласнаго оправданія Лидерса и безъ указанія на истинныхъ виновниковъ, кромѣ мелкихъ плутишекъ, которые за всѣхъ поплатятся.

Сію минуту вышелъ отъ меня гр. Генриковъ, завѣдывающій подъ начальствомъ г.-а. Мейендорфа казенными заводами. Я навелъ его на этотъ важный предметъ, подающій, какъ и всякой другой, поводъ къ разнымъ противорѣчащимъ сужденіямъ. Хрѣновской знаменитый заводъ подъ управленіемъ полковника Шишкова. 400 матокъ, числа жеребцовъ не помню. Рѣшительная мѣра при поступленіи завода изъ подъ вѣдомства графа Киселева въ настоящее. 260 лошадей были заражены венерическою болѣзнію и пристрѣлены. Заводъ доставляетъ превосходныхъ лошадей. Земскія конюшни, 60-ть, кажется, на губернію. Кромѣ того еще четыре завода въ южной Россіи, Харьковской губ. въ селѣ графа Гендрикова. Приглашеніе навѣстить его тамъ. Это стоитъ того. Оно извѣстно отличнымъ устройствомъ.

Какая дрянь, великій Боже,
Подъ часъ бываетъ человѣкъ!

3-го Марта. Вчера цѣлый день провелъ дома, не совсѣмъ здоровый. Утромъ фельдъ-егерь привезъ мнѣ высочайшій рескриптъ по случаю пятидесятилѣтія моей службы съ офицерскаго чина, а мнѣ пятьдесятъ второй уже идетъ. Въ рескриптѣ сказано: съ 1807-го, а я въ 1805 и 1806 прослужилъ двѣ кампаніи тяжелыя и получилъ первую награду. Видно, трудно было справиться въ Инспекторскомъ Департаментѣ. Да и что за важность?

Je suis si frivole que j'aime le style, et si bête que j'aime la justice.

8-го Марта. Вчера былъ въ присутствіи Государя смотръ въ гимнастикѣ и фехтованіи гвардейскимъ ротамъ 1-й дивизіи. Встрѣтился съ кн. Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ, намѣстникомъ Царства Польскаго и бывшимъ главнокомандующимъ въ Крыму. Съ намѣреніемъ упомянулъ о его званіяхъ, которыя можно было забыть, видя ничтожество всего этого: только что вступилъ онъ въ атмосферу двора и въ присутствіе Государя, Горчакова едва было замѣтно, и ничего не было сдѣлано, чтобы обратить на него вниманіе. Онъ былъ въ толпѣ. Покойный имѣлъ это искусство. Я спросилъ Г. объ графѣ А. П. Толстомъ: инвалидъ, совершенно инвалидъ! Такъ мы одинъ за другимъ сходимъ со сцены, смертію или, что̀ еще хуже, оставаясь печальною развалиной. Разныя и въ разныхъ мѣстахъ происшествія въ слѣдствіе тронутаго вопроса о крестьянахъ, между прочимъ и раскольники. Графъ Бревернъ, командиръ кавалергардскаго полка, порадовалъ меня, сказавъ, что, на бывшемъ 6-го числа смотру, эскадронъ моего сына признанъ лучшимъ по верховой ѣздѣ. Въ немъ кипитъ желаніе отличиться, придетъ время, надѣюсь, и въ чемъ нибудь поважнѣе.

10-го. Зашелъ вчера Адмиралъ Ѳедоръ Петровичъ Литке провѣдать, и посидѣлъ съ часъ и болѣе. Важность предметовъ, занимающихъ теперь правительство и пробужденіе духа предпріимчивости частныхъ лицъ и обществъ даютъ пищу и занимательность бесѣдѣ. Скоро затѣмъ вошелъ и Павелъ Петровичъ Мельниковъ. 93 т. дворянъ имѣющихъ 25 и менѣе душъ крестьянъ, что̀ составитъ около 2-хъ м. крестьянъ, положеніе которыхъ должно быть незавидно. Рѣшенія еще не послѣдовало. Русская компанія, наиболѣе Подольскаго, Волынскаго и Кіевскаго края, для сооруженія желѣзной дороги изъ Кіева на Козельскъ, Нѣжинъ, Брянскъ, до соединенія съ Либавскою, еще на разсмотрѣніи.

Стихотворенія Некрасова. Это вопль отчаянія и злобы на все горькое и жалкое въ общественномъ бытѣ народа и его собственномъ. Дарованіе высокое.

11-го Марта. Вчера нѣсколько часовъ съ подполк. Писаревскимъ. Предложеніе принять участіе въ соглашеніи правитель-

ства на вызовъ новой и сильной компаніи—построить сколько ему угодно будетъ и по какимъ угодно направленіямъ желѣзныхъ дорогъ, своими капиталами (т. е. капит. компаніи), за извѣстный процентъ по $5^1/_2$ отъ правительства. Каждый отдѣлъ (section) оконченной постройкою дороги сдается въ полную собственность правительства, и очевидно способствуетъ уплатѣ процентовъ за употребленной капиталъ. Если проэктъ покажется заслуживающимъ вниманія, то, для объясненія всѣхъ подробностей, компанія готова прислать отъ себя довѣренныхъ агентовъ-капиталистовъ въ Петербургъ. Мнѣ предлагаютъ значительныя выгоды за посредничество. Не мое это дѣло. Оканчивая жизнь, проведенную безъ вниманія на матеріальные интересы, я не могу имѣть опытнаго и яснаго взгляда на ихъ сложные разсчеты, особливо въ дѣлѣ такого огромнаго объема. Какъ дѣло первостепенной важности для Россіи, въ различныхъ для развитія ея могущества отношеніяхъ, я прочелъ проэктъ, адресованный на высочайшее имя, со вниманіемъ. Принятію его долженъ много повредить заключенной уже съ Перейрой и к. контрактъ на 4 т. верстъ на условіяхъ, если не ошибаюсь, много невыгоднѣйшихъ и въ особенности готовящихъ правительству, почти на столѣтіе, большія затрудненія. Но эта компанія естественно имѣетъ уже готовыхъ покровителей и воспрепятствуетъ успѣху другой, особливо представляющей, какъ полагаю, очевидныя передъ первою выгоды для государства. Но все таки это не мое дѣло. Уѣду и зароюсь въ мой хуторъ.

12-го Марта. Locke était un excellent protestant: il suffit de lire la préface de son fameux livre pour voir qu'il croyait sincérement travailler à la plus grande gloire de l'Évangile, et pourtant il écrit le traité métaphysique d'où est sorti le 18-me siècle tout entier. La révolution francaise a debuté par faire appel à la liberté et s'est attaqué à la monarchie; son résultat le plus clair jusqu' à ce jour a été de transformer précisément ce principe monarchique et de donner à l'autorité plus de moyens d'actions qu'elle n'en eut jamais sous l'ancien régime. Тоже самое бываетъ и въ матеріальныхъ расчетахъ. Не всѣ ли ожидали, что первое послѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ будетъ значительное пониженіе цѣнъ на жизненныя потребности, а покуда выходитъ скорѣе противное и у насъ, и въ чужихъ краяхъ, особливо во Франціи.

18-го. Сегодня, по случаю годовщины прошлогодняго заключенія мира, большой парадъ всѣмъ войскамъ въ Петербургѣ расположеннымъ, на которой я выѣхалъ. Прекрасная погода благопріятствовала этому. Войска въ отличномъ видѣ и проходили превосходно. Турецкій посолъ, съ которымъ я заговорилъ, отвѣчалъ по-русски, что не знаетъ Французскаго языка, а немногія Русскія слова ему знакомыя выговорилъ чисто.—Разговоръ съ гр. Остенъ-Сакеномъ. Мягко стелетъ и будто понимаетъ. Увидѣлся съ Катенинымъ, пріѣхавшимъ изъ Оренбурга. Императрица съ дѣтьми присутствовала на балконѣ дворца.—Вчера были у меня гр. Борисъ Перовской и за нимъ князь Суворовъ; въ занимательномъ съ нимъ разговорѣ пропустилъ разводъ съ церемоніей, куда намѣревался ѣхать, но не пожалѣлъ о томъ; услышалъ отъ него много занимательнаго и важнаго. Между прочимъ онъ одобряетъ мой отъѣздъ въ деревню.

Выходя изъ кабинета, чтобы сѣсть на лошадь и ѣхать на парадъ, встрѣтилъ въ гостиной П. П. Мельникова. Онъ обласканъ, наконецъ, Государемъ и получилъ 2-го Владимира. Пора дать ему приличное значеніе, а онъ ѣдетъ за границу!

21-го Марта. Вчера посидѣлъ г. Силиверстовъ, возвратившійся изъ Восточныхъ губерній, куда былъ посланъ съ весьма важными порученіями. Замѣтки его во всемъ согласны съ моими предположеніями о настоящемъ положеніи дѣлъ и умовъ въ губерніяхъ, на опытѣ жизни основанными.

Флигель-адъютантъ Барановъ принесъ мнѣ отысканной геральдикомъ Толемъ гербъ нашей фамиліи съ 1542-го года, отъ Нильса Граббе, штатгалтера въ Выборгѣ происходящей, за Шведское время. Теперешній нашъ гербъ мною на память (послѣ утраты всѣхъ моихъ вещей въ 1806-мъ г. въ дѣлѣ при Голоминѣ) возобновленный, выходитъ ошибочной. Надобно объяснить это дѣло для моего потомства.

25-го Марта. Необходимо намъ вырваться отсюда, пока еще возможно, послѣдними средствами. Жизнь въ Петербургѣ невыносимо дорога, и ничто обязательное по службѣ не удерживаетъ. Странная перемѣна обращенія со мною Наслѣдника, ставшаго Государемъ. Это бываетъ и даже хорошо съ нахлѣбниками и шутами, а не съ людьми, посвятившими себя строгимъ обязанностямъ жизни и службы и оставившими на пути своемъ несомнѣнныя доказательства того и другаго.

26-го Марта. Вчера, по случаю праздника конно-гвардейскаго полка, церковный парадъ въ манежѣ. Въ 4 часа обѣдъ во дворцѣ въ концертной залѣ. Сидѣлъ между военнымъ министромъ и Кокошкинымъ. Содержаніе полиціи въ Парижѣ—семь милліоновъ франковъ.

Разрывъ дипломатическихъ сношеній между Австріей и Піемонтомъ. Выборы въ члены палаты въ Англіи. Умная осторожность въ Парижѣ.

27-го. Среда. Вчера съ дочерьми и Михаиломъ въ часъ были въ Академіи Художествъ на выставкѣ. Въ памяти остались батальныя картины *Коцебу*, особливо переходъ чрезъ Чортовъ мостъ. Въ 6-мъ на обѣдъ къ князю Василію Васильевичу Долгорукову по случаю дня его рожденія. Были только его родные. Сестра свѣтл. княгиня Салтыкова, братъ князь Николай съ женой и дочерью княжной Маней, зять князя, князь Владимиръ, князь Долгоруковъ Almagro и П. Мельниковъ. Поздно сѣли за столъ въ ожиданіи гр. Рибопьера и, наконецъ, рѣшились не ждать его. Almagro, между прочими, часто умными, почти всегда злыми разсказами, признался въ двухъ отвѣтахъ въ игрѣ въ secrétaire. Его спросили: qu'est-ce qu'il fait de la modestie?—Je n'en use jamais. Ce qu'il fait de la méchanceté?—J'en abuse.

31-го Марта. Разсказывали, что г-лъ-контролеръ Анненковъ, говоря обо мнѣ, назвалъ меня *une barre de fer*. Pauvre barre de fer, qui s'amollit et plie au moindre témoignage de bienveillance, même de la part d'un ennemi! Но если онъ подъ этимъ разумѣлъ твердость, непоколебимость въ несчастіяхъ и гоненіяхъ, то благодарю за то Создателя и прошу и молю подкрѣпить на остальное время жизни.

Забавное объявленіе полиціи, что долгое время по улицамъ города ѣздили *на лихихъ* (это выраженіе объявленія) тройкахъ грабители и нападали на прохожихъ, прибавляя, что молва преувеличивала разные случаи, какъ будто это дѣло обыкновенное. Я повѣрилъ только прочитавъ объявленіе.

Вчера былъ смотръ, на которой я не выѣхалъ.

1-е Апрѣля. Были два брата близнецы Фитингофы, корнеты конной гвардіи, такого сходства, что даже когда они вмѣстѣ, то различить ихъ трудно. Тенгоборской, членъ Государств. Совѣта, замѣчательный своими свѣдѣніями въ политической экономіи и

умомъ вообще, хорошій мой знакомый, послѣ двухъ дней болѣзни умеръ отъ операціи нароста на щекѣ.

3-го Апрѣля. Вчера разстался, послѣ трехлѣтней почти неразлучной жизни въ Кронштадтѣ, Ревелѣ и здѣсь, съ бывшимъ моимъ адъютантомъ Аркадіемъ Павл. Никитинымъ. Долго рыдалъ онъ на моей груди, и страшно подымалось и будто надрывалось въ груди его доброе его сердце. Онъ въ эти три года возвысился до замѣчательной извѣстности въ портретной живописи, написалъ два портрета Государя, портретъ Наслѣдника, кн. В. А. Долгорукова, Морни. Портреты А. П. Ермолова и мой обратили въ особенности на него вниманіе, за которые онъ признанъ Академіею художникомъ и отправленъ на счетъ правительства за границу для усовершенствованія. Нѣжная, воспріимчивая и благодарная натура! Мнѣ его будетъ недоставать въ кругу семейства.

Дѣльная статья главнаго доктора Французской арміи въ послѣднюю войну Боденя (Baudain) о гигіенѣ солдата въ разныхъ положеніяхъ, на бивакѣ, въ землянкѣ, въ палаткѣ, въ траншеяхъ, въ казармѣ, въ гошпиталѣ, примѣрами подкрѣпленная. Къ удовольствію нашелъ много моихъ, также на опытѣ основанныхъ, понятій.

Въ прогулкѣ встрѣтилъ Государя съ выраженіемъ блѣдности и заботы.

4-го Апрѣля. День проведенъ по весеннему. Погода была очень теплая. Въ часъ отправились пѣшкомъ въ Исакіевскій соборъ, я въ первой разъ. Первое впечатлѣніе, неизбѣжное, совершенно-противное стройности цѣлаго: это огромный, неуклюжій образъ Іисуса на стеклѣ, написанный въ Мюнхенѣ, противъ царскихъ дверей, преслѣдующій васъ всюду. Великолѣпнаго, прекраснаго до изящнаго много, но болѣе великолѣпнаго. Живопись Штейбена показалась мнѣ лучшею, за нимъ Неффа. Есть весьма посредственныя. Колонны малахитовыя и рѣдкихъ мраморовъ, кромѣ бѣлыхъ Карарскихъ и Сіенскихъ, всѣ Русскія, наиболѣе Олонецкихъ. Малахитъ Сибирской. Всѣ работы назначено окончить къ 15-му наступающаго Августа. Мой чичероне, помощникъ главнаго архитектора Монферрана, г-нъ Дершау, сказалъ мнѣ, что по сіе время постройка собора стоитъ 22 м. 300 т. рублей серебромъ. Повѣрить и дополнить первое впечатлѣніе новымъ посѣщеніемъ.

5-го. Вчера навѣстилъ А. Н. Попова. Разрядныя книги. Русскій языкъ до временъ Петра Великаго гораздо ближе и сходнѣе съ настоящимъ. Искаженіе начато Петромъ, смѣсью иностранныхъ словъ и оборотовъ. Очищеніе и словосложеніе со временъ Екатерины Второй, даже ранѣе Ломоносовымъ, потомъ созвѣздіемъ поэтовъ, Державинымъ, Крыловымъ, Дмитріевымъ, Батюшковымъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ; офиціальной — Сперанскимъ; исторической и общеупотребительной—Карамзинымъ, Жуковскимъ, Грибоѣдовымъ, и въ разныхъ степеняхъ многими.

7-го Апрѣля. Свѣтлое Воскр. Съ Ольгой были у заутрени во дворцѣ. Поздравленіе и христосованіе съ Государемъ; общее впечатлѣніе. L'imposant a disparu. La multitude est devenue cohue. Статсъ-дамъ и фрейлинъ было очень мало. Къ счастію, десяти минутъ не ждали кареты и въ половинѣ втораго были уже дома. Въ продолженіе дня ѣздилъ верхомъ одинъ и съ удовольствіемъ на Марсовомъ полѣ уже сухомъ. Герцогъ Ольденбургской съ сыновьями также верхомъ.

8-го. Молва о назначеніи кн. Меншикова министромъ финансовъ. Катенинъ назначенъ вмѣсто Перовскаго генералъ-губернаторомъ въ Оренбургъ. Слухи о значительномъ уменьшеніи гвардіи и арміи. Безсрочные.

11 го Пріемъ, встрѣтившій в. к. Константина во Франціи. Статья Погодина въ Le Nord, умная и замѣчательная даже тѣмъ, что у насъ пропущена. Шульцъ обѣдалъ вчера. Разсказы о его пребываніи въ Парижѣ. Невыгодныя для нашего административнаго устройства впечатлѣнія при возвращеніи въ Россію. Дороги, почты, гостинницы, чиновники!! Старое не поддержано, новаго еще не видно.

12-го Апрѣля. Смѣшная и непонятная сплетня въ здѣшнемъ обществѣ о предстоящей будто бы женитьбѣ моей съ г-ей Делагарди, о существованіи которой я никогда не слышалъ. Кто распускаетъ подобныя нелѣпости, и въ это важное время?

13-го. Статья, хорошо написанная, Погодина основана на томъ предположеніи, что императоръ Николай вовсе не помышлялъ о войнѣ съ Турціей и потому взятъ былъ въ расплохъ, когда союзники явились на защиту ей. Всѣ выводы автора статьи сооружены на этомъ началѣ и потому рушатся и падаютъ сами собой въ глазахъ тѣхъ, которые знаютъ, что императоръ имѣлъ

точно замыслы на Константинополь, но полагалъ время и обстоятельства для приступа къ исполненію неблагопріятными, и если, когда дошло дѣйствительно до войны, оказался вовсе неготовымъ, даже до недостатка въ порохѣ, оружіи и многомъ, то на это есть совсѣмъ другія причины, въ его характерѣ, въ его управленіи, въ выборѣ людей лежавшія. Историческія изслѣдованія въ свое время это докажутъ.

16-го Апрѣля. М. Н. Муравьевъ министромъ государственныхъ имуществъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удѣловъ и Межеваго Департамента. Въ умѣ и энергіи недостатка не будетъ. Въ послѣдней не будетъ ли лишняго? Опасное финансовое положеніе, наслѣдство предшествовавшаго царствованія.

18-го Апрѣля. Вчера, въ день рожденія, Государя малый выходъ во дворцѣ. Общее выраженіе на лицахъ присутствовавшихъ. Нѣсколько словъ объ этомъ съ Норовымъ, министромъ просвѣщенія. Фалстафъ въ почетѣ. Отказъ к. Меньщикова отъ Министерства Финансовъ. Кн. Викторъ Васильчиковъ директоромъ канцеляріи военнаго министра.

Во Вторникъ заходилъ и посидѣлъ у Булгарина, разбитаго параличемъ. Засталъ его одного. Ударъ подѣйствовалъ нѣсколько и на языкъ, кажется и на мозгъ. Спокойные намеки на близкую смерть.

19-го. Князь Леонидъ Голицынъ, сослуживецъ Турецкой и Польской войны, съ которымъ въ первой разъ послѣ того встрѣтился. Г-лъ Баранцевъ. Всегда съ удовольствіемъ смотрю на человѣка, который съ лѣтами и мѣстами становится лучше. Гораздо чаще бываетъ напротивъ. Опытомъ дознанная недѣйствительность Шрапнелевой картечи; безпутная, т. е. бездорожная страна. Замѣтная отвычка отъ общества.—Американская желѣзная дорога отъ Амура не состоялась. Военный министръ получилъ Владимирскую ленту съ царскаго плеча!

23-го. Третьяго дня дворъ переѣхалъ въ Царское Село. Директоръ канцеляріи военнаго министра. Предложеніе Американской компаніи построить желѣзную дорогу отъ Амура и заселеніе береговъ его Китайцами и Русскими еще разсматривается.

Les inondations de St.-Péterbourg sont causées par l'arrivée et l'invasion des eaux de la mer quand elles s'élevent, et non par la

seule suspension de l'écoulement des eaux de la Néva. C'est donc contre cette action puissante qu'il faut diriger les précautions à prendre, et voici ce que le genéral Bazaine propose. De la pointe de la côte, située sur la rive gauche du fleuve, où est placé le château d'Oranienbaum, un banc élevé et solide court perpendiculairement à la longueur du fleuve et le barre dans son cours. Une passe large et profonde lui succède; ensuite le banc se reproduit et vient aboutir à Cronstadt. Le g-l Bazaine pense qu'en employant de gros morceaux de granit, faciles à tirer de Finlande, et en construisant une digue sur le banc existant, à peine couvert par l'eau dans les temps ordinaires, et en réduisant l'ouverture de la Néva à la partie où elle est profonde, on éleverait les eaux de trois pieds environ, ce qui donnerait les mêmes moyens d'écoulement qu' à prèsent. Les eaux trouvant en hauteur l'équivalent de ce qu'elles perdraient en largeur, quand les eaux de la mer s'éleveraient, elles trouveraient la digue qui les empêcheraient de pénétrer. En outre, comme dans ces circonstances l'élevation des eaux dans le lit de la rivière, si menaçante pour la ville, n'est pas seulement le résultat de la suspension du cours de la Néva, mais encore et surtout tient à l'invasion des eaux de la mer, agissant avec une grande pression, le rétrécissement de l'embouchure aurait pour effet, en diminuant la masse des eaux introduites et leur pression, de diminuer les accidents, si redoutables aujourd'hui. Il faudrait aussi barrer de même le bras de la Néva qui sépare l'île de Cronstadt de la terre ferme. Ces travaux rappeleraient parfaitement les *murazzi* de Venise; ils seraient d'une exécution plus facile, à cause du voisinage des matériaux, de leur nature et des moyens qu'on emploie en Russie. Indépendamment de la conservation de St.-Pétersbourg, qui serait assurée, ce système aurait encore d'autres avantages. Presque tous les batiments de commerce qui naviguent sur la Baltique pourrait franchir la barre et arriver à St.-Pétersbourg tout chargés. Aujourd'hui les marchandises se débarquent à Cronstadt, et des allèges les apportent à la capitale. Ensuite, le niveau de la rivière étant changé, la résistance des eaux de la mer se trouverait plus bas dans son cours, et par conséquent les dépôts dont la barre est augmentée chaque jour se feraient ailleurs et ne contribueraient pas à l'accroître. En effet, la barre, à l'entrée de tous les fleuves, est toujours le résultat du dépôt des terres charriées et précipitées au moment où le repos est produit par le choc du courant contre la mer. Ainsi la barre actuelle ne serait jamais

augmentée. On pourrait même y ouvrir un passage de quelques pieds, et, avant d'avoir à redouter les effets de la nouvelle barre, on aurait la marge de quelques milliers d'années.

Quand on pense aux immenses résultats d'un pareil travail, estimé par les calculs du g-l Bazaine à *neuf millions de francs* et à trois ans de temps pour être achevé, on se demande comment un souverain aussi éclairé que Nicolas ne l'a pas encore ordonné. Il est vrai qu' en Russie, comme ailleurs, les choses les plus simples et les meilleures rencontrent des difficultés qui tiennent aux personnes, et le g-l Bazaine me parlait avec douleur du triste sort d'un homme de métier dont les projets sont soumis à l'opinion et à la volonté d'un prince-amateur. C'est ainsi qu'il désignait le prince Alexandre de Wurtemberg.

1-го Мая. Третьяго дня въ 10-ть ч. вечера пушечные выстрѣлы съ крѣпости возвѣстили о благополучномъ разрѣшеніи Императрицы сыномъ Сергѣемъ Александровичемъ. Вчера по этому случаю былъ съѣздъ въ Царское Село на молебенъ въ великолѣпной дворцовой церкви. Ѣхалъ въ вагонѣ, туда и назадъ, и остановился во дворцѣ вмѣстѣ съ намѣстникомъ Царства Польскаго. Кн. Меншиковъ тоже остановился съ нами. Правописаніе военнаго министра. Въ половинѣ четвертаго возвратился домой. Пріятнѣйшее во весь день обстоятельство было для меня слово корпуснаго начальника гвардейской кавалеріи, тяжелаго на похвалу г-ла Гринвальда, о сынѣ моемъ: «Il a le feu sacré, chose si rare».

По городу ходитъ собственноручная резолюція в. м.: «сумлѣваюсь чтопъ гисторію о гошпиталяхъ *Прискорбъ* (Брискорнъ) мохъ оболванить къ *Юлю* мѣсяцу!» Замѣчательнымъ людямъ случается нерѣдко пренебрегать правописаніемъ, но людямъ мелкимъ? Къ которымъ изъ нихъ принадлежалъ покойной фельдмаршалъ, тоже не твердый въ грамотѣ? Монологи губами, сопровождаемые мимикой князя М. Д. Горчакова.

7-го. Вчера въ лѣтнемъ саду въ разговорѣ съ г-лъ-м. Лихачевымъ вспомнилъ о моемъ разногласіи въ 1846-мъ году съ г. Киселевымъ по поводу назначенія на одно изъ важныхъ мѣстъ по моему мнѣнію не совсѣмъ готоваго къ тому человѣка. К. возразилъ мнѣ, что, въ восходящей къ могуществу во всѣхъ отношеніяхъ Россіи, ошибки въ выборѣ людей не важны, а важны одни учрежденія. Не соглашаясь и съ этимъ, я прибавилъ: А

кто замѣтитъ, гдѣ восходящее направленіе остановится и начнется нисходящее, гдѣ ошибки уже безнаказанно не проходятъ?

15-го Мая, Среда. Обѣдали у меня А. Н. Поповъ и Селиверстовъ. Въ Госуд. Совѣтѣ дѣло Прокофьева и Небольсина по случаю посылки перваго ко второму 5 т. р. с. *отъ всѣхъ и за вся* за содѣйствіе къ выгодному тарифу. Вообще разговоръ очень занимательной о настоящемъ положеніи дѣлъ. Вечеромъ въ театръ-циркъ, гдѣ давали Бронзовой Конь съ балетомъ.

20-го. Вчера ѣздилъ откланиваться Государю въ Царское. Привѣтливое слово. Сухое г. Остенъ-Сакену. Разговоръ съ Ланскимъ, съ Рокасовскимъ. Вижу нѣсколько яснѣе, но не утѣшительно. Николай Тургеневъ въ Петербургѣ по словамъ г. Сакена. Надобно отыскать.

Въ деревнѣ.

20-го Іюня 1857. Четыре дня тому, съ грозою и ливнемъ, давно здѣсь желаемымъ, въѣхали мы въ свою усадьбу, съ дочерьми Ольгой и Катей и сыномъ Владимиромъ при гувернанткѣ m-me Bailly. Домъ и паркъ приняли насъ привѣтливо. Отдыхъ, послѣ знойныхъ дней и непростительнаго безпорядка почтъ по Кіевскому трактату, былъ необходимъ и чрезвычайно пріятенъ. Встрѣча съ крестьянами какъ съ семьею. Съ живымъ удовольствіемъ узналъ, что они кроткимъ и безтребовательнымъ управленіемъ воспользовались, и считаются самыми здѣсь зажиточными и добропорядочными. Пьянство, въ прежнее время общее, сдѣлалось рѣдкимъ. Хотя не получаю съ этой деревни дохода, но эта перемѣна для меня такъ пріятна, что не рѣшусь приступать къ чему либо новому, не обдумавши зрѣло; развѣ представится средство основать доходъ матеріальной, не измѣняя ничего въ настоящемъ порядкѣ, путемъ коммерческимъ. Нравственной, душевной доходъ я уже имѣю. Какъ хорошо здѣсь! Вчера послѣ грозы и благодатнаго для края дождя, послѣ чая, мы сидѣли на балконѣ и долго, забывая часы, любовались большею частію молча, на окружающую насъ природу, вдыхая съ наслажденіемъ освѣженный грозою воздухъ, послѣ дневнаго зноя. Мѣсяцъ въ своей половинѣ стоялъ надъ деревьями, длинныя тѣни которыхъ лежали на зеленомъ кругу передъ домомъ. Зарница съ правой сто-

роны, почти каждую минуту, вспыхивала на недалекомъ горизонтѣ. Все молчало, будто съ благоговѣніемъ.

Ce n'est pas la population proprement dite qu'il faut s'efforcer de multiplier, c'est la quantité de subsistances. L'homme a une puissance organique de multiplication qui n'a pas besoin d'être excitée et qui doit au contraire être contenue par la raison, car elle tend toujours à dépenser les moyens d'existence, et dans ce cas c'est la maladie et la mort qui se chargent de rétablir l'équilibre. Telle est en peu de mots la théorie de Malthus, théorie d'une vérité frappante et dont l'auteur doit certainement compter parmi les principaux bienfaiteurs de l'humanité.

Il n'y a jamais eu de pays où l'habitude de trop gouverner ait pris plus profondément racine et fait plus de mal.

Замѣчательная статья Ферріе (Ferrier, adjudant - general) въ Revue Britannique, въ которой, описавъ свое путешествіе изъ Тегерана въ Афганистанъ, онъ указываетъ на возможность для Русской арміи проникнуть до Инда, двумя путями, чрезъ Персію на Гератъ и Кандагаръ до Аттока или Шикарпура, или чрезъ Хиву, Балкъ, Бадакшанъ на Кабулъ. А какое указаніе непрочности владычества Англіи въ Индіи представляетъ въ настоящее время бунтъ Сипаіевъ и возстаніе Индусовъ! Но исходъ минувшей войны на долгое время положилъ для Россіи преграду всякимъ предпріятіямъ такого рода.

5-го Августа. Вчера оставили меня сыновья Александръ и Владимиръ, первый на Кавказъ, второй въ Петербургъ. Съ Владимиромъ, Богъ дастъ, увижусь въ Октябрѣ. Съ Александромъ, Богъ знаетъ, увижусь ли! Глубокая, грудь надрывающая и непривычныя слезы выжимающая тоска по немъ овладѣла мною. Вездѣ она преслѣдуетъ меня. Вчера вечеромъ выѣхалъ верхомъ одинъ уже; тѣже дороги, по которымъ ѣздилъ все время съ нимъ, еще болѣе меня растрогали вмѣсто развлеченія. По возвращеніи за чаемъ съ дочерьми, слезы неудержимо прорывались сквозь пальцы и душили меня. Флигель, въ которомъ дѣти жили со мною, страшно опустѣлъ; не могу войти на ихъ половину. Сію минуту пришелъ изъ моего любимаго, уединеннаго березника и отыскалъ на молодой березѣ шифръ его: *А. Г. 4-го Августа 1857 Квз.*, вырѣзанный имъ передъ отъѣздомъ. И знаетъ ли благородной, прекрасной юноша, какъ я его люблю! И Кавказъ! Его притягивало

туда, и ничто удержать не могло. Да услышитъ Создатель напутственную молитву за молебномъ прочтенную и осѣнитъ его Своимъ покровомъ. Благословляю его!

Chose singulière, il y a eu France une sorte de passion de nivellement démocratique, et en même temps il y a une rage de titres, de distinctions honorifiques. C'est que chacun veut être l'égal de ses supérieurs, et le supérieur de ses égaux.

19-го Августа. Отыскалъ записки и замѣтки давнихъ лѣтъ, между прочимъ періода заточенія въ Ярославлѣ *). Также портфель посольства къ Султану въ Рущукъ въ 1846-мъ г. Вчера навѣстилъ пріятный сосѣдъ, Мих. Андр. Маркевичъ. Онъ казался восхищенъ моимъ cottage, прибавивъ, что онъ долженъ меня притягивать къ себѣ изъ Петербурга. Страховое письмо изъ Бессарабіи дошло ко мнѣ почти чрезъ два мѣсяца. Правда, что было надписано: *весьма нужное!* Очнется ли наконецъ почтовое управленіе, какъ конное, такъ и по корреспонденціи? Это не лучше Турціи.

30-го Августа. Всякая мысль, переданная роднымъ словомъ, яснѣе представляется уму, глубже западаетъ въ душу.

Вызовъ на основаніе въ Москвѣ общества подъ названіемъ и съ цѣлію распространенія знаній въ Россіи: статья г. Ламанскаго въ Современникѣ, умная и хорошо написанная. Ей преимущественно обязанъ часами пріятно проведенными въ кабинетѣ, удержанной невольно дурной погодой.

6-го Сентября. Замѣчательный разборъ Хроники и Воспоминаній Аксакова Делаво (Delaveau) съ заключеніемъ автора о настоящемъ положеніи общества въ Россіи въ Revue des Deux Mondes, занялъ пріятно мой вечеръ, между тѣмъ какъ гроза и дождь шумятъ на дворѣ.

Прочитывая извѣстія о страшномъ возмущеніи, охватившемъ огромную часть Англійскихъ владѣній и туземныхъ полковъ въ Остъ-Индіи, болѣе всего удивляетъ меня, какъ заговоръ такой обширной, подъ глазами Англійскихъ начальниковъ и офицеровъ,

---

*) Именно за этотъ періодъ въ настоящее время не отыскано Записокъ графа П. Х. Граббе. Мы даже не знаемъ поводовъ его ссылки въ Ярославль.
П. Б.

множества гражданскихъ и полицейскихъ агентовъ, въ виду предупрежденій нѣсколькихъ вѣры достойныхъ лицъ, какъ напр. генерала Чарльза Непира, могъ до такой непостижимой степени застать въ расплохъ тамошнее мѣстное правительство. Думаю, что, независимо отъ разныхъ ошибокъ и недостатковъ самаго управленія, высокомѣріе и брезгливость, отличающія большую часть Англичанъ, въ ихъ обхожденіи, особливо съ покоренными народами, и недопускающія ихъ до пріязненныхъ съ ними сношеній, вѣроятно были также причиною такого ожесточеннаго возстанія.

По поводу именно устройства въ Остъ-Индіи Англичанами туземныхъ полковъ Сипаіевъ, я вспомнилъ любопытный разговоръ съ императоромъ Николаемъ, въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ съ Кавказа, во время моего тамъ командованія. Коснувшись тамошнихъ горскихъ милицій, Государь съ выраженіемъ упрека замѣтилъ мнѣ, что мы не умѣемъ въ подражаніе Англичанамъ образовать изъ нихъ постоянное и устроенное войско. На это я позволилъ себѣ отвѣчать, что, въ настоящихъ отношеніяхъ къ нимъ, если бы нужно было даже нѣсколько тысячъ ихъ вызвать съ нами для дѣйствій въ Азіи, они, до того намъ почти ничего не стоющіе, отлично храбрые, хорошо вооруженные, пошли бы съ нами, принесли бы намъ, при нѣсколькихъ полкахъ нашей собственной конницы, величайшую пользу и соотвѣтствовали бы совершенно цѣли, для которой нужно временное ихъ содѣйствіе; а постоянное устройство ихъ въ полки по нашему уставу повлекло бы къ огромнымъ расходамъ и къ важнымъ неудобствамъ. Настоящія происшествія въ Остъ-Индіи прибавили страшной и полной доводъ къ приведеннымъ тогда мною доводамъ. При этомъ я не могу теперь, когда для этого государя, оставившаго на Россіи глубокій слѣдъ своего царствованія, наступилъ судъ Исторіи, и не смотря на все, что я позже испыталъ отъ него лично, я не могу безъ умиленія и уваженія вспомнить, съ какимъ вниманіемъ, терпѣніемъ и снисхожденіемъ онъ выслушивалъ, въ свои хорошіе часы и между четырехъ глазъ, возраженія на свои мнѣнія и мысли и уступалъ убѣжденіямъ. И это не только тогда, въ сороковыхъ годахъ, но и позже, конечно уже рѣже. Послѣдній и самый замѣчательный и продолжительный разговоръ таковаго рода былъ ровно за три недѣли до его кончины, въ томъ самомъ

кабинетѣ, гдѣ онъ умеръ. Объ этомъ разскажу когда нибудь подробно. Это черта высокая и рѣдкая въ государяхъ, даже не самодержавныхъ.

L'art est à lui-même son propre but; tout autre manière de le concevoir est manifestement contraire à la raison.

Le mensonge prend aujourd'hui une prodigieuse importance dans les habitudes de notre société.

J'ai assez livré de batailles, écrivait Wellington à Charles Stuart le 6 Octobre 1810, pour savoir que l'issue d'aucune n'est certaine, même après les meilleurs dispositions.

Moins soucieux de sa gloire que du but à atteindre, Wellington eut pour maxime constante de ne jamais compter sur le hasard; ce qu'il pouvait obtenir d'une manière sûre, il ne cherchait point à l'atteindre d'une manière brillante. Froid et prudent par calcul, plus encore que par tempérament, il devenait audacieux quand l'audace était une condition de succès. Personne n'a sacrifié moins que lui à la vanité personnelle et à cette valeur chevaleresque qui trop souvent se réduit en gloire pour les combattants, en désastre pour la cause ou pour le pays qu'ils ont mission de défendre.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ. (1812-й годъ). М. 1873. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Литературныя Записки Михаила Александровича Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

Въ Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа продаются сочиненія Ѳ. П. ЕЛЕНЕВА:

ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ И СТОЛИЦѢ. Экономическій и общественный бытъ провинцій. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ОСВОБОЖДЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ“

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

Сочиненіе В. А. Кокорева.

Цѣна **ПЯТЬ** рублей.

Вся вырученная сумма назначается на устройство, въ половинномъ разстояніи между Москвой и Петербургомъ, лѣтняго безплатнаго помѣщенія для учащагося юношества, не имѣющаго средствъ освѣжить свои силы пребываніемъ въ каникулярное время въ здоровомъ деревенскомъ воздухѣ.

Получать можно въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской улицы и Ковенскаго переулка, въ домѣ № $^{16}/_{17}$, и въ Москвѣ, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, № 175.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1889 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива“ 1889 года составляютъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

За перемѣну адреса городскаго на городской и иногороднаго на иногородный по 30 к.; за перемѣну иногороднаго на городской 50 к.; городскаго на иногородный—90 к. (по взимаемой почтовымъ вѣдомствомъ платѣ).

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887 и 1888 гг. получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

*

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива“ имѣется азбучный указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія Предметныя Росписи за **пять, десять, пятнадцать и двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива“. Нынѣ печатается особою книгою **Предметная Роспись „Русскаго Архива“ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ.** Книга эта будетъ издана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ“ 1889 года—**ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**